

1 2011
309 58к

С.Омарбеков

**География
фонетических
различий
казахской
речи**

С. ОМАРБЕКОВ

ГЕОГРАФИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ КАЗАХСКОЙ РЕЧИ

(Сравнительный аспект системы согласных)

Ллма-Лта «Рауан» 1992

Научно-популярное издание

Сапаргали Омарбекович Омарбеков

**География фонетических различий казахской речи
(Сравнительный аспект системы согласных)**

Редактор Э. Дельцова
Тех. редактор А. Смагулова
Худож. редактор А. Ващенко
Корректор Г. Туленова

ИБ № 5288

Сдано в набор 15.06.91. Подписано к печати 10.06.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. п. л. 14,0. Усл. кр.-отт. 14,25. Уч.-изд. л. 14,242. Тираж 2 000 экз. Заказ 1536.

Издательство «Рауан» Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Типография оперативной и билетно-бланочной продукции производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480016, г. Алма-Ата, ул. К. Маркса, 15/1.

ББК 81
О—57

Омарбеков С.

О 57 География фонетических различий казахской речи (сравнительный аспект системы согласных).— Алма-Ата: Рауан, 1992.— 230 с.

Пособие освещает историко-лингвистическое своеобразие звуковой системы казахских народных говоров, знакомит с географией распространения языковых различий. Предназначается для ведения курсов диалектологии и истории казахского языка, будет полезно специалистам языковедческого профиля, аспирантам, студентам.

ББК 81

О $\frac{4602024000-014}{404(05)-92}$ 241—91

© Омарбеков С., 1992

ISBN 5-625-01451-5

Предисловие

В разрешении всего комплекса таких узловых проблем казахской лингвистики, как определение диалектной системы народного языка, выявление границ диалектного членения, установление диалектной базы литературного языка, изучение закономерностей развития звукового строя народно-разговорной речи, чрезвычайно важную и ведущую роль призвано сыграть освещение вопросов сравнительной и ареальной характеристик, дифференцирующих фонетических признаков казахских народных говоров.

В отличие от доселе известных работ по казахской диалектологии в данной книге вся совокупность казахских говоров берется на уровне системы согласных как предмет сравнительного и лингвогеографического изучения автономно. Работа по полученным в ней результатам создает обобщающее представление о дифференцирующих фонетических признаках казахской диалектной речи в целом, о их сравнительном и ареальном аспектах в особенности. Определяется место казахских диалектов в общей системе тюркских языков по отношению к функционированию наиболее существенных звуковых черт.

На основе сравнения устанавливается фонетическая закономерность диалектных различительных признаков казахского языка, характеризующаяся общностью последних с фактами родственных языков. Абсолютное большинство изменения звуков в казахской народной речи, будучи сугубо индивидуальной приметой того или иного диалекта или говора, одновременно носит общетюркский или, по крайней мере, межтюркский характер, что в работе нашло свою соответствующую историко-лингвистическую интерпретацию применительно к конкретному типу подобных примет с точки зрения их ареалов распространения.

Создано значительное количество лингвистических карт, отражающих ареалы распространения различительных фонетических признаков. Картографированием охвачены все ранее обследованные в диалектологическом отношении районы Казахстана и соседних республик. На основе картографирования установлены ареалы наиболее существенных фонетических различий в масштабе абсолютного большинства казахских народных говоров с определенными историческими основами образования ареалов.

Отличительной чертой методического подхода к исследуемому объекту явилось широкое обращение к сравнительным фактам родственных языков как древних, так и современных, особенно тех, которые в силу своего географического положения существуют в тесном соприкосновении с казахскими говорами пограничных диалектных зон, что в конечном счете является логическим следствием, вытекающим из самой сути ареального изучения, результатом которого всегда нуждаются в интерпретации, предпринимаемой в сравнительно-историческом плане.

Многие вопросы диалектного фонетического варьирования слов прямо или косвенно связаны с культурой литературной речи. В нашей повседневной языковой деятельности не вызывает особого удивления употребление некоторых лексических элементов в разной фонетической огласовке, что в большинстве своем порождается фактором соперничества в речи диалектно-литературных фонетических дублетов. Безусловно, такой разноречивой в речевой практике отрицательно влияет на стабилизацию орфографических и орфоэпических норм. Особенно это пагубно сказывается на практике школьной жизни. Гарантией от возможных случаев неправильного словоупотребления должна служить наша широкая осведомленность о специфике диалектной речи, значительному расширению знаний в области которой призвана способствовать данная работа. Вместе с тем выявленные на основе сравнительного и лингвогеографического анализа конкретные данные в работе за пределами собственно диалектологии могут быть применены и в разработке некоторых проблем истории как казахского общенародного, так и литературного языка.

Преподаватели языковых дисциплин из работ могут черпать научно-теоретический и фактический материал, нужный для ведения курсов по диалектологии и истории казахского языка, а специалист-тюрколог — интересующие его данные по казахской диалектной речи. И работа эта может оказать незаменимую помощь учителям родного языка в их деятельности, связанной с развитием и совершенствованием навыков литературной речи у школьников. Лингвистические карты, которые содержит книга, непременно послужат иллюстративным материалом по указанному вузовскому учебному курсу. Если учесть реальное обстоятельство, заключающееся в полном отсутствии специальной литературы, откуда можно было бы получить хотя бы элементарные сведения о наиболее типичных фонетических ареалах казахских диалектов, то нетрудно представить себе исключительную роль, которую призвана сыграть данная книга в качестве учебного пособия для студентов и преподавателей казахской филологии.

Все эти отмеченные моменты относятся к практической и учебно-методической сторонам разработанной здесь проблематики. Что касается научно-теоретической значимости и актуальности вопроса, то надо сказать следующее. Позитивные тенденции, наблюдаемые в современной тюркологии, настоятельно выдвигают

на повестку дня проблему теоретического осмысления того, что было достигнуто к настоящему времени всем ходом развития диалектологических поисков в области сбора, инвентаризации местных языковых различий и описания диалектов конкретных языков с применением методов ареальной и сравнительно-исторической лингвистики. Направленность изучения проблем казахской диалектологии на данном этапе ее развития характеризуется созданием, главным образом, работ по описанию системы отдельных говоров или групп говоров. До недавнего времени в казахской диалектологии должным образом не ставился вопрос о необходимости ведения исследования в широком научном плане в масштабе всей совокупности народных говоров с целью разработки проблем отдельно взятого структурного звена диалектной речи — фонетики, а вопрос о сравнительно-историческом и лингвогеографическом аспектах звуковых признаков как об одной из принципиально важных дифференцирующих примет народных говоров тем более. Однако без обеспечения полноты подобного рода изучения наше представление о диалектной системе казахского языка, о его диалектном членении, диалектной базе литературного языка, ареале распространения и истории существования тех или иных диалектных черт в народной речи нельзя считать достаточно последовательным и исчерпывающим. Злободневность проблемы вызвана также всемерно развивающимся процессом постепенного стирания самобытных фонетических различий народных диалектов под активным нормализующим влиянием литературного языка на последние.

Основным и наиболее надежным первичным фактическим материалом, на котором строится настоящая работа, явились диалектологические записи самого автора. Наряду с ними здесь использованы сведения, которые включают публикации и исследования по казахской диалектологии. По мере надобности к картографированию привлечены также данные, собранные диалектологами с участием автора этих строк для составления региональных карт южных говоров казахского языка, а также для диалектологического атласа тюркских языков (ДАТЯ). В качестве иллюстративного материала в работе приводятся примеры, почерпнутые из некоторых литературных источников, произведений фольклора и сельских районных газет.

Подвергаемый исследованию материал по характеру сконцентрирован в главах, объединяющих различные виды фонетического соответствия, а также звуковые изменения, реализующиеся в речи в виде явлений синкопирования, опереднения, соноризации, девокализации, геминации согласных. К работе приложены лингвистические карты. В первой части звуковая структура речи характеризуется как один из определяющих диалектных уровней языка, устанавливается взаимоотношение народных говоров с литературным языком, дается характеристика контактных явлений в звуковой системе диалектов и описываются изоглоссы наиболее характерных фонетических противопоставлений.

Согласно установившейся традиции в казахской диалектологии для транскрипции был принят казахский алфавит, что по существу продиктовано соображениями, исходящими из относительно приспособленного характера алфавита к отражению своеобразия казахского произношения.

В примерах, приводимых из тюркских языков и текстов с русским шрифтом, отдельные буквы заменяются адекватными буквами казахского алфавита, но только в том случае, если это не влечет за собой искажение воспроизведения оригинала. В исключительно редких случаях по тому же принципу были подвергнуты транслитерации примеры с латинским шрифтом. С целью указать на происхождение иранских и арабских заимствований сохраняется их написание.

В диалектологических записях мы придерживались преимущественно фонематического принципа, например, символ на письме гласного *e* остается тем же как в его обычном, так и дифтонгизированном положении; позиционное изменение звуков, которое происходит на стыке слов, в речевом потоке не отражается, если это не имеет отношения к цели описания. В предложениях транскрипцией охватываются только те слова, на фонетическое строение которых обращено внимание.

Глава 1. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДИАЛЕКТНЫХ ЯВЛЕНИЙ

1. Звуковая структура как один из определяющих диалектных уровней языка

Языковое подразделение, существующее в рамках единого общенародного языка как часть целого и обладающее теми или иными речевыми особенностями, характерными для населения определенного региона, называют диалектом. В русской лингвистике вместе с последним в том же значении одновременно функционируют термины говор и наречие. Тюркологи дореволюционной поры применяли «наречие» по отношению ко всем тюркским языкам, назвав по существу не тюркские наречия, а самостоятельные языки. В казахском языкознании из указанных терминов получил распространение только «говор».

Обычно ученые различают диалект и говор, обозначая последним дальнейшее дробление диалекта. Но тем не менее в литературе нам часто приходится слышать дублирующие друг друга термины — севернорусский диалект, севернорусское наречие, севернорусские говоры. Разумеется, подобные параллелизмы с точки зрения требований, предъявляемых к научным терминам, заключающихся в четком и точном выражении обозначаемых им понятий, нежелательны. То же самое надо сказать относительно слова *говор*, универсально применяющегося в практике казахских диалектологов как для обозначения самого диалекта, так и его составляющих частей. Обозначение одним и тем же словом сразу двух научных понятий вызвано не столько безвыходностью положения, сколько «боязнью» употребления термина *диалект*. Отказ от термина диалект, широко известного в трудах казахских диалектологов старшего поколения С. Аманжолова, Н. Сауранбаева, Ж. Доскараева и др., оказался по существу следствием одностороннего толкования и переоценки определения, которое было дано диалекту в дискуссии по языкознанию, состоявшейся в 1950 г., где говорилось, что диалект имеет свой грамматический строй и основной словарный фонд¹. Определение это находило также свою поддержку и в дискуссии по проблемам казахского языка, последовавшей за первой в 1952 г.² И с тех пор казахские диалектологи стали

¹ Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1954. С. 6.

² Сауранбаев Н. Т. Проблемы казахского языкознания. Алма-Ата, 1982. С. 304.

с большой осторожностью употреблять международный лингвистический термин *диалект*.

И в самом деле, если подойти к определению диалектной системы языка исключительно с позиции указанного положения, то вряд ли удастся обнаружить в нашем языке диалекты, которые обладали бы своим собственным грамматическим строем и словарным фондом, отличным от казахского литературного языка. Это положение, к сожалению, не приемлемо для понимания природы не только диалектов, существующих в рамках единого языка, но и даже самостоятельных языков, входящих в одну родственную семью. У всех тюркских языков аспект грамматического строя и базовая лексика за исключением некоторых индивидуальных черт, свойственных тем или иным языкам, почти одинаковы. Поэтому у казахских лингвистов было основание на опасение употребления термина *диалект* и искусственное расширение функции слова *говор*.

Итак, понимание диалекта, как территориальной разновидности, существующей в рамках единого языка, определяется не исключительной индивидуальностью характера его грамматического строя и словарного фонда, а, наоборот, единством и общностью этих примет с другими диалектами и литературной формой языка. Такое утверждение можно допустить не только применительно к диалектам, входящим в состав конкретно казахского языка, но и даже к самостоятельным тюркским языкам, имеющим общее генетическое родство.

Диалекты по отношению к общенародному языку занимают подчиненное положение, а степень отличия их от него может быть совершенно различной. Сколько-нибудь резких отличий между казахскими диалектами и их общелитературной формой нет, что, конечно, ни в коей мере не должно служить поводом для доказательства исключительной чистоты системы казахского народного языка от диалектов. Между тем, в результате механического и упрощенного перенесения упомянутого положения на казахскую почву в 50-годы у нас имели место случаи игнорирования диалектов в казахском языке¹. Однако, научно-исследовательские работы, проведенные в области казахской диалектологии последующих лет, убедительно и окончательно доказали несостоятельность подобного рода скептических воззрений на эту проблему. Но даже тогда, когда казахские лингвисты оказались перед дилеммой признать или отрицать наличие диалектов в казахском языке, никто не мог опровергнуть существования внутри единого казахского языка некоего рода ответвлений, объединенных общностью звукового, грамматического строя и словарного богатства, но отличающихся как от литературной речи, так и друг от друга некоторы-

¹ См.: Заключение Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР о научных трудах по казахскому языкознанию // Вопросы языкознания, 1953. № 2; Севротян Э. В. Об ошибках казахских языковедов. Там же.

ми самобытными и довольно своеобразными территориальными признаками, проявляющимися в той или иной области структурных уровней языка.

В отношении употребления терминов нашу работу тоже нельзя считать решительно свободной от установившейся терминологической традиции в диалектологических исследованиях по казахскому языку, хотя мы наряду с говорами нередко допускаем и термин *диалект*, обозначая им группу говоров, расположенную в более крупных территориальных массивах. Оперируя теми или иными терминами, мы должны иметь в виду, что главное здесь не только в том, какое из возможных словесных средств больше подходит для выражения того или иного научного понятия, а какое конкретное терминологическое содержание вкладывается в них. В нашем понимании говор должен означать минимальное языковое подразделение, входящее в состав диалекта.

Итак, мы за то, чтобы восстановить былой престиж термина *диалект* в казахской диалектологии, неоправданно отчужденно от научного обихода.

Грамматический строй и словарный фонд, которые выдвигаются в упомянутом положении в качестве определяющих признаков диалекта, одновременно являются и определяющими признаками языка. Однако наше представление о языке, равно как и о его диалектах, нельзя считать достаточно полным, если при этом наряду с грамматическим строем и словарным фондом не обеспечен учет другого существенного структурного элемента языка — его звуковой системы. Изучение моментов схождения и расхождения в развитии родственных языков и диалектов, установление их ареалов распространения и признаков межъязыкового и диалектного членения не могут быть успешно решены без охвата показаний фонетики народной речи.

По поводу ареального изучения диалектов Д. И. Эдельман говорит, что в практике диалектологов-германистов и швейцарских романистов главная ориентация делалась на фонетическую и морфологическую стороны диалектов «с основным упором на фонетику, т. е. на уровни, более устойчивые и более показательные для выводов генетического и системного характера. Тех же принципов придерживаются, — далее отмечает она, — лингвогеографы и диалектологи советской школы, ведущая роль среди которых в разработке как конкретных, так и теоретических вопросов принадлежит славистам»¹.

В трудах многих ученых, которые занимались классификацией тюркских языков (Ф. Е. Корш, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, В. А. Богородицкий, Г. И. Рамстедт, М. Ряснян и другие), из всех примет языка больше предпочтения отдавалось

¹ Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1958. С. 7.

фонетическим¹. С. Е. Малов², подвергший исторической периодизации развитие тюркских языков, свою теорию построил на фонетических признаках. В практике ряда исследователей в установлении диалектов языка главенствует тот же принцип³. Для С. А. Аманжолова⁴, Н. Т. Сауранбаева⁵ и Ж. Доскараева⁶ одним из главных классификационных признаков казахских диалектов служили местные звуковые различия речи. Следовательно, можно констатировать, что в определенном степени родства тюркских языков, периодизации исторических этапов развития и установления принципов их диалектного членения звуковая сторона является не менее важным структурным звеном, чем грамматический строй и словарный фонд языка. Именно расхождение в звуковой форме тождественных лексических и грамматических элементов, которые представлены в нашей работе, является основой для территориальной дифференциации и ареальной характеристики казахских народных диалектов и говоров.

Совсем не обязательно, чтобы дифференцирующие диалектные признаки составляли какую-то особую систему для каждого отдельно взятого диалекта или группы диалектов, совершенно отличную от той, которой характеризуются другие диалекты данного языка или его литературная форма. Единство языка достигается не путем разрастания дифференцирующих признаков диалектов, а путем уменьшения и объединения их в русло общенародного и литературного языка. Дифференцирующие признаки современных казахских диалектов не имеют резких противопоставлений с литературным языком, их основные виды сводятся главным образом к частным, но более или менее устойчивым и типичным различиям, проявляющимся в области фонетики, лексики и грамматики.

Индивидуальные признаки казахских диалектов по отношению к общим признакам, получившим распространение в литературном языке, составляют количественное меньшинство. С точки зрения понятия монолитности казахского национального языка местные признаки народной речи всегда носят подчиненный, зависимый от него характер. Обычно при надобности выявления наиболее типичных и специфических черт казахского

¹ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. С. 210; Ряснян М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков: Перевод с немецкого А. А. Юлдашева. М., 1955. С. 28.

² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 5.

³ Решетов В. В. Узбекский язык. Ташкент, 1959. Ч. 1. Введение и фонетика. С. 54.

⁴ Аманжолов С. А. Об основных проблемах казахской диалектологии // Вест. АН КазССР. 1948. № 7. С. 18.

⁵ Сауранбаев Н. Т. Диалекты в современном казахском языке // ВЯ. 1955. № 5. С. 43.

⁶ Доскараев Ж. Некоторые вопросы диалектологии казахского языка // Вест. АН КазССР. 1953. № 7. С. 44.

языка из несметного множества языковых фактов выбирают только те, которые более обобщенно и рельефно отражают особенность всей совокупности или абсолютного большинства казахских диалектов. А такие факты, известные в масштабе общенародного языка или основной массы диалектов, часто становятся и достоянием казахского литературного языка.

2. Народные говоры в их взаимоотношении с литературным языком

«Областной говор свойствен простому народу, а простонародный язык — корень и основание образованного языка; последний со всеми прикрасами своими и своею грамматикой должен признать простонародный язык наш родным отцом своим, и в то же время живым, напоющим источником»¹.

Владимир Даль

По мере всестороннего развития казахского литературного языка вопрос о культуре речи, о правильном и литературном употреблении слов приобретает наибольшую актуальность. В последние годы наблюдаются заметные сдвиги в области изучения языка под углом зрения уместности и оправданности употребления тех или иных фонетических и лексических вариантов слов, порою синтаксических конструкций и даже выражений носителями казахской речи.

Вопрос о взаимоотношении диалектной речи, с одной стороны, и языка художественной литературы, публицистики, научной и официальной литературы, с другой, является самым злободневным.

Расширение общественной функции казахского литературного языка и возрастающая его роль в различных сферах жизни общества выдвинули на повестку дня ряд насущных вопросов, имеющих прямую или косвенную связь с проблемой диалектной и литературной речи. Одним из таких узловых и уже давно назревших вопросов, настоятельно требующих своего решения, является вопрос об упорядочении употребления и нормализации дублетных слов, как фонетических, так и лексических, употребление которых в речи прежде всего связано с вторжением диалектных слов в область литературной речи. В повседневной устной речевой практике и в казахском литературном письменном языке не вызывает особого удивления употребление отдельных лексических элементов в разной фонетической огласовке, что в известной степени отрицательно влияет на стабили-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. Набран и напечатан со второго издания 1880—1882 гг.

зацию орфографических и орфоэпических норм этих слов. Особенно пагубно это сказывается на практике школьной жизни. Так, например, разницей в произношении, равно и в правописании таких слов, как *жүз-дүз* (сто), *әне-әні* (тот, там), *арқылы-арқалы* (через), *әрі-ары* (дальше), *мүжі-мүжы* (обглодать), в нашей речевой и письменной практике является случаем уже не особой редкости. Поскольку подобные фонетические параллели функционально не обладают какими-либо дифференцирующими семантическими признаками, их орфоэпия и орфография, безусловно, нуждаются в унификации. Право на существование подобных фонетических дублетов в литературном языке обеспечивается лишь одним только обстоятельством — каждый из этих параллелей будет иметь свою семантическую самостоятельность (хотя бы иной стилистический оттенок). Если же этого нет, то в неукоснительном порядке их следует подчинить строгому орфографическому режиму. Но мы можем на сознательных началах дать простор тем или иным фонетическим параллелям, закрепив за каждым из их вариантов определенное лексическое значение. В таком случае можно признать существование фонологически услужливых дублетов. Однако это требует большого усилия вследствие близости их звуковой оболочки. Тем не менее опыт такой регламентации есть, и она дала положительные результаты. Например, в официальном языке у нас *өкімет* означает «власть», а *үкімет* «правительство». Но таких фонетических дублетов, получивших свое право на гражданство, в казахском литературном языке лишь единицы, и в основном из области общественно-политической терминологии. У народно-разговорного же языка свои законы. В силу укоренившейся языковой традиции ряд фонетических дублетов, несмотря на звуковые различия, в народном языке осознается как одно и то же слово.

Что касается лексических дублетов, то надо отметить их большое преимущество перед фонетической разновидностью этого класса народной лексики, т. е. здесь имеется в виду их преимущество в практике создания национальной терминологии. Бытование лексических элементов в народной речи (пласты исторической, заимствованной и жаргонной лексики) как раз и создает благоприятную почву для сосуществования дублирующих друг друга слов наряду с литературной лексикой в рамках одного и того же языка.

В лексическом арсенале общенародного казахского языка представлено несметное количество синонимических рядов. Синонимы, подобно дублетным словам, наделены общей лексико-семантической характеристикой, но в своем конкретном функционировании заметно отличаются от лексических дублетов. Из синонимических рядов к лексическим дублетам могут быть отнесены лишь те их категории, которые обычно рассматриваются как абсолютные синонимы. Для иллюстрации высказанной мысли приводим лексически равнозначные слова *қасқыр*, *бөрі*,

которые в казахском языке, а возможно и в других близких родственных языках, одновременно означают «волк». В изолированном употреблении они также как и дублетные слова обладают вполне идентичной семантикой. Однако при их контекстуальном употреблении эти так называемые дублетные параллели функционально не всегда могут быть заменены друг другом. В выражении *аш қасқырдай* (как голодный волк) замена второго компонента словом *бәрідей* (как волк) вполне допустима. Но о такой замене речи быть не может в таких выражениях как *қасқыр терісі* (волчья шкура), *қасқыр ішік* (шуба из волчьей шкуры). Казахская пословица *бәрі арығын білгізбес* (волк старается не казаться тощим) в свою очередь тоже не допускает замену первого компонента словом *қасқыр*. Употребление одного из этих лексических параллелей вместо другого явно противоречило бы норме казахской речи, ибо каждое из них в приведенных выше примерах обнаруживает свою собственную стилистическую мотивировку. Раз это так, они не могут быть отнесены к категории лексических дублетов, они, безусловно, суть полноправные синонимы. А что касается синонимов, то мы хорошо знаем, что это мощные стилистические средства, благодаря которым достигаются образность и выразительность речи, ее эмоциональный эффект, высокая художественность стиля. Поэтому литературный язык крайне заинтересован больше черпать в свой фонд слов-синонимов из народной речи. Отсюда ясно, какое принципиальное значение имеет для развития и обогащения лексики литературного языка умение различать настоящие синонимы от дублирующих друг друга лексических элементов. Поэтому мы должны сосредоточить свое внимание на тех критериях, которыми можно руководствоваться при отборе слов-синонимов из народно-разговорной речи.

Вопрос об отношении казахских народных говоров к культуре литературной речи в той или иной степени стал занимать работы ряда ученых¹. Определяющим моментом этой проблемы М. Балакаев² называет ввод в обиход литературной речи всего ценного в народном языке, сохраняя при этом большую вкусовую разборчивость и придирчивость к словам.

Если, согласно утверждениям специалистов, процесс заимствования слов русским литературным языком из лексики народных говоров можно считать давно остановившимся³, то этого нельзя сказать применительно к казахскому языку. Было время, что русский литературный язык тоже переживал период интенсивного заимствования слов из народной речи. Точно та-

¹ Мүсірепов Ф., Кеңесбаев І. Сөз талғамы — өрелі ой кепілі // Социалистік Қазақстан. 1969. 19 қаңтар; Кеңесбаев С. Исследования по казахскому языкознанию. Алма-Ата, 1987. С. 110.

² Балакаев М. Қазақ әдеби тілі және оның нормалары. Алматы, 1984. С. 69.

³ Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967. С. 305.

кую же картину мы наблюдаем в современном состоянии развития и нашего литературного языка. Все мы являемся свидетелями непрекращающихся живых процессов обогащения и пополнения лексического фонда казахского литературного языка за счет лексики народной речи. И это вполне объяснимый и закономерный процесс. Стоит нам обратиться к словарному запасу любого нашего диалекта или говора, как мы непременно наталкиваемся на слова, которые при умелом нашем использовании могут стать достоянием литературной лексики. Едва ли всем нам известно, что ныне повсеместно употребляемые в нашей литературной речи слова *бағбан* «садовод», *омарта* «пассека», *қаяз* «усач», *әңгелек* «маленькая дыя» раньше, будучи достоянием диалектной речи, употреблялись лишь в языке казахов юга республики. В языке мангышлакских казахов нам приходилось встречать такие уникальные слова, как *ағас*, *кесе-не*, *жалас*, *қапы*, *еңіреу*, *қобыс*, *үдек*, *жығары*, *далда*, *үрпек*, *тұран*, *күп*, *үспе*, *орпа*, каждое из которых, обозначая название вида рельефа местности, обладает конкретным терминологическим значением. Эти слова пока не известны в нашем литературном языке, но они, благодаря своим терминологическим свойствам, могли бы занять в нем достойное место. Некоторые из подобных местных слов стихийно просачиваются в текст произведений писателей и поэтов, являющихся выходцами того или иного края. Но это еще не означает, что эти слова уже стали достоянием литературного языка. Для того, чтобы они в скором будущем стали действительно таковыми, необходимо общее усилие всех слоев населения, занимающегося в различных областях знания, культуры, печати, радио и т. п.

Диалектная речь носителей казахских народных говоров очень богата словами-понятиями, употребляющимися в связи с особенностями флоры и фауны разных географических зон и своеобразием экономики каждого из краев, и они могли бы быть использованы как слова профессиональной лексики. Однако следует остерегаться и от чрезмерного увлечения вводом диалектных слов в литературную речь без особой нужды в этом.

3. Контактные черты в звуковой системе говоров

При обращении к фактам казахских диалектов нам не всегда приходится иметь дело с одними лишь пережиточно сохранившимися явлениями древнего состояния казахских родоплеменных диалектов. Часто подобные явления приобретены в более поздние эпохи. Это прежде всего касается казахских диалектов и говоров, которые в течение ряда веков существуют и развиваются в условиях тесного контакта с другими языками. В зависимости от сложившихся конкретных историко-лингвистических обстоятельств одни казахские говоры (например, погра-

ничных диалектных зон) в своем развитии больше испытывали влияние внешнего языкового фактора, другие меньше. Особенно велик охват заимствованными приметами говоров изолированного типа, представленных в иноязычном окружении более или менее локализованными островками от основной их массы. В этом отношении весьма показательны данные казахских говоров на территориях республик Средней Азии. Этот регион испокон веков является одним из мест значительного сосредоточения казахского населения. Периодическое заселение края с древнейших эпох до недавнего времени то одними, то другими родоплеменными группами и народностями и вытекающие отсюда всевозможные этнические и языковые связи делают говор тамошних казахов весьма интересным для диалектолога. В силу своего географического положения казахи края в языковой деятельности ощутили испытывали и, безусловно, испытывают влияние несколько иной языковой среды, чем и определяется своеобразие их говоров по отношению к говорам жителей южной полосы Республики Казахстан. Однако, здесь следует оговориться, что, несмотря на наличие частных отличительных признаков, все эти говоры, например, говоры казахов Узбекистана и южных областей Казахстана, входят в единую диалектную систему, ибо между ними значительно больше общего, чем расхождений. Но при этом надо сказать, что локализованные говоры на территориях республик Средней Азии, в известной мере отражая в своей фонетической, грамматической системе и лексике черты языков, в окружении которых они оказались, сохранили свою исконно казахскую основу.

Диалектные различия по истории своего происхождения образуют или пережиточно сохранившиеся, или заимствованные явления. Правильность такого рода понимания и расчленения диалектных явлений находит свое подтверждение, когда речь заходит о конкретных языковых фактах.

Известно, что всякое фонетическое изменение, каким бы оно ни являлось, реализуется только в составе конкретного лексического элемента. Преобразование в звуковом отношении не является уделом только исконных слов, оно в равной степени относится и к словам заимствованным. Ибо заимствования, будучи полноправным достоянием народного языка наравне с его самобытными чертами, обладают способностью подвергаться закономерным фонетическим изменениям, свойственным звуковому строю данного языка и диалекта. Поэтому не должно вызывать удивления изменение в составе таких ранних заимствований, какими являются, например, слова персидского происхождения *пақта* «хлопок» в м. общеказахского *мақта* п.

بجته , арабского — *саат* «часы» в м. общеказ. *сағат* а. *ساعة*

По существу, звуковой закон в своих действиях безразличен к тому, к какому по происхождению лексическому классу отно-

ются те или иные слова. Закономерному соответствию в наших говорах подвержены *с, ш* в одинаковой степени как в составе исконно тюркского *бес//беш* «пять», так и персидского заимствования *сабаз//шабаз* «молодец».

Основная масса заимствований ввиду того, что она проникла в говор изустно, ныне утратила свое былое фонетическое качество, как бы приспособляясь к артикуляционным нормам казахского языка. Здесь можно, например, обратить внимание на огласовку в языке казахских жителей Ташкентской области узбекского заимствования *ілімше* «безрукавный жилет, душегрейка», имеющего форму произношения в узбекском литературном языке *нимча*. В результате звуковой деформации это слово, как мы видим, неузнаваемо изменило свой первоначальный фонетический облик, хотя свою прежнюю семантику оно сохранило полностью. Если бы оно в говоре приобрело бы новую семантику, отличную от своей исконной, то трудно было бы признать его иноязычное происхождение. А существование подобных заимствований вполне возможно, поскольку мы знаем, что заимствованные из других языков слова не всегда сохраняют свой первоначальный фонетический облик и прежнюю лексическую функцию. Попадая в новую среду, они, помимо изменения своей внешней формы, могут либо суживать, либо расширять свое первоначальное лексическое значение вплоть до приобретения ими совершенно другого смыслового оттенка, что в известной мере осложняет установление истоков заимствования. Например, приведем фонетические варианты слова персидского происхождения *қалбыр//ғалбыр*. Последний вариант в языке казахов Ташаузской области Туркменистана закрепил за собой значение «жестяная банка», т. е. имеет иную семантику, чем в языке-источнике, а также в соседствующем туркменском языке, через посредство которого, разумеется, был освоен этот фонетический вариант с анлаутным звонким *г*. Имя *ғалбыр//қалбыр* в персидском языке имеет значение «сито, решето» и в этом же значении функционирует ныне в туркменском (*галбыр*) и узбекском (*галвир*) языках.

Обычно носители языка при заимствовании слов избегают непривычных для них звуковых элементов посредством замещения их элементами своей собственной речи¹. Иногда бывает так, что определенный звук в составе однотипных иноязычных слов в речевой практике чаще заменяется одним и тем же звуком заимствующего языка, диалекта. Бесконечное повторение этого процесса в конечном счете приводит к образованию некоего рода системы имитации в освоении тех или иных чужеродных фонетических примет. Нечто подобное, как мы полагаем, произошло в абсолютной массе казахских говоров, например, в освоении *ә* не первого слога в арабских заимствованиях

¹ Хацген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 350.

типа *маселе* в м. *масала* «предмет решаемого вопроса» مسألة

тауекел в м. *тауакал* «риск» توكل и т. д., где широкий *ә* в последующих слогах более или менее последовательно замещается узким *е*, ибо *ә* за пределами первого слога в казахской речи употребляется в очень редких случаях.

В системе казахского вокализма гласный *ә* не очень употребителен. Даже существует мнение, подвергающее сомнению исконность этого звука, что, конечно, далеко не так. Сомнение это вызвано преимущественным употреблением *ә* в составе арабских заимствований. Правда, мало исконных слов в казахском языке с данным звуком. В арабских заимствованиях за исключением известного количества слов этот звук в первом слоге переходит часто в *а* или *е*, в последующих же слогах его употребление допускается очень редко, о чем было сказано уже выше. Однако материалы языка казахов ряда внутренних территорий республик Средней Азии часто противоречат установленной в большинстве казахских говоров закономерности освоения арабских слов с названным гласным, обнаруживая сохранение последнего во всех слогах слова, что, очевидно, вызвано имитированием в местной речи узбекских фонетических разновидностей указанных типов заимствований. Ср. *мактап* «школа» узб. *мактаб* (орф. мактаб), *даулат* «богатство, государство» узб. *давлат* (орф. давлат).

В связи с этим заметим еще один момент. В казахском языке все вокальные в зависимости от характера гласного первого слога бывают либо твердыми, либо мягкими. В результате этого в нашем языке мы почти всегда имеем дело или с «твердыми» или с «мягкими» словами. Между литературным и диалектным произношениями указанных заимствований как будто бы нет противоречий, потому что все слоги обоих слов последовательно мягкие. Но отнюдь нельзя это оценивать как проявление закона сингармонизма в той же форме, какую мы имеем в казахском литературном языке, так как при наличии *ә* первого слога у нас смягчение последующих слогов идет не по линии полного сохранения артикуляционного свойства гласного первого слога, а за счет замены *ә* узким *е*. Поэтому процесс смягчения здесь связан не с гармонией гласных, а лишь с освоением этих заимствований носителями говоров в такой форме, в какой они бытуют в узбекском языке.

В процессе фонетического освоения носителями казахских говоров того же региона узбекских заимствований наблюдается действие некоторых общих закономерностей, отличающих звуковую строй казахского языка от основных узбекских диалектов и литературного языка. В звуковом оформлении заимствованных слов с начальным *й* мы часто наблюдаем, например, переход последнего в *ж*. Так, узбекское слово *яшин* (молния), бу-

дучи заимствованным, в языке представителей казахского говора Ташкентской области звучит как *жасыл*, в чем мы находим проявление закона соответствия кичако-ногайского начального *ж* согласному *й* в «йекающих» тюркских языках. Но тем не менее тут мимоходом заметим, что в фонетическом составе известной группы слов все же заметны следы «йеканья», свойственного говору узбеков Ташкентской области. Произношение носителями казахского говора вместо литературного *ж* согласного *й* в начальной позиции слова *жасар* «годовалый», когда это слово выступает в составе словосочетания *бір йасар* «годовалый, в возрасте одного года», *екі йасар* «двухлетний, в возрасте двух лет», нельзя объяснить иначе как влиянием узбекского языка. Изоглосса формы произношения *йасар* наряду с другими лексическими элементами, характеризующими явление «йеканья», переходит на территории сопредельных с Ташкентской областью районов юга Казахстана.

Процесс проявления иноязычного влияния нельзя суживать масштабом непосредственных заимствований. Порою бывает так, что отдельные уходящие из речевого обихода языковые факты в одном диалекте приобретают активный характер в другом и переходят в разряд часто употребительных средств речи. Это зависит от консервирующей роли контактирующего с последним диалектом соседнего языка, являющегося типичным носителем и катализатором оживающих лингвистических черт. К подобным фонетическим приметам мы, например, относим явление чеканья, в одинаковой степени характерное как для казахских говоров названного региона, так и имеющих с ними традиционную языковую связь киргизского, уйгурского и узбекского языков.

4. Ареальный аспект фонетического противопоставления и лингвистическое картографирование

Каждый язык независимо от того, является ли он языком нации, народности или совсем небольшой этнической группы, имеет конкретную территорию своего распространения. В этом одна из характерных примет языка. Данная примета обусловлена существованием его носителей в определенной географической среде. Отсюда вытекает территориальная сущность диалекта, представляющего собой элемент, входящий в состав языка. Поэтому основным критерием для определения диалектных черт должна служить прежде всего их территориальная характеристика. Подобно самому диалекту свойственные ему языковые явления размещаются в конкретном пространстве, что весьма показательным демонстрирует география распространения лексических параллелей, служащих названием юрты, само-

го традиционного атрибута казахского быта. В центрально-северной и восточной частях Казахстана именуют юрту сложным образованием *кйгиз үй* «войлочный дом», ср. баш. *кейез өй*, а запад республики — *ағаш үй* «деревянный дом», *термүй* < *терме үй*. Последний вариант встречается в ногайском языке, в свою очередь в татарском он употребляется в видоизмененной форме *киез тирмә*, а в башкирском просто *тирмә* (ср. рус. *терем*).

На юге известен вариант *қазақ үй* «казахский дом», который у местного населения, проживающего ближе к киргизской территории переходит в другую параллель *боз үй* «белый дом», совпадая при этом с киргизским названием *боз үй*. А в говорах низовьев рек Сырдарья и Амударья определяющий компонент этой конструкции заменяется прилагательным *қара: қаруӣ, қара үй* «черный дом», что тоже имеет сходные параллели в родственных языках, в том числе некоторых соседних: ккалп. — *қара үй*, туркм. — *гара өй*, уйг. — *қара өй*.

Если нанести на карты все эти разновидности названия юрты, то они образуют на территории расселения казахов шесть зон, притом западная граница зоны *қаруӣ* своей непрерывной линией покрывает территорию Каракалпакии, Туркмении, а *термүй* — Татарии, Башкирии. Уйг. *қара өй*, баш. *кейез өй* составляют две изолированные островные зоны от казахских *қаруӣ, кйгиз үй/кйіз үй*.

Таким образом, размещение в пространстве разновидностей названия юрты в данном случае локализуется внутри самого казахского языка (*кйгиз үй, термүй, қаруӣ, боз үй*), в другом — переходит в пределы ряда родственных языков, приобретаая межтюркский характер.

Разумеется, таким ареалом обладают не только различия, встречающиеся на уровне лексики, но и на других уровнях. Картографированию можно подвергать и фонетические признаки речи, морфологические образования, синтаксические конструкции, типы фразеологизмов и т. д. Так, установлено, что ареал аффрикативного *ч*, который получил описание в соответствующем разделе работы, за пределами юго-востока и востока расселения казахов, где он находит последовательное применение в анлауте слова, простирается на протяжении исключительно обширного географического пространства с массой тюркоязычных народов севера, Закавказья, Средней, Центральной и Малой Азии. Или обратим внимание на ареал начального звонкого *г* в составе персидского заимствования *гүруш* «рис». Изоглосса последнего отмечается районами более компактного сосредоточения казахского населения среднеазиатских республик Узбекистана и Каракалпакии, где она по существу совпадает с изоглоссами аналогичной формы этого слова в узбекском и каракалпакском языках, а в остальных диалектных массивах собственно территории Казахстана название риса представлено только в варианте с начальным глухим *к*: *күруш*. По характеру ареала *гүруш* можно установить, что здесь сохранению *г*, не-

свойственного началу слова в казахском языке, способствовал пространственный фактор, т. е. фактор тесного соприкосновения казахских говоров локализованного типа с узбекским и каракалпакским языками, где это слово освоено в близкой к оригиналу форме: узб. *гуруч*, ккалп. *гурини*, п. , чем и объясняется ограниченность его ареала на малой территории.

Выбор фактов для картографирования должен заключаться не в языковых явлениях вообще, а явлениях контрастных, чтобы путем сопоставления изоглосс получить на картах наглядную информацию о типах и взаимосвязи их ареалов, центре, пограничных зонах. Что конкретно касается лексико-фонетических параллелей, рассматриваемых в плане диалектном, то они все без исключения по отношению друг к другу должны представлять собой явления противопоставляемые. В этом отношении требование выбора, предъявляемое к картографируемым лингвистическим приметам, полностью совпадает с характеристикой диалектных фонетических примет. Поэтому любые звуковые явления, носящие диалектную черту, располагают потенциальной возможностью быть предметом лингвогеографического картографирования.

В. И. Жирмунский¹ как один из инициаторов создания диалектологического атласа тюркских языков в своих рекомендательных статьях, докладах большей частью обращался к фонетическим критериям, нежели критериям другого плана. Конкретно касаясь вопросов казахского языка, он считал возможным приступить к картографированию его диалектных черт еще в начале 60-х годов. В частности, казахским диалектологам он советовал, не дожидаясь проведения специальных картографических работ, практиковать составление пробных лингвистических карт наиболее изученных фонетических признаков по ранее обследованным в диалектном отношении районам.

Руководствуясь тем, что объектом нашего исследования является определенный круг вопросов, характеризующихся сравнительно-историческим и ареальным аспектами консонантизма народных говоров, мы сознательно воздержались от общего обзора литературы по казахской диалектологии. Тем не менее это не означает, что наша работа оставила без внимания диалектологическую литературу, имющую в той или иной степени отношение к теме исследования. Имена исследователей и их труды нами упоминаются в соответствующих разделах в зависимости от конкретных затрагиваемых там вопросов. Более того исследование наше включает подробный обзор публикаций и прделанной работы по лингвогеографии казахских говоров.

В 1966 г. Ж. Доскараевым и Ш. Сарыбаевым составлена

¹ Жирмунский В. И. О диалектологическом атласе тюркских языков // ВЯ. 1963. № 6. С. 3. Его же. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов // Тюркологический сборник. 1956. С. 54.

программа¹ по сбору сведений для диалектологического атласа казахского языка. В течение 1966—1969 гг. сбором диалектных данных атласа были охвачены юг республики и районы Узбекистана с компактно живущим казахским населением. К началу 70-х годов на основе собранных по программе материалов группой диалектологов Института языкознания АН Казахстана, в том числе и автором этих строк, завершена работа по составлению лингвистических карт по южной группе говоров, где их значительная часть была посвящена и фонетическим явлениям (отдельные материалы по мере надобности использованы здесь). Именованные первым томом «Диалектологического атласа казахского языка» (ДАКЯ), эти карты нашли свое частичное описание в статьях Ш. Сарыбаева², С. Накисбекова³. Ныне они хранятся в отделе пока еще в не подготовленном к изданию черновом варианте. Т. Айдаров в своем специальном лингвогеографическом исследовании по лексике казахских говоров Узбекистана поместил ряд карт регионального типа, отражающих в соответствии с задачей исследования только географию слов, что по существу явилось первой публикацией такого рода работ в области казахской диалектологии⁴.

Для составления упомянутых лингвистических карт южных говоров казахского языка, как мы видим, материал был собран путем массового географического обследования значительного количества населенных пунктов по заранее подготовленной программе, содержащей определенный круг вопросов, с привлечением обширного коллектива диалектологов в течение ряда лет. За отсутствием таких целенаправленно собранных данных по другим диалектным регионам мы естественно не могли обеспечить полный охват всех индексированных населенных пунктов, которые значатся в шаблонах карт, основа которых создана нами для общего пользования диалектологами. В силу этих обстоятельств мы вынуждены были ограничить свой выбор изоляционных черт для картографирования теми районами за пределами юга республики, где ранее был зарегистрирован интересующий нас языковой факт, и теми, в которых нам самолично приходилось побывать с диалектологическим выездом в течение последних тридцати лет.

К работе широко привлечены данные, содержащиеся в многочисленных публикациях, статьях, сборниках и монографических исследованиях по казахской диалектологии. Нами также

¹ Қазақ тілінің диалектологиялық атласын жасау үшін мәлімет жинаудың программасы // Досқарасев Ж., Сарыбаев Ш., Алматы, 1966.

² Сарыбаев Ш. Диалектологический атлас казахского языка // СТ. 1972. № 3. С. 85.

³ Накисбеков О. Интерпретация некоторых фонетических явлений по материалам диалектологического атласа казахского языка // VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1973. С. 82.

⁴ Айдаров Т. Лингвистикалық география: Өзбекстан қазақ сөздерінің лексикасы. Алматы, 1977.

критически использованы материалы, накопившиеся в карто-
течном фонде отдела диалектологии Института, но только в
исключительно редких случаях и по возможности с их после-
дующей проверкой на местах. При составлении лингвистиче-
ских карт в качестве вспомогательных данных мы пользовались
сведениями, собранными силами казахских диалектологов, в
том числе автора этих строк, согласно программе Диалектоло-
гического атласа тюркских языков СНГ (ДАТЯ). Но при упо-
минании всех этих источников, в значительной мере способст-
вовавших созданию этой работы, одновременно следует подчер-
кнуть, что основная и преобладающая часть первичных
диалектологических сведений, на которых по существу построе-
но данное исследование, была добыта самим автором во время
его непосредственного участия в работах, ежегодно организуе-
мых Институтом диалектологических экспедиций. На сегодня
мы побывали в различных районах не только собственно Ка-
захстана, но и других республик, особенно среднеазиатских, где
в ряде мест казахское население представлено компактной мас-
сой.

Таким образом, приступая к картографической части этой
работы, мы располагали довольно обширными диалектологи-
ческими сведениями, которые нам позволили с наименьшей ве-
роятностью погрешностей перевести на язык лингвистической
карты ряд дифференцирующих фонетических признаков и тем
самым выявить ареалы распространения последних.

Исходя из преследуемой нами цели, в работе представлены
лингвистические карты, отражающие географию распростра-
нения диалектных черт чисто фонетического характера.

Картографированию подвергнуты лексически тождественные
элементы, противопоставляемые друг другу по тем или иным
звуковым приметам (*чық-шық* «выходить», *оңла-оңда* «чинить») и
обладающие более или менее четкими лингвогеографически-
ми показателями.

Частота сетки, т. е. расстояние между пунктами, намечае-
мыми на лингвистической карте для обследования, далеко не
равномерна, что вызвано неравномерностью расселения самих
носителей языковых черт в географическом пространстве. Гус-
тонаселенность местностей предопределила и плотность разме-
щения на карте обследуемых точек по ним. Соответственно
степные и полупустынные зоны, где населенные пункты отда-
лены друг от друга большим расстоянием, на карте отмечены ме-
нее частой сеткой. А по территориям республик Средней Азии
на карте обозначены пункты более компактного сосредоточения
казахского населения. При таком выборе сетки, разумеется, не-
возможно соблюдать равномерность ее частоты на карте.

Частота сетки на наших картах представляет собой прямую
пропорциональность расселения носителей картографируемых
диалектных явлений. Руководствуясь методикой создания из-

вестной группы карт русского диалектологического атласа¹ и во избежание неоправданной затраты сил, мы отразили распространение лишь диалектного варианта картографируемых явлений, и только в том случае, если отсутствующий, т. е. не отмеченный на карте соответствующим условным знаком вариант конкретного фонетического противопоставления совпадает с литературным языком и повсеместно распространен.

В соответствии с задачей исследования, заключающейся не просто в лингвогеографической характеристике фонетических явлений, а в их комплексном изучении с историей существования этих явлений в народной речи, работа включает значительные по объему факты родственных языков и тюркских письменных памятников, приведенных в плане сравнительно-исторической интерпретации тех или иных конкретных звуковых черт.

¹ *Строганова Т. Ю.* О первом, фонетическом, выпуске «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 19.

Глава II. ИЗМЕНЕНИЕ ЗВУКОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЕСЯ ФОНЕТИЧЕСКИМ СООТВЕТСТВИЕМ

1. Аффрикаты и их замена в анлауте

а) Начальная звонкая аффриката (явление джеканы)

Диалектологическими экспедициями последних лет было установлено, что географический ареал аффрикативного *дж*, широко распространенного в восточных и некоторых южных говорах казахского языка в начальной позиции слова, своими северными границами охватывает территорию отдельных восточных районов Карагандинской области. Согласно данным экспедиции 1982 г. зона вибрации этого фонетического явления на картах определена территорией Каркаралинского и Егендибулакского районов этой области, где начертание изоглосс обнаруживает больше колебаний, чем на территории близлежащих районов Семипалатинской области. Колебание в изоглоссных линиях обусловлено главным образом исторически сложившимся стыковым положением региона, который со стороны своего запада примыкает к диалектной полосе, простирающейся на обширной территории центрально-северного и западного Казахстана и являющейся одним из типичных ландшафтов жекающей черты не только в казахском, но и в масштабе общетюркском. Поэтому некоторая факультативность, наблюдаемая в употреблении начальных *дж* и *ж* в местной речи жителей региона, вполне закономерна. Даже при наличии в этом решающей роли стыкового положения региона, нельзя не учитывать такой фактор, который характеризуется всемерно возрастающим нивелирующим явлением казахского литературного языка на народные говоры.

Итак, география распространения фонетического явления джеканы, характерного некоторой частью казахских говоров, по имеющимся данным на сегодня, охватывает территории Джамбулской, Алма-Атинской, Талды-Курганской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, отдельных районов Карагандинской областей и районов с казахским населением юга Каракалпакки и Баянулгийского аймака Монгольской народной республики (см. кар. 1, 2).

Таким образом, в зависимости от того, который из согласных *ж* или *дж* свойствен анлауту слова, казахские говоры можно разделить на две большие группы: жекающую и джекающую. Однако это деление нельзя смешивать с классификационным

членением казахских говоров, которое, разумеется, не может базироваться на одном единственном языковом признаке. Поэтому граница ни у той, ни у другой группы говоров не совпадает с теми границами, которые устанавливаются согласно существующим системам классификации казахских говоров, рекомендованным и принятым диалектологами С. Аманжоловым, Н. Сауранбаевым, Ж. Доскараевым и Ш. Сарыбаевым в своих соответствующих исследованиях. По этой причине *дж*, характеризующий анлаут слова в одних южных говорах, в других может решительно отсутствовать. Так, изоглоссы распространения джеканы на юге полностью не охватывают месторасположения всех говоров, входящих в состав так называемой южной группы казахских говоров, а своими западными линиями достигают лишь территории Чимкентской области.

Ареал распространения жеканы в казахских говорах гораздо шире, чем ареал джеканы. Речь доминирующей части казахского населения носит жекающий характер, а в общей системе тюркских языков казахский язык выделяется как один из языков с ярко выраженной фонетической приметой жеканы. Наверное, из жекающей природы казахского языка вытекает, что литературной нормой в нем стал не аффрикативный *дж*, а простой *ж*. Ввиду отсутствия конкретных буквенных знаков, членораздельно изображающих тот или иной артикуляционно-акустический аспект произношения *ж* и *дж* в дореволюционных казахских изданиях, ныне трудно ответить на вопрос о том, который из упомянутых согласных был тогда наиболее характерен литературно-письменному языку. Но по всей вероятности картина выглядела так: звук, который обозначался тогда арабской буквой **ج** (джим), носители разных говоров воспринимали и читали по-разному, стихийно подчиняя при этом речевое воспроизведение этого звука произносительным навыкам своего родного говора. В итоге, по-видимому, получилось так, что представители жекающих говоров этот **ج** читали в виде простого спيرانта *ж*, а представители других говоров, т. е. джекающих, — в виде аффрикаты *дж*. Подобному разночтению в определенной степени способствовало отсутствие фонематической значимости *ж*, *дж*, выступающих в данной позиции. От чередования начальных *ж/дж* казахское слово не претерпевало семантического изменения, что в свою очередь имело влияние на облегчение процесса взаимозамены этих звуков.

В старинных русских текстах о казахах нередко приходится встречать такие казахские имена, как Джаныбек, Джангирхан, Джантуре и др., где начальный согласный на русском языке представлен звукосочетанием *дж*. У многих представителей казахской интеллигенции дореволюционной поры наблюдалось стремление передать свои фамилии на русском языке с начальным *дж*: Джантюрин (1837—1882, фольклорист), Г. Джангиров (1840—1909, генерал русской армии) и т. д., притом такое на-

писание ни в коей мере не зависело от того, представителем какой из указанных групп говоров является носитель подобной фамилии. Например, носители названных фамилий Джантюрин, Жангиров — выходцы из западного Казахстана, где нет в местных говорах казахов аффрикативного звука. Это было, по-видимому, необходимо для подчеркивания принадлежности носителей этих имен к инородцам, поскольку началу русского слова звукосочетание *дж* не характерно. Хотя редко, но до сих пор встречаются случаи соблюдения этой традиции в русском написании некоторых казахских имен и фамилий: Джамбул Джабаев, Жангельдин, Жансугуров. Казахское написание этих имен остановлено в виде Жамбыл Жабаев, Жангелдин, Жансүгіров. Охотников написания фамилий подобным способом можно найти и сейчас, несмотря на то, представляет ли из себя данное слово имя собственное или нарицательное. С точки зрения нормы литературного языка в составе исконно казахских слов аффрикативный *дж* не пишется. Таково общепринятое правило казахской орфографии. Поэтому стремление к соблюдению *дж* в начале казахских антропонимов в их русском написании излишне. Кроме того, нам хорошо известно, что здесь написание *дж* допускается не ради того, чтобы удовлетворить какой-либо оттенок произношения или нюанс выражения русской речи: в звуковом строе русского литературного языка такая аффриката как *дж* отсутствует.

В предисловии к третьему тому, целиком содержащему казахские фольклорные тексты — «Образцы народной литературы тюркских племен», В. В. Радлов отметил¹, что слова в некоторых тюркских языках, которые начинаются с *й*, *ч* у казахов восточной степи принимают звук *дж*, где предзвучие *д* слышно ясно. Судя по записям Н. И. Ильминского, он далее говорит об исчезновении этого предзвучия в речи казахов западной степи. Что касается неаффрикативного *ж* у восточных казахов, В. В. Радлов указал на его причастность только к середине слова. Согласно этому в текстах, записанных ученым в восточной части Казахстана, главным образом около Семипалатинска, Сергиополя, Капала, укрепления Верного и на реке Бухтарма, и помещенных в третьем томе «Образцов» начало значительного количества слов дается аффрикативным *дж*, буквенное изображение которого в транскрипции автора соответствует знаку **Ц**. Теперь обратим внимание на передачу начального *дж* в следующих извлечениях из текстов «Образцов» (стр. указываются в скобках):

Джазғы түрғу ақша қар джаумақ қайда, джар-джар,
Күлүн тайдай айқасқан оң джақ қайда, джар-джар.

¹ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1870. Ч. 3. Киргизское наречие. С. XXVI.

Азар джақсы болса да қайын атамыз, джар-джар,
 Айналайын әкемдей болмақ қайда, джар-джар (с. 7).
 «Далек теперь белый снег, идущий весной, джар-джар,
 Далек теперь дом отцовский, полон радости и веселья,
 джар-джар,
 Как бы благороден ни был тесть мой, джар-джар,
 Ему все равно не замснить моего отца, джар-джар».
 Мен Ертістен екі өттүм,
 Джолдасым джоқ джеке өттүм,
 Джылқысын онұң алмасам (с. 82).
 «Я дважды пересек Иртыш,
 И каждый раз в одиночку,
 Как же мне не угнать [вражеский] табун».

Хан джүртүн джыйды, ақыл сұрады «Хан собрал свой народ, обратился к нему за советом». Бү джігіттің қатыны «Жена этого парня». Айу мінән джолбарыс «Медведь и тигр» (с. 299).

Другой исследователь, изучавший казахский язык в прошлом столетии, П. М. Мелиоранский по поводу рассматриваемого аффрикативного согласного, применив тот же самый радловский знак для его обозначения, в своей «Краткой грамматике казак-киргизского языка», писал: **Щ** (т. е. *дж* — С. О.) — есть звук, который можно было бы изобразить через *дж*. Предзвучие *д* не следует выговаривать слишком ясно. В западной части степи оно даже совсем исчезает»¹. Исследователь в качестве образца для упражнения из «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина² приводит текст казахской сказки с переложением на русскую транскрипцию, где начальный *дж* изображен как у В. В. Радлова указанным знаком. Ниже для иллюстрации отсюда приводится несколько предложений со словами с начальным *дж*:

Бір күнү қаршыға салып джүрсе (однажды находясь на охоте с ястребом); Джігіт атынан түстү. (Парень слез с коня.); Джүрт той қылып атын қойдү. (Народ пировал, дал имя новорожденному.); Бала үш джасқа келді, үш джасында бій болуп төре берді. (Ребенку было три года, в трехлетнем возрасте стал судьей, решал споры.); Джеті джасқа келгенде ақылы қанның ақылындай болды. (Когда он достиг семи лет, ум его равнялся ханскому.); Джана сол елде бір қан бар еді. (В тамошней стране был также хан.)

Казахские тексты, записанные с применением русской графики наряду с текстами на арабском шрифте, встречаются в указанной хрестоматии у самого И. Н. Березина, где рассма-

¹ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб., 1894. Ч. 1. Фонетика и этимология. С. 8, 13.

² Турецкая хрестоматия, составленная профессором С.-Петербургского университета И. Березиным. СПб., 1890. Т. 3. С. 173—174.

триваемый аффрикативный согласный обозначен собирателем сочетанием звуков *дж*. Например:

Алдынан бір шал джолұғады. (К нему навстречу идет старик.) Келе джатқанда джолында бір тұл қаттынның үйу бар екен. (Когда он шел, у дороги стоял дом какой-то вдовы.) Шал үйге кіріп джеміс джейді. (Старик заходит в дом, кушает фрукты.) Анау джакта әуліелердің тұратұғын джерінен келемін. (Иду оттуда, где живут святые.)

Давший первые сведения о языке казахов, исповедующих христианство и обитающих в Кошагацком аймаке Горно-Алтайской автономной области РСФСР, А. Н. Самойлович в своем исследовании (конца 20-х годов) писал: «Прежде всего я должен отметить, что в говоре Кошагацких казахов я также ясно слышал начальное *дж* с предзвучием *д*, как Радлов его слышал вообще у восточных казахов»¹. В записях автор для обозначения этого согласного использовал тоже звукосочетание *дж*:

Джыйырмада джасым бар, джылым — мешін,

Кім біледі өлүмдін ерте-гешін (с. 318).

«Мне двадцать лет, родился я в год обезьяны,
Кто знает, рано или поздно нас смерть застанет».

Джылқы джылы — джылыс,

Джылан джылы — джүрус,

Қой джылы — тұрус (с. 318).

«Год лошади — собирайся в путь,

Год змеи — трогайся со стойбища,

Год барана — держись на стойбище».

О подробностях функционирования аффрикаты *дж* в начальной позиции слова в казахских говорах восточной и юго-восточной части республики сообщается в работах Ж. Доскараева², Ш. Сарыбаева³, Г. Калиева, Ж. Болатова⁴, Бухатын Базылхан⁵, А. Нурмагамбетова⁶ и др. Сведения о менее последовательном употреблении этого согласного в языке казахов отдельных районов республик Средней Азии получаем у других диалектологов, где возникновению, вернее, сохранению его в значительной мере способствовала близость расположения говоров к джекающим родственным языкам.

Параллельное функционирование *ж*, *дж* в начальной позиции слова, кроме нашего языка, имеет место в киргизском, ка-

¹ Самойлович А. Н. Казаки Кошагацкого аймака Ойротской автономной области // Казаки: Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР. Л., 1930. С. 324.

² Доскараев Ж. Қазақ тіліндегі аффрикат дыбыстардың жұмсауы // Изв. АН КазССР. Сер. лингвистическая. 1950. Вып. 6. № 82. С. 41.

³ Калиев Г., Сарыбаев Ш. Қазақ диалектологиясы. Алматы, 1979. С. 57.

⁴ Болатов Ж. Қошағаш қазақтарының тіліндегі жергілікті ерекшеліктер // ҚТДМ. Алматы. 1962. 4-шығ. С. 74.

⁵ Бухатын Базылхан. Монғолияда тұратын қазақтардың тіліндегі жергілікті ерекшеліктер // ҚД. Алматы. 1965. 1-шығ. С. 34.

⁶ Нурмагамбетов Ә. Қазақ сөйленістеріндегі «дж» аффрикатының қолданылуы // Вопросы казахской фонетики и фонологии. Алма-Ата. 1979. С. 232.

ракалпакском и карачаево-балкарском языках. Некоторые диалекты узбекского, уйгурского, ногайского и татарского языков тоже не свободны от параллельного употребления этих согласных в анлауте. Начало слова в значительной группе тюркских языков характеризуется употреблением *й* вместо указанных согласных, особенно этот признак свойствен языкам огузской ветви. Широкое распространение *й* в данной позиции можно встретить также в узбекском, уйгурском и в таких кыпчакских языках, как кумыкский, башкирский, татарский, караимский и др.

Свойственность *й* анлауту слова того или иного тюркского языка отнюдь не исключает возможность там замены его *ж* и *дж*. Так, начальный *й* вместо *ж*, *дж* не есть незыблемый закон для всех диалектов уйгурского языка, хотя в общей системе тюркских языков уйгурский язык характеризуется как один из типичных носителей фонетического признака йеканья. Говоры аксуйских и илийских уйгуров наряду с *й* допускают употребление в начале слова как *ж*, так и *дж*, чего, конечно, нельзя сказать применительно к лобнорскому диалекту уйгурского языка, где нет *ж*, а йеканье по сравнению с анлаутным *дж* носит системный характер.

Итак, среди подавляющего большинства тюркских языков и диалектов можно выделить как группу языков и диалектов, характеризующихся преимущественным употреблением в анлауте *ж*, *дж*, так и группу языков и диалектов, характеризующихся преимущественным употреблением в данной позиции *й*. Под оговоркой о подавляющем большинстве языков и диалектов имеется в виду наличие и других тюркских языков и диалектов, где вместо указанных начальных *ж*, *дж*, *й* могут быть употреблены другие согласные, о чем будет идти речь позднее.

Соотношение *ж*, *дж*, *й* в начальной позиции слова как в казахском, так и в других тюркских языках и диалектах, не может быть, конечно, совершенно одинаковым. В уйгурском языке *ж* в отличие от *й*, *дж* в начале слова употребляется только в зависимости от того, какой гласный последует за ним в качестве второго звука, а именно употребление начального *ж* возможно перед узкими гласными, тогда как в казахских говорах из соответствующих в абсолютном начале слова *ж*, *дж* ни тот, ни другой позиционно не ограничен. В киргизском языке из чередующихся между собой *дж*, *ж* в данной позиции с исключительным перевесом выступает *дж*. В каракалпакском и ногайском языках, как и в казахском, в начале слова может быть как *ж*, так и *дж*. Северный каракалпакский диалект, на котором говорит основная масса каракалпакского населения, отличается от южного признаком жеканья, легшего в основу литературного языка. Из трех диалектов ногайского языка одному характерен начальный *ж*, другому *дж*, а третьему *й*. Кыпчакский диалект узбекского языка обычно называют джекающим. Однако это не означает категорическое отсутствие там начального *ж*, что хо-

рошо видно из следующего высказывания В. В. Решетова: «Изогlossen *джоқ* охватывает значительную часть узбекской территории. В некоторых территориальных участках признак *джоқ* сосуществует с признаком *жоқ*, причем трудно установить преобладающий признак, поскольку сложный начальный звук *дж* выступает в ослабленной форме — без ярко выраженного смычного элемента в первой части аффрикаты. Массовое появление жеканья следует отнести, вероятно, к эпохе калмыцкого нашествия, т. е. к первой четверти XVIII века, когда части казахских родов, уходя от калмыков, заполнили значительную часть территории современного Узбекистана. К этому времени относится известная казахская пословица: *ақ табан шұбырынды, алқа көл сұлама* — пятки поносились и побелели (в бегстве), *упали в изнеможении у озера Алқакөл*. Разбросанность казахов отдельными (местами количественно превосходящими) массивами среди прочих этнических групп в известной степени подтверждает эту мысль. Жеканье спорадически встречается в различных областях Узбекистана»¹.

Неаффрикативный начальный спирант *ж* в системе тюркских языков наибольшее распространение имеет в кыпчакской группе, особенно в ее кыпчакско-ногайской ветви. Этот фонетический признак, по существу, является одним из типичных черт анлаута слова, которыми отличаются языки, входящие в указанную подгруппу тюркской семьи, от других близкородственных языков. Поэтому И. А. Батманов, сопоставивший проявление этого фонетического признака в киргизском языке с казахским, неслучайно последний назвал языком жекающим, а киргизский джекающим².

Основная причина жеканья, свойственная фонетическому строю казахских говоров, кроется в явном преобладании этнического компонента-носителя данной звуковой приметы среди прочих в составе казахской народности в период ее образования. Если к этому подойти с точки зрения деления казахов согласно их народной родословной, то можно установить, что этот предполагаемый этнолингвистический компонент в древности составлял, очевидно, основное ядро диалектов племен и родов, которые ныне у казахов встречаются, главным образом, в составе Младшего жуза и основной массы — Среднего жуза. Но среди родоплеменных групп Старшего жуза тоже немало носителей жекающего языкового признака. Это, прежде всего, касается говоров казахов, проживающих на территориях некоторых районов Чимкентской, Кызыл-Ординской и Ташкентской областей. Следовательно, упомянутый компонент имел участие в установлении жекающей черты и среди известной группы ка-

¹ Решетов В. В. Узбекский язык. Ташкент, 1959. Ч. 1. Введение, фонетика. С. 61.

² Батманов И. А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946. С. 20.

захов Старшего жуза, хотя надо думать, что ни этот компонент, ни его диалект сейчас на казахской почве не сохранились в первоначальном, не подвергнутом изменению состоянии.

Признание доминирующей роли указанного жекающего этнолингвистического компонента в процессе образования казахской языковой общности нельзя представить себе как отрицание той лепты, которую достойно внес в развитие этого процесса другой этнолингвистический компонент с джекающим элементом. Есть основание предполагать, что казахская языковая общность с самого начала своего зарождения включала в себя как жекающие, так и джекающие родоплеменные диалекты, но с численным превосходством первых. Приблизительно такое же соотношение в распределении начальных *ж*, *дж* между казахскими говорами сохранилось до наших дней.

Известно, что в связи с различными социально-экономическими обстоятельствами и историческими событиями казахские племена и в прошлом меняли свои исконные местообитания и традиционные маршруты летней перекочевки. В соответствии с этим иногда и менялся состав того или иного родового объединения и племени. Значительная часть крупного родового подразделения Среднего жуза каракесек, составляющего основную массу казахского населения юго-восточной части Карагандинской и восточной части Джезказганской областей, одновременно можно встретить в составе племени алим Младшего жуза. Эту часть каракесек ныне мы застаем на территории Джурунского и Темирского районов Актюбинской области. А род телеу имеется как в составе казахов Среднего жуза, так и Младшего жуза. Примеров такого позднего смешения и перераспределения казахских родов и племен, конечно, очень много. Обычно подобный процесс заканчивался тем, что малочисленная этническая группа, попавшая в гущу количественно превосходящего ее рода или племени, оказавшись в окружении последних, теряла самобытность своего диалекта.

Казахский диалектный ландшафт, отличающийся наиболее ярким проявлением фонетического признака джекания, в родоплеменном отношении не являет собой единообразие: восточная половина этого громадного географического пространства, включающая территории трех областей Казахстана (Талды-Курганская, Семипалатинская, Восточно-Казахстанская области) и Баянүлгийского аймака МНР, представлена сплошными массами племени найман и отчасти племен керей, уак, относящимися к казахам Среднего жуза, а западная половина, которая охватывает территории Алма-Атинской и Джамбулской областей издревле является местом обитания основной части казахских племен и родов Старшего жуза.

Говоры не всех казахских родов, входящих в состав племени найман, реализуют явление джекания. В Казахстане найманы помимо указанных пределов, т. е. помимо места их массово-

го сосредоточения, отдельным островком встречаются на западе Джезказганской области. Это — найманы баганалы. Они компактно расположены на территориях Улутауского и Джездинского районов. Эта значительная группа найман, оторванная от основной массы своих сородичей, в течение более чем двух столетий живет среди казахского племени аргын, что, по-видимому, и привело к потере свойственного ей фонетического признака речи, каким является джеканые, так как говор племени, в окружении которого оказалось указанное подразделение найман, относится к жекающему типу казахских говоров. По сведениям А. Маргулана¹ найманы до середины XVIII в. занимали полосу, граничащую с рекой Кенгир, хребтом Улутуа, рекой Токраун и Чингисским хребтом, с одной стороны, и долиной реки Чу и Джетысуйским краем, с другой. В 60-70 гг. XVIII в. найманы передвинулись на восток вплоть до горного Алтая. В факте проживания баганалы и балталы на реке Кенгир и хребте Улутуа, — как отмечает А. Маргулан, — можно видеть следы потока племени найман, передвинувшегося от Сырдарьи до Алтайских нагорий, т. е. в направлении с запада на восток. Исходя из этих сведений, можно предположить, что ареал джеканыя в XVIII в. простирался до низовьев Сырдарьи. Ученый, говоря о передвижении найманов с запада на восток, имел в виду их позднюю миграцию, происходившую после обоснования их на Сырдарье. Ибо найманы еще в IX в. были известны на Алтае². Однако, как мы видим теперь, ни на Сырдарье и ни в районе Кенгир и Улутуа джеканые не сохранилось. Подобные факты, а также отмеченные уже выше смешение и перераспределение родов в составе более крупного этнического объединения, жузов, безусловно, способствовали стиранию бывшего родоплеменного характера казахских говоров и постепенному приобретению ими характера территориального.

В Баянулгийском аймаке МНР наряду с найманами представлено также казахское племя керей, которое вместе с первыми составляет единое диалектное образование с наиболее ярким проявлением жекающей черты. Ибо там джеканые, кроме абсолютного начала слова, охватывает также серединную гласную, хотя нам не пришлось обнаружить ни малейшего признака проявления этой фонетической приметы в речи тех казахов, которые тоже относятся к племени керей, но населяют территории отдельных районов северных областей Казахстана. Отсюда нетрудно себе представить, что география распространения фонетического признака джеканыя не всегда совпадает с географией расположения современных казахских родов и племен, и тем более жузов, зарождение которых исследователи

¹ Маргулан А. Найманы // Казаки: Сборник статей этнологогического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР. Исследование 1927 г. М. 1930. С. 339.

² Муканов М. С. Этнический состав и расселение казаков Среднего жуза. Алта-Ата. 1974. С. 41.

относят к позднейшим эпохам, чем, скажем, зарождение родов и племен, входящих в их структуру¹.

Рассматривая джеканы с позиции его родоплеменного распределения, мы устанавливаем, что этот звуковой признак сейчас можно встретить как в речи казахов Старшего жуза, так и Среднего. Похожая этому общность характеризует и употребление противопоставляемого джеканию начального спиранта *ж*: он в равной степени свойствен и для говоров казахов Младшего жуза, и для говоров казахов доминирующей части Среднего и известной части Старшего жузов. На основании этих данных можно предположить, что дифференциация фонетических признаков жеканья и джеканы на почве казахских народных диалектов происходила еще задолго до того как казахское общество было разделено на три жуза.

Об исключительной исконности аффрикативного *дж* применительно ко всем джекающим казахским диалектам говорить, конечно, не приходится. Так, *дж* в переходных говорах казахского языка на юге Каракалпакии не является чисто родоплеменным диалектным признаком, так как говоры казахов, населяющих этот край, не относятся к типу, реализующему исконное джеканы. Как жители края, появившиеся здесь довольно поздно, этот звуковой элемент казахи заимствовали у носителей южного диалекта каракалпакского языка, где начальный *дж* служит одной из отличительных черт этого диалекта от северной Каракалпакии².

Не меньше, чем каракалпаки, на установление этого фонетического признака в речи казахов региона оказали влияние хорезмские узбеки — другой близкий сосед тамошних казахов. Как начальный *ж*, так и *дж* весьма характерен для узбекских говоров кыпчакского типа Хорезма.

Результаты языкового контакта, кроме непосредственного заимствования иноязычных элементов, сказываются также на длительном сохранении и консервации в диалектной речи тех или иных традиционных черт, общих с контактирующим языком или диалектом, в сфере влияния которого оказывается данный конкретный язык или диалект. В этом отношении очень показательное и более последовательное проявление джеканы в наших говорах, расположенных в южной полосе республики близко к киргизским территориям. Резко выраженный характер этого звукового явления сразу бросается в глаза, когда мы обращаемся к фактам языка казахов Чуйской и Таласской долин, что на территории Джамбулской области, предгорной зоны Алма-Атинской области. Особенно в речи

¹ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С. 106; См. также: Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. С. 23; История Казахской ССР: В 5-и т. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 248.

² Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1951. Т. 1. // Материалы по диалектологии: Тексты и словарь. С. 4.

местных жителей, находящихся в более тесном соприкосновении с киргизской границей, аффрикативный начальный *дж* охватывает почти весь комплекс лексик, анлаут которой в казахских говорах противоположного типа представлен простым фрикативным *ж*. А в тех местах названной диалектной полосы юга, где возможность общения местного населения с киргизами почти исключена, последовательность проявления *дж* в начальной позиции слова несколько ослабевает. В поселениях севернее Алма-Аты, северной и северо-западной части Джамбулской области *дж* такой последовательностью не обладает, какую мы имеем в указанной предгорной зоне и долинах рек Чу и Таласа, где системностью своего функционирования в народной речи это фонетическое явление обязано киргизскому языку, т. е. языку близких соседей казахов региона как в настоящем, так и в историческом прошлом. Разговор о связи джеканы с киргизским языком не только в говорах упомянутого региона, но и в других казахских говорах, не противоречит истории этого явления. Языковая связь между казахами и киргизами имеет многовековую историю. Киргизы языковое сношение с казахскими племенами и родами имели еще задолго до того, как они своей основной массой были сосредоточены на территории современной Киргизии. Помимо тяньшанских киргизов, современных близких соседей казахов на южной границе наших джекающих говоров, в истории известно также крупное ответвление киргизов — так называемые енисейские киргизы, жившие до последующих эпох в пределах древних своих кочевий на Енисее вблизи восточной окраины расселения казахов, по характеристике речи, по-видимому, относящихся к джекающей группе. Значительную часть этих киргизов мы застаем на Енисее в Минусинской котловине вплоть до XVII в¹. За неимением лингвистических данных о наличии сходного звука с *дж* в их языке сейчас можно судить только предположительно, основываясь лишь на языковых фактах их тяньшанских собратьев. Ибо язык памятников V в., относимых С. Е. Маловым к енисейским киргизам, йекающий². В древности на Алтае — Саянском нагорье — наряду с киргизами тюркские аборигены были представлены также многочисленными этническими группами, ныне входящими в состав более крупных родовых объединений казахов-найманов и кереев, обитающих там и в настоящее время, составляя основную часть местного населения и реализуя в своей диалектной речи рассматриваемую диалектную примету джеканы, общую с киргизским языком.

Приводимое ниже сопоставление дает довольно яркое представление об общности характера этого явления в казахском и киргизском языках.

¹ История Сибири: В 5-и т. Л., 1968, Т. 1. // Древняя Сибирь. С. 303.

² Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л., 1952. С. 21, 33.

В каз. джекающих говорах	В киргизском языке	В каз. жекающих говорах	В каз. лит. языке	Значение
джйде	жйде *	жйде	жейде	рубашка
джйен	жээн	жйен	жнен	племянник
джыртык	жыртык	жыртык	жыртык	дырявый
джүгөн	жүгөн	жүгөн	жүген	узла
джорға	жорго	жорға	жорға	иноходец
джет	жет	жет	жет	достичь
джан	жан	жан	жап	сторона
джаны	жаны	жаны	жаны	точить
джүк	жүк	жүк	жүк	груз
джык	жык	жык	жык	свалить
джоры	жору	жорү	жоры	предполагать
джел	жел	жел	жел	ветер
джага	жака	жаға	жаға	берег
джаныш	жаныч	жаныш	жаныш	продавить

Признавая общность истоков происхождения данной звуковой черты в казахских говорах с киргизским языком, мы далеки от мысли рассматривать ее как следствие контакта, имевшего место между представителями говоров и киргизами, лишь в последующие эпохи. Аффриката *дж*, возможно, и в далеком историческом прошлом характеризовала начало слова в древних диалектах родов и племен, впоследствии вошедших в этнический состав казахского населения с джекающим языковым признаком. Оказавшись в жекающем диалектном окружении, составляющем исключительное большинство казахских народных говоров, фонетическая система джекающих говоров, несомненно, претерпела соответствующее изменение. В итоге аффрикативный *дж* наряду с другими звуковыми приметами в некоторых казахских говорах был значительно видоизменен, теряя при этом выразительность в произношении призвуча в нем *д*, предшествующего проточному элементу этого сложного согласного, а в других *дж* как аффриката просто был утрачен, переходя в простой неаффрикативный *ж*.

Более или менее отчетливо произношение начального *дж* в казахской народной речи в данное время приурочено главным образом к периферийным зонам распространения этого явления, граничащим с языками и диалектами, где употребление этого сложного звука носит системный характер. Таким языком для наших джекающих говоров юга в настоящем, а для джекающих говоров востока в историческом прошлом больше всего оказался киргизский язык, типичный носитель джекающей фонетической черты.

Вопрос об истории и характере распространения в тюркских языках и диалектах соответствующих друг другу начальных *дж*, *ж*, *й* ученых интересует давно. Впервые на это обратил

* Буква *жс* в начальной позиции в киргизском письме обозначает аффрикату *джс*.

внимание Махмуд Кашгарский. В частности, он отметил, что огузы и кипчаки превращают звук *й*, с которого начинаются имена и глаголы, в *дж*, (*ж*)¹. У древнего автора мы встречаем конкретные примеры, приведенные им, чтобы объяснить, который из этих признаков характеризует начало слова тех или иных тюркских языков. Если турки, как он говорит, жемчужину называют *йинжу*, то у огузов это слово мы видим в форме *жинжу*. Кроме таких сведений, которые включает вводная часть «Дивана», в самом словаре дается ряд слов как с начальным *й*, так и *дж* (*ж*)².

Из 22 названий огузских племен и родов, приведенных в словаре, начало трех этнонимов *جَزْمَلَن جَبْتِي جُولَدَر*. Махмуд

Кашгарский³ пишет через арабскую букву *ع* джим. Анлаут не только этих, но и ряда других слов, включенных в словарь, содержит этот звук. С. М. Муталлибов, осуществивший перевод этого уникального тюркского письменного памятника средневековья на узбекский язык, начальный звук *ع*, когда тот встречается в тексте словаря, везде и всюду передает узбекским неаффрикативным *ж*, а В. В. Бартольд⁴ арабский джим в начале указанных этнических названий в русском их переложении писал через *дж*: *джувалдар*, *джебни*, *джаруклуг*, сделав при этом замечание, что последний этноним у самого Махмуда Кашгарского встречается одновременно в варианте *чаруклуг*.

Джим в составе туркменского названия рода *جارلدر* встречается в тексте памятника XVII в. родословной туркмен Абулгази, А. Н. Кононов⁵, основываясь на современном произношении этнонима у туркмен *чаудор*, передает через *ч*. Кстати надо отметить, что оба варианта этого огузско-туркменского этнонима в Казахстане сохранились в качестве топонимических названий: *Шаульдер* — это название поселения, расположенного недалеко от правого берега реки Сырдарьи, близ железнодорожной станции Темур, а *Чаудир* — название местечка на полуострове Мангышлак. В обоих районах, где находятся эти поселения, когда-то жили огузы-туркмены, относящиеся к роду *чаульдер*, впоследствии приобретший усеченную форму самоназвания *чаудир*. Эти районы на берегу Сырдарьи и на Ман-

¹ Махмуд Кашгарий. Девону дуготит турк. Тошкент, 1960. Т. 1. С. 60.

² Девону дуготит турк: Индекс-дугат. Тошкент, 1967. С. 88, 103.

³ Махмуд Кашгарий. Девону... Т. 1. С. 90.

⁴ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 575.

⁵ Кононов А. Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 93.

гышлаке оказались тогда местом обитания не только одного чаудир, но и многих других огузских родов и племен, а конкретно: *баяндыр*, *егдир*, *бозаши*, *бурунжик* и др., имена которых ныне сохранились в названиях местностей на территориях Чимкентской и Мангышлакской областей. Поэтому близость к истине чтения *ч* в названии *чаудир* очевидна.

Наиболее принципиальное мнение о причастности согласных *дж*, *ж* к началу слова в тюркских языках в древности было высказано А. Бернштамом¹. Начальный звук в составе слова *ябгу//джабгү//джебу*, засвидетельствованного в армянских и арабских источниках и представленного современными исследователями в фонетических вариантах *йабгү//йабагу*, *джабгү* и *дабагү*, А. Бернштам читает только в виде аффрикативного *дж*. Это слово у тохаристанских тюрков VII века употреблялось в качестве социального термина, означающего титул наместника тюркских каганов. При этом исследователь ссылается на наличие в литературе наряду с *й*-вариантом и *дж*-варианта в чтении тюркского гидронима *Джайык//Йайык*, встречающегося у древних греческих авторов². Проанализировав эти и другие языковые данные, которые заключают указанные источники, А. Бернштам пришел к выводу, что «на территории древнего Казахстана и Киргизии среди племен, составивших западно-тюркский каганат был известен джекающий диалект тюркского языка. Эта языковая особенность по сравнению с восточными тюрками (в Монголии) отражает и известную этническую обособленность среднеазиатских тюрков от монгольских. Западно-тюркский каганат включил тюркские племена и южного Казахстана, которые явились предками ряда среднеазиатских народов, в том числе и современных казахов. Так как последние обладают признаками джекающего или, вернее, жекающего диалекта, то можно говорить, что слова, нами разобранные, являются древнейшими следами формирования некоторых среднеазиатских тюркских языков, например, казахского... Следует помнить, что древнетюркские племена с джекающим диалектом локализируются на территории, главным образом, Казахстана. Это заставляет нас ставить в известную связь... племена VI—VIII вв. с этногенезисом казахов»³.

Близкое к этому мнение было высказано С. Е. Маловым в его статье об истории казахского языка, где говорится, что истоки данных, относящихся к чередующимся между собой начальным *дж*, *й*, лежат в глубокой древности, раньше времен Махмуда Кашгарского. Опираясь на свидетельства армянских, арабских, персидских и отчасти греческих источников, С. Е. Ма-

¹ Бернштам А. О древнейших следах джеканья в тюркских языках Средней Азии // Памяти академика Н. Я. Марра. М.: Л., 1938. С. 17, 21.

² Ашмарин Н. И. Булгары и чуваш. Казань, 1902. С. 4.

³ Бернштам А. Указ. соч. С. 24.

лов указывал на употребление *дж* в начальной позиции слова в языке древних жителей Казахстана еще в VIII в.¹ Из согласных *й-дж, ч, ш, ж*, подвергающихся замене в начале слова, С. Е. Малов более древним считал шипящие и свистящие. Относительно звука *й* он говорил, что тот в начале слова был в очень малом и редком употреблении в древности².

Обратившим больше внимания на факты, свидетельствующие о свойственности *дж, ж* началу слова в древнекыпчакском языке, из казахских языковедов был Н. Т. Сауранбаев. Остановившись на данных Махмуда Кашгарского, приведенных им по поводу употребления начального *дж/ж* вместо *й* не только в кыпчакском, но и огузском языках в противоположность другим языкам, он установил возможность того, что Махмуд Кашгарский, очевидно, имел в виду диалект тех огузских племен, которые по различным историческим обстоятельствам оказались впоследствии среди кыпчаков. Ибо те языки, которые ныне составляют огузскую группу, типично йекающие, а огузы, упомянутые у древнего автора, этот фонетический признак, по видимому, заимствовали у кыпчаков³.

Звуковая цепь рассматриваемого соответствия в тюркских языках, кроме *ж, дж, й*, охватывает и другие согласные, что можно увидеть, привлекая еще больший круг языков и диалектов к сравнению (см. табл.).

В нашей сравнительной таблице, естественно, не могут быть представлены все звуки, которые соответствуют казахскому аналогу *ж, дж* в других тюркских языках и диалектах. Не всегда представляется возможным найти общие для всех тюркских языков лексико-фонетические параллели с интересующим нас тем или иным видом звукового соответствия. К разряду тех согласных, соответствие которых казахскому начальному *ж, дж* отмечено в вышеприведенной таблице, в отдельных тюркских языках может быть причислен еще ряд звуков. Например: тоф, *ньаа* «новый», *ньоон* «толстый»; алг. *ньагыс* «единственный», *ньан* «бок, сторона», *ньень* «рукав», *ньеньил* «легкий»; уйг. *һөтел* «кашель», *шалаң*//хак. *чалас*// якут. *сул* «голый, ногой»; шор. *нүмзүрүк*//мүнзүрүк «кулак», *нүмүртқа* «яйцо», *нағбыр*//хак. *наңбыр* «дождь»; кбал⁵: *зіп* «веревка», *золүгүн* «встретившись».

В некоторых языках и диалектах вместо ожидаемой замены иногда наблюдаются случаи выпадения начального согласного.

¹ Малов С. Е. К истории казахского языка // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 3. С. 99.

² Его же. Древние и новые тюркские языки // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 142.

³ Сауранбаев Н. Т. Проблемы казахского языкознания: Избранные труды. Алма-Ата, 1982. С. 245.

⁴ Кайдаров А., Садвакасов Ф., Талипов Т. Һазирки заман уйғур тили. Алмута, 1963. 1-қисим. Лексика вә фонетика. С. 211.

⁵ Гузев Ж. М. Фонетические особенности малкарского диалекта карачево-балкарского языка // СТ. 1974. № 5. С. 62, 64.

№ п/п	каз.	узб.	кир.	туркм.	алт.
1	жет//джет	ет	жет ¹	ет	дьет//тьет
2	жат//джат	ѐт	жат	ят	дыат//тыат
3	жүр//джүр	юр	жүр	йөр	дыор//тыөр
4	жүз//джүз	юз	жүз	йүз	дыүс//тыүс
5	жеті//джеті	етти	жети	еди	дьети
6	жақ//джақ	жағ	жаак	яцак	дыак//ньяак
7	жуан//дж/уан	йугон	жоон	ёгын	дыон//ньяон
8	жаңа//джаңа	янги	жана	яны	дыаны//ньяны
9	жер//джер	ер	жер	ер	дыер//тыер
10	жаз//джаз	ёз	жаз	яз	дыас//тыас

№ п/п	хак.	тув.	шор.	якут.	чув.	Значение
1	чит	чат	чет	сит	сит ²	достичь
2	чат	чыт	чат	сыт	—	лежать
3	чер	чор	чер	сыр	сүр [e]	идти
4	чүс	чүс	чүс	сүүс	сер	сто
5	читі	чеди	четти	сэттэ	сиче	семь
6	наак	чаак	наак	сынак	янах	щека
7	чоон	чоон	чоон	суон	[хулан]	толстый
8	наа	чаа	наа	саа	сене	дыаны//ньяны
9	чер	чер	чер	сир	сер	земля
10	час	час	час	саас	сур	лето, весна

В лобнорском³ диалекте уйгурского языка: *il* «год», *ilқы* «лошадь», *ilән* «змея», *ilдам* «скорей»; кбал. *ашхы* «хорошо», кирг. *ыр* «песня»; алт. *ырақ* «далекий», *ыгла* «плакать»; азерб. *ук* «груз», *улдуз* «звезда». В последнем языке, как это видно из примеров, выпадение имеет место перед узкими гласными.

Относительно определения истории развития рассматриваемого фонетического явления тюркологи придерживаются двоякого мнения, суть первого из коих уже была изложена нами в связи с историей джеканы и жеканы в казахских народных говорах. Другое мнение, которое выдвинуто В. В. Радловым еще в конце прошлого века, основано на признании первичности начального *й* по отношению к другим соответствующим в данной позиции согласным, которые в наших примерах, приведенных выше из других языков, представлены звуками *ж*, *дж*, *ч*, *с*, *д*, *н*, *з* и др. По схеме В. В. Радлова, включенной в его сравнительную фонетику тюркских языков, первичный анлаутный *й* параллельно развивался в *дж* и *ч*, а последний, в свою очередь,

¹ Начальный *ж* в киргизском письме обозначает аффрикату *дж*.

² Вместо *с*, *е*, *о*, *у*, *н* в письме некоторых языков приняты казахские *с*, *е*, *о*, *у*, *н*.

³ Малов С. Е. Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956. С. 112.

дал все остальные соответствующие согласные, которые мы ныне имеем в современных тюркских языках и диалектах. Все чередующиеся начальные согласные по В. В. Радлову появились позже как следственные позиционного изменения *й*, выступавшего перед узкими гласными.

Мнение М. Рясянена¹ примыкает к мнению В. В. Радлова только в том отношении, что имевший место в пратюркском языке начальный *й* является ничем иным, как результатом дальнейшего развития *д*, *дж*, *н*, *й*, употреблявшихся в анлауте в алтайскую эпоху и сохранившихся в современном монгольском языке. Таким образом, между соответствующими в данной позиции тюркскими согласными (*ж*, *дж*, *ч*, *н*, *д*...) и упомянутыми алтайскими начальными лежит промежуточный этап *й*, который характеризует праязыковое состояние развития тюркских языков. Выходит, что М. Рясянен при признании первичности *й* в тюркских языках отрицает его первичность в общеалтайском масштабе. Близкое к этому предположение до этого было высказано также Г. И. Рамstedтом².

Взгляды В. В. Радлова на этот вопрос получили дальнейшее развитие в работах В. А. Богородицкого³, который принципиально отстаивал первичность начального *й* перед другими согласными, которые соответствуют последнему в современных тюркских языках и диалектах. Схема развития начального *й* в другие согласные у Богородицкого отличается от схемы, предложенной В. В. Радловым, тем, что сперва *й* развивался в *дж*,

а от него параллельное развитие получили *ж*, *с* (чувашский тип) и затем от *ж* — все остальные соответствующие в данной позиции согласные.

Б. А. Серебренников⁴, явно симпатизируя гипотезе об изначальности анлаутного *й*, в конечном счете вопрос о судьбе этого явления в тюркологии считает еще неразрешенным в достаточной мере.

Написавший раздел о соответствии начальных *й*, *дж*, *ж*... (коллективный труд по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков) Э. Р. Тенишев⁵ архаичным из указанной цепи согласных считает *й*. Реальную основу для такого допущения он видит в фактах, типологически схожих с тюркскими финно-угорских языков и начальный *й* признает единицей общеалтайского уровня. Н. З. Гаджиева⁶ тоже придерживается точки зрения первичности анлаутного *й*.

¹ Рясянен М. Указ. соч. С. 160.

² СИГТЯ. Фонетика. М., 1984. С. 257.

³ Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, С. 106.

⁴ Серебренников Б. А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков // ВЯ. 1960. № 4. С. 62.

⁵ СИГТЯ. Фонетика. М., 1984. С. 274, 279.

⁶ Гаджиева Н. З. Проблема тюркской ареальной лингвистики. М., 1975. С. 71.

Н. А. Баскаков¹ в своих примечаниях к русскому изданию исторической фонетики тюркских языков М. Рясенена сомневается в правоте мысли последнего, утверждающего развитие тюркского начального *й* из перечисленных четырех алтайских согласных *д, дж, н, й*, и допускает возможность в этом обратного порядка развития, т. е. развитие самого *й* из аффрикативных и ффрикативных звуков. Идея эта по существу согласуется с концепцией С. Е. Малова, основные моменты которой нами уже были изложены. До некоторой степени к этой концепции приближается также предположение Ф. А. Абдуллаева², признающего изначально только анлаутную глухую аффрикату *ч*, впоследствии озвончившуюся и превратившуюся в значительной группе языков и диалектов в *дж, ж*. Начальный *й* по нему должен рассматриваться как итог закономерного развития звонкого *дж* в последующих эпохах.

Исследователь татарского языка Г. Х. Ахатов предполагает возможность употребления *й* в начале слова параллельно с другими согласными в самом раннем этапе развития тюркских языков³, что, в частности, не совсем вкладывается в рамки идеи о едином генезисе соответствующих в данной позиции согласных в тюркской языковой семье.

А. И. Щербак⁴ отмечает отсутствие убедительных доказательств, говорящих в пользу гипотезы о свойственности *й* началу слова в древности. Все, соответствующие *й* современные начальные согласные, он возводит к пратюркскому глухому межзубному * V, который в чувашском (*с*) и якутском (*с*) лучше сохранил свое первоначальное качество, а древность этих языков общепризнана. Современный *й* есть самый отдаленный рефлекс указанной древнейшей праформы. При этом А. М. Щербак ссылается на огузские языки, где *й* в начальной позиции слова проявляет большую активность, а огузские языки по сравнению с чувашским считаются языками молодыми. Древние начальные согласные больше всего претерпели ослабление именно в языке огузской группы, результатом которого явилось учащение в них звонких в анлаутной позиции. Для аргументирования вероятности допускаемого им звукового перехода автор приводит ряд примеров наподобие п. **جان** *жан*

«душа», а. **جانة** *жаннат* «рай», где *ж* в башкирском языке перешел в *й*: *йән, йәннат*.

¹ См. 29 пункт примечаний Н. А. Баскакова к русскому изданию указанной книги М. Рясенена. С. 216.

² Абдуллаев Ф. А. О генезисе джеканыя в тюркских языках // *Общественные науки в Узбекистане*. 1961. № 2. С. 52.

³ Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963. С. 67.

⁴ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 79—80; *Его же*. Еще раз к вопросу о реконструкции тюркского архаичного анлаутных *i—z—z—s—c—s...* // *СТ*. 1974. № 4. С. 80—84.

В связи с фонетическим освоением заимствованной лексики здесь интересно отметить обратные случаи звукового перехода *й/ж* в казахском языке. Заимствования из арабского языка *يونس* Йунюс «лично-собственное имя», из персидского

يکشنبه *йэкшэнбэ* «первый день, воскресенье», *باران* *йарэн* «публика, друзья» в казахском языке освоены в форме *Жүнүс*||*Жүнүс*, *жексембі*, *жаран*, что вполне объяснимо с точки зрения последовательно проявляющей себя жскающей природы казахского языка. Кроме единичных случаев, наблюдаемых в говорах, тесно соприкасающихся с узбекским, туркменским языками, *й* в анлауте казахского слова не употребляется. А в казахских переходных говорах *й* — следствие контакта последних с йекающими языками и диалектами Средней Азии, о чем более подробно будет сказано ниже. Рассмотренным очень схожа также судьба в нашем языке начального *й* в русских заимствованиях: *жэшік* < рус. *ящик*. Слово тюрко-монгольского происхождения *ямщик* (ям — пикет, пост; *-щик* — русский суффикс)¹ при перезаимствовании из русского языка на казахской почве приобрело форму произношения *жэмшік*.

Приведенный неполный обзор взглядов показывает, насколько сложно установление праформы анлаутных из соответствующих *ж-дж-й...*

Джекающее начало слова, как и жекающее, в фонетической системе казахских народных диалектов — признак, безусловно, исконный. Но тем не менее на основании данных, полученных путем картографического обследования, можно судить о наличии в этом контактных моментов, которые сводятся не к прямому заимствованию, а к усилению и расширению функции этого явления в зонах, граничащих с другими родственными языками и диалектами, типичными носителями джеканья. А вопрос о том, который из всех звеньев соответствующих согласных в данной позиции является первичным, нельзя считать до конца разрешенным. Этот вопрос еще остается предметом дискуссии в тюркологии.

б) Начальный неслоговой *й* (явление йеканья)

В доминирующей части даже йекающих языков употребление *й* в анлауте не всегда имеет строгую последовательность. Поэтому применительно ко многим языкам этой группы мы можем говорить лишь о более или менее характерном употреблении *й* в данной позиции. Так, узбекский язык обычно относят к йекающим только на той основе, что в его говорах городского типа, а также в литературном языке анлауту слова больше всего свойствен *й*. А между тем широко известна употребитель-

¹ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 554.

ность начального *дж (ж)* в массе узбекских говоров кыпчакского типа ¹.

В звуковой системе тюркских языков *й* наиболее характерен анлауту слова в азербайджанском, турецком и гагаузском языках. Относительно частое употребление начального *й*, кроме названного узбекского, наблюдается также в уйгурском, кумыкском, татарском, караимском, ногайском и ряде других языков ². Ср.: каз. *кир.*, ккалп. *кбал.*, узб.-*кып.*, ног. *жат*||*джат* «лежи»; тур., туркм., баш., ног. лит. *йат*, узб. лит. *йот*.

Следует отметить, что тюркские языки и диалекты севера тоже не совсем свободны от употребления анлаутного *й*, о чем дает четкое представление следующее высказывание В. А. Богородицкого: «Кзыльцы, самые северные в хакасской группе, обитающие в верховьях реки Чулыма, по которому ниже расположены чулымские татары, сохраняющие *й*, как и остальные зап.-сиб. диалекты, имеют *й*, так что и здесь географической близостью можно объяснить одинаковость отражения этой фонемы» ³.

Переход начального *ж (дж)* в другие согласные в диалектной системе казахского языка — явление весьма редкое. Из всех согласных, которые могут быть заменены начальным *ж (дж)*, более или менее характерным, но со строго локализованным употреблением в некоторых говорах переходных зон отличается только *й*. Относительно других согласных можно говорить лишь о единичных случаях их замены *ж (дж)* в данной позиции.

Несмотря на общую закономерность нашего языка, заключающуюся в последовательном функционировании *ж (дж)* в анлаутной позиции, мы в ряде говоров пограничных зон часто сталкиваемся с фактами несколько иного порядка, точнее, обнаруживаем там обязательное, но факультативное употребление начального *й* вместо начального *ж (дж)* в известном кругу слов. Здесь имеются в виду казахские говоры на территориях республик Средней Азии и отчасти прилегающих к ним районов юга Казахстана.

Сведения, подтверждающие наличие этого явления, мы встречаем в диалектологических записях Ж. Аралбаева и К. Бердимуратова, произведенных ими еще в 40-х годах по языку казахов Каракалпакстана. Единичные случаи употребления *й* в начале слова имеются также в материалах Ж. Доскараева, зафиксированных в речи носителей кураминского говора казахского языка в местечке Болаткосши на территории Джам-

¹ Решетов В. В. Указ. соч. С. 61.

² Сауранбаев Н. Т. К вопросу об образовании казахского языка // Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М., 1954. С. 189.

³ Богородицкий В. А. Указ. соч. С. 106.

булской области¹. Наиболее значительный материал по данному виду звукового изменения собран Б. Бекетовым в казахском переходном говоре на юге Каракалпакии². Эпизодические данные употребления анлаутного *й* в языке казахов Узбекистана сопредельных с ним районов Чимкентской области встречаются и у других диалектологов.

На фоне среднеазиатского тюркоязычного региона узбекский язык, за исключением его кыпчакских диалектов, и особенно туркменский язык среди остальных родственных языков (т. е. казахского, киргизского, каракалпакского) региона резко выделяются системным употреблением *й* в данной позиции слова. Поэтому есть основания рассматривать это явление как результат языкового контакта, имеющего место между носителями казахских говоров края и носителями узбекского и туркменского языков. Для получения конкретного представления необходимо произвести сравнение слов, зафиксированных из уст казахского населения Ташкентской, Бухарской, Хорезмской областей Узбекистана, Ташаузской области Туркменистана, Кургантюбинского, Вахшского, Колхозабадского районов Таджикистана и южных районов Каракалпакии с данными названных языков.

В каз. говорах республик Средней Азии	узб.	туркм.	В подзвляющей части каз. говоров	Значение
йаш	ёш	яш	жас	молодой
йаш	ёш	яш	жас	возраст
йат	ёт	ят	жат	лежать
йыл	йил	йыл	жыл	год
йап	ёп	яп	жап	арык, канал
йүз	юз	йүз	жүз	сто
йарым	ярим	ярим	жарым	половина
йок//йак	йук	ёк	жок	нет
йар	ёр	яр	жар	влюбленный

Наличие начального *й* в казахских говорах, бытующих в указанной иноязычной среде, или в говорах, расположенных в непосредственной близости к последней, при его отсутствии в основной массе говоров, и исключительная схожесть его с фактами узбекского и туркменского языков нас лишний раз убеждает в том, что это фонетическое явление есть ничто иное как влияние названных языков на сосуществующие с ними в пределах региона казахские говоры.

Помимо наших говоров, определенное влияние узбекского и туркменского языков на этот счет испытывал и другой язык

¹ Досқараев Ж. Қазақ тілінің құрама говору // Қазақ тілінің тарихы туралы зерттеулер. Алматы, 1965. С. 124.

² Бекетов Б. Казахский говор южной Каракалпакии: Автореф. дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1969. С. 13.

региона — каракалпакский, о чем может свидетельствовать изобилие слов с начальным *й* в его южном и отсутствие его в северном диалекте¹. Так, слова, приведенные в наших примерах, в диалектологическом словаре Н. А. Баскакова, кроме их основных фонетических вариантов, имеются и в вариантах: *йаш*, *йыл*, *йүз*, *йарым*. Данную черту исследователь каракалпакского языка Д. Насыров связывает с узбекским и туркменским влиянием². С. Е. Малов, заметивший неустойчивость начального *ж* и *й* в каракалпакском языке, настаивал на исконности *й*³. Таким образом, можно сказать, что в функционировании начального *й* в казахских говорах юга Каракалпакии определенную лепту внес и каракалпакский язык.

За исключением единичных случаев, т. е. отдельных междометий и союзов, согласный *й* в абсолютном начале казахского слова не встречается. Тем не менее тут следует оговориться относительно случаев, где *й* в качестве начального звука второго компонента некоторых синтаксических конструкций иногда заменяет *ж* (*дж*). Здесь имеются в виду такие грамматические конструкции как *келе йатыр* < *келе жатыр* «сюда идет», *бү йақ* < *бү жақ* «здесь, это сторона» и т. п., где, как мы заметили, начальный согласный *ж* во вторых компонентах конструкций везде переходит в *й*. Таким образом, эти компоненты произносятся в виде *йатыр*, *йақ*. Такое произношение позиционно строго обусловлено, ибо когда эти компоненты выступают вне указанных конструкций, в их составе подобное звуковое изменение не происходит. Поэтому этот тип перехода *й* < *ж* не может представлять собой тип звукового перехода, свойственный абсолютному началу слова. Это обыкновенное позиционное изменение звуков вызвано интервокальным положением *ж* в приведенных конструкциях, который при произношении претерпевает определенный процесс ослабления, что служит причиной его перехода в *й*.

Надо сказать, что интервокальное положение *ж* не всегда вызывает подобное изменение. Основным местом перехода *ж* в *й*, как это видно из приведенных примеров, является стык между местоимениями *бұл* «это», *сол* «тот», *ол* «он, тот», *қай* «какой» и существительными *жақ* «сторона», *жер* «место», когда последние выступают в качестве ведущего компонента синтаксических конструкций типа *со йақ* «та сторона» и т. д. В таких конструкциях конечный *л* в составе местоимений менее устойчив и часто подвергается выпадению. При наличии подобного изменения указанные местоимения приобретают усеченную форму *бү* «это», *со* «то, тот», *о* «он, тот», *қа* «какой, который», что как бы служит предиссылкой перехода *ж* в *й*: *бү йер* < *бү жер* < *бұл*

¹ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1951, I. Материалы по диалектологии: Тексты и словарь. С. 351.

² Насыров Д. С. Ставление каракалпакского общепородного разговорного языка и его диалектная система. Нукус, Казань, 1976. С. 211.

³ С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966. С. 24.

жер «это место», *о йер* < *о жер* < *ол жер* «то место», *со йер* < *со жер* < *сол жер* «то место», *қа йақ* < *қа жақ* < *қай жақ* «которая сторона». Иногда гласный в ауслaute подобных местоимений в конструкциях с ведущим компонентом *жер* «место» палатализуются, и такая палатализация, вызванная регрессивным влиянием переднеязычного *e* в составе второго слова, не меняет характер звукового изменения, на которое мы обращаем внимание: *бү йер* < *бү жер*, *сө йер* < *со жер*, *ө йер* < *о жер*, *кә йер* < *қа жер*.

В казахской народной речи часто подвергается такому изменению также начальный *ж* в составе глагола *жатыр*, когда тот следует после деепричастной формы на *-а*, *-е*, чем и обуславливается интервокальное положение *ж*: *келе йатыр* < *келе жатыр* «сюда идет», *бара йатыр* < *бара жатыр* «идет туда». Мы допускаем одновременно возможность рассмотрения данной разновидности звукового перехода как следствие выпадения интервокального *ж*, о чем свидетельствует наличие в народной речи формы типа *келеатыр* (< келе жатыр), *баратыр* (< бара жатыр). Появление *й* в конструкциях *келе йатыр*, *бара йатыр* здесь можно сравнить с функцией соединительных гласных в русском языке.

К данному виду перехода *й* < *ж* также тесно примыкает переход этих согласных в словах, отмеченных в наших примерах *йүз* «сто», *йаиш* «год (о возрасте)», когда последние выступают в составе словосочетаний типа *екі йүз* «двести», *алты йаиш* «шесть лет». При таких позиционных условиях факультативность их произношения в казахских говорах контактных зон тоже исключается, хотя в абсолютном начале этих же слов там можно наблюдать частое колебание произношения то в сторону *ж*, то в сторону *й*.

Переход *й* < *ж* в казахских говорах вовсе не является обязательным фактором, сопровождающим эти конструкции, где бы последние не употреблялись. Такой случай звукового перехода допускается лишь в некоторой части наших говоров «материнко-вого» типа.

Итак, в казахских говорах мы устанавливаем два типа перехода *й* < *ж*. Один из них характеризует абсолютное начало отдельных слов, другой вызван позиционным изменением. Будучи результатом межъязыкового контакта, ареал первого типа локализован территориями внутренних районов республик Средней Азии, а ареал второго охватывает юг, юго-восток и запад собственно территории Республики Казахстан. К тому же позиционный переход *й* < *ж* во многих говорах носит факультативный характер, а для говоров среднеазиатского региона такой переход в названных конструкциях является обязательным. Отсюда ясно, что в консервации там этого фонетического явления есть некоторая доля и языкового контакта.

в) Начальный дентальный *д* вместо *ж*, *дж*

К числу звуков, соответствующих начальным *ж*, *дж*, *й*.., в казахской народной речи может быть отнесен также *д*, хотя там функционирование его вместо указанных начальных согласных ограничено лишь известной суммой случаев, охватывающих только те слова, которые состоят из основы *жүз//дүз* или из производных образований от последнего.

География распространения соответствия начальных *д/ж* в казахских говорах в достаточной мере пока еще не определена. В данный момент допустимо говорить лишь о более или менее характерном употреблении *д* вместо начального *ж* в том или ином диалектном регионе.

Дүз//жүз в казахском языке представлен в нескольких значениях, образующих омонимичный ряд, который включает как имена, так и глаголы: *дүз//жүз* «сто, сотня», *дүз//жүз* «племенная общность у казахов», *дүз//жүз* «лицо, облик», *дүз//жүз*: «плавать», *дүз//жүз* «лезвие, острие».

Соответствие начальных *д/ж* сохраняется и в составе производных слов, образованных от основы *дүз//жүз*: *дүздү//жүздү*: *өткүр дүздү* «с острым лезвием», *дүзгөн//жүзгөн//түзгөн* «вид кустарника», *дүзүк//жүзүк//түзүк* «колечко, перстень». В хакасском и тувинском языках последнее слово имеет форму *чүс-тік*, *чүсүк*, где основа его *чүс* употребляется как самостоятельное слово в значении «сустав». Ср. алт. *дьустук*.

Тот или иной фонетический вариант рассматриваемых слов часто можно встретить в составе устойчивых сочетаний и синтаксических конструкций: *үлү дүз//жүз* «старший жүз» (название родо-племенного объединения у казахов), *орта дүз//жүз* «средний жүз», *кіші дүз//жүз* «младший жүз», *дүзүктүң//жүзүктің көзүнөн өткен* «грациозный», *дүз//жүз шайыс* «ругаться», *екі дүздү//жүздү* «двуличный», *дүзү//жүзү қара* «провинившаяся в чем-либо» (о женщине), *дүзүн//жүзүн бір шайған* «недоспелый» (о дыне) и т. д.

Исходя из своей концепции, признающей первичность начального *й* в тюркских языках, согласные *д*, *дж*, *ж* в лексикофонетическом элементе *дүз//жүз//джүз* М. Рясянен¹ считает следствием позиционного изменения, возникшего диссимилиацией конечного *з*.

Из примеров, включенных в нашу сравнительную таблицу, хорошо видно, что *д* вместо *ж*, *дж*, *й*... свойствен алтайскому языку; *д* там встречается в составе рассматриваемого лексикофонетического элемента во всех случаях его употребления: *дьус* «алтайский этноним», *дьус* «плавать», *дьус* «лезвие, острие», *дьус* «лицо». Известен также случай соответствия *д/ж* в составе слова *домала//дүмала* «катиться», в анлауте которого казахи западного диалектного региона употребляют *ж*: *жүма-*

¹ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 162.

ла. Иногда в народной речи начальный звук в составе этого слова заменяется глухим *т*: *томала*. Ср. ккалп, *жумала*, *думала*, ног, *тымала*.

На юго-востоке республики зафиксированы единичные случаи замены начального *ж*//*дж* переднеязычным *н*, и то не в составе исконных тюркских слов, а антропонимов арабского происхождения: *Нусун*, *Нусунпек*, *Нусубжан* نوس *Иусф*;

Нақып, *Нақыпек*, *Нақыбжан* نقوب В иных говорах мы встречаем формы этих слов, начинающиеся с *ж*, *т*, *д*, и даже *й*: *Жусун*//*Тусун*, *Дусун*//*Йусун*; *Жақып*//*Йақып*. Форма этих слов с начальным *й* в основном зафиксирована в переходных говорах центральных районов Средней Азии, а в других возможно употребление подобной формы индивидуальной речи отдельных лиц, придерживающихся канонов и манеры произношения книжного языка.

г) Начальная глухая аффриката (явление чеканья)

В казахской литературной речи небо-зубная глухая аффриката *ч* обладает весьма ограниченной сферой употребления. За исключением говоров некоторых южных и восточных районов республики, а также отдельных сопредельных зон с чеканящими родственными языками и диалектами. Доминирующая часть казахских говоров свободна от употребления *ч* в составе исконно тюркских слов и старых заимствований. Из исконно тюркских слов повсеместное распространение *ч* допускает только состав некоторых видов междометий, служащих обращением к домашним животным, когда их понукают, заставляют принять определенное положение, отгоняют или подзывают к корму. К таким относятся междометия: *чуу!* *эйт чуу!* «понукание транспортных животных», *чек!* «призыв верблюду принять лежачее положение через сгибание колен», *чэй!* «отпугивание овцы», *чек!* «отпугивание козы», *чеп-чеп!* «подзывание птиц к корму». Но тем не менее надо иметь в виду, что употребление *ч* здесь вовсе не является обязательным фонетическим фактором, сопровождающим эти междометия, во многих говорах наряду с перечисленными формами междометий возможны их параллели с начальным *ш*: *шуу*, *шөк*, *шэй*, *шек*, *шеп-шеп*.

В литературном языке *ч* употребляется только в составе русских и интернациональных заимствований. До перехода к новому письму на основе русской графики в казахском алфавите не было самостоятельного знака для обозначения этого согласного. Однако, как мы знаем, отсутствие в письме графического символа того или иного конкретного звука отнюдь не означает отсутствие его в языке. Что касается казахской народно-разговорной речи, то определение степени употребления в ней *ч*, безусловно, требует членораздельного подхода применительно к конкретным типам говоров.

С артикуляционно-акустической точки зрения качество **ч** в казахской народной речи не проявляет достаточного единообразия. Э. А. Шмидт, исследовавший в 20-х годах родоплеменной состав казахов юго-восточной части Чимкентского уезда, что соответствует ныне территории юга Джамбулской области, писал: «Насчет звука **ш** можно сделать общее замечание, что он произносится в этой местности средне между **ч** и **ш** с отклонением в ту или другую сторону, чаще в сторону **ч**... Некоторая непоследовательность (например, чередование **ч** и **ш**) вызывается неопределенным положением этих звуков, вследствие чего они в различных случаях воспринимаются различно»¹.

Призвук **т**, который входит в состав этой аффрикаты, в одних казахских говорах слышен с предельной ясностью, а в других менее заметен. Соответственно здесь необходимо указать на две разновидности, т. е. на два наиболее типичных аллафона аффрикаты **ч** в казахских говорах: 1) **ч** с отчетливым элементом **т**, соответствующий русскому **ч**, особенно в мягком варианте. Этот вариант условно назовем первой разновидностью **ч**; 2) **ч**, который произносится как нечто среднее между аффрикатой **ч** и спирантом **ш**, что условно можно дифференцировать названием «вторая разновидность **ч**», хотя не всегда удастся провести резкую грань между указанными видоизменениями рассматриваемого согласного. Это деление мы произведем для удобства описания совершенно условно, так как между этими разновидностями может оказаться еще ряд промежуточных аллафонов **ч**. Учет подробностей их качественных оттенков с точки зрения цели, которую преследует наше исследование, не вызывает особой необходимости².

На территории собственно Казахстана ареал **ч** охватывает обширную географическую полосу, простирающуюся вдоль юго-восточной и южной границы республики, начиная с Алтайско-Тарбагатайских нагорий вплоть до Каратау, куда по существующему административному делению входят территории прилегающих к государственной границе районов Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Талды-Курганской областей и юг Алма-Атинской, Джамбулской областей. На юго-западе республики **ч** отчасти представлен на Мангышлакском полуострове на восточном побережье Каспийского моря. В речи казахов, проживающих за пределами Казахстана этот звуковой признак встречается в говорах контактных зон с чекающими родственными языками и диалектами Туркмении и южной Каракалпакки, а также в Баянгулийском аймаке Монгольской народной республики (см. карт. 3, 4).

¹ Шмидт Э. А. Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чимкентского уезда // В. В. Бартольд. Ташкент, 1927. С. 302.

² Об экспериментальной характеристике **ч** см.: Татубаев С. С., Кошкарпов А. Б. О фонологическом статусе **ш** и **ч** в казахском литературном языке // VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения: Тезисы докладов. Алма-Ата, 1973. С. 125.

В противовес этому фонетическая система основной массы казахских говоров, распространенных на центрально-северной, западной частях Казахстана и сопредельных с ними районов России, а также на территориях Чимкентской и некоторых районов Джамбулской, Семипалатинской областей и Узбекистана, северной Каракалпакии, характеризуется отсутствием аффрикативного *ч*, где вместо последнего везде и всюду функционирует шипящий глухой спирант *ш*.

В. М. Жирмунский на соответствие начальных *ч/ш* обратил внимание, как на один из наиболее характерных признаков казахской народной речи, рекомендовав при этом казахским диалектологам незамедлительно приступить к его картографированию еще в начале 60-х годов. Лишь несколько лет спустя коллективом авторов был составлен первый том ДАКЯ, охватывающий территорию южной и юго-восточной областей республики. Там наряду с другими явлениями отведено и место картографированию соответствия *ч/ш*. В частности составителями (в том числе и автором этих строк) нанесены на карты более ста слов с данным видом соответствия. Ввиду ограниченности охватываемой территории в атласе не нашел своего отражения ряд зон возможного распространения *ч/ш*.

Данные, собранные диалектологами для описания и картографирования фонетических особенностей народных говоров, сейчас дают основание с известной вероятностью определить географию распространения *ч* в казахском языке, что отражено в приложенных в работе картах (карт. 3. 4).

Согласно тому, какой из взаимозаменяемых шипящих *ч*, *ш* свойствен звуковому строю народной речи, особенно анлаутной позиции слова, казахские говоры делятся на говоры чекающие и шекающие. Из этих двух групп как по величине географии распространения, так и в количественном соотношении носителей шекающая группа в системе казахского общенародного языка занимает доминирующее положение. Шеканье как примета, характерная фонетическому строю подавляющего большинства казахских говоров, легло в основу литературного произношения. На основе преимущественного употребления *ш* перед *ч* казахский язык относят к *ш*-языкам в общей системе тюркских языков.

Основным местом в казахском слове, в котором происходит соответствие *ч/ш*, является анлаутная позиция, что заключается в употреблении вместо начального аффрикативного *ч*, свойственного чекающим говорам, спиранта *ш* в говорах противоположного типа (см. таблицу).

В языках тюркской семьи аффриката *ч* относится к той группе согласных, которые обладают широкой функцией своего употребления в различных позициях слова. Наиболее активное употребление *ч* во всех положениях слова отмечено в киргизском, туркменском, гагаузском, каракалпакском, кумыкском, уйгурском, узбекском, турецком и ряде других языков и

В чекающих говорах	В шекающих говорах	В лит. языке	Значение
чыт	шыт	шыт	ситец
чаң	шаң	шаң	пыль
чүкүр	шүкүр	шүкүр	яма
чеке	шеке	шеке	висок
чоқ	шоқ	шоқ	жар
чыны	шыны	шыны	стекло, пиала
чіркін	шіркін	шіркін	молодец
чүмөк	шүмөк	шүмөк	кран

диалектов¹. Словом, исключительно мало современных языков, в фонетической системе которых отсутствовал **ч** в качестве исконного тюркского звука. Этот звук весьма характерен также языку древнейших тюркских письменных памятников. Начиная от орхоно-енисейской эпитафии, он встречается в подавляющем большинстве средневековых тюркских текстов².

Приводимые таблицы дают представление о **ч**, встречающемся в анлаутной позиции в составе общей с казахским языком лексики в современных родственных языках, а также в древних рунических, арабописьменных и уйгурских текстах.

В чекающих говорах каз. языка	туркм.	кир.	уйг.	аз.	узб.	Значение
чақыр	чагыр	чакыр	чақир	чағыр	чакыр	вызывать
чатақ	чатак	чатак	чатақ	чатағ	чаток	скандал
чолақ	чолак	чолок	чولاқ	чолак	чулок	куций
чық	чык	чык	чиқ	чых	чиқ	выходить

В древнетюркских текстах ³	В чекающих говорах каз. языка	В каз. шекающих говорах и лит. языке	Значение
чағ	чақ	шақ	время
чал	чал	шал	старик
чап	чап	шап	бегать
чөк	чөк	шөк	кланяться
чәріг	черуу	шеру	войска, поход
чік	чік, чіге	шік, шіге	вогнутая сторона альчика
чығай	чығай [бай]	Шығай [бай]	бедный, имя человека
чөл	чөл	шөл	степь, пустыня

¹ Шербак М. А. Сравнительная фонетика... С. 174.

² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 376; Ряснен М. Указ. соч. С. 156; Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VIII—IX вв. Л., 1980. С. 62—63.

³ Примеры в таблице взяты из исследований: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

В сравниваемых языках, где анлаут слова вместо казахского *ш* представлен аффрикатой *ч*, вовсе не исключается возможность употребления спиранта *ш* в данной позиции слова. Но там *ш* в начале слова этимологически противопоставлен не казахскому начальному *ш* — сибиланту *с*. Поэтому слова с начальным *ш* в них составляют совершенно другую группу лексики, отличную от той, к которой относятся слова, охваченные в наших таблицах. Так, местоимение *шул* «тот» в узбекском, татарском; *шол* в киргизском, туркменском языках противопоставлен казахскому *сол*, а глагол *шор* «сосать», что в киргизском и уйгурском языках, в казахском имеет форму *сор*. Вместо узбекского *шимир* «пить, не переводя дыхания» казахи произносят *сiмир* и т. д. Из чередующихся между собой *ш/с* в системе тюркских языков употребление *с* не является уделом лишь казахского языка: этому закономерному фонетическому изменению подвержены многие тюркские языки и диалекты, особенно языки кыпчакской группы, о чем более подробно сообщено в соответствующем разделе работы (см. раздел «Спиранты в различных позициях»). А *ч* в казахских народных говорах, в какой бы позиции слова не выступал, этимологически соответствует тому *ч*, который имеется в киргизском, туркменском, азербайджанском, узбекском литературном, уйгурском и ряде других языков и диалектов, о чем красноречиво говорят сравнительные данные, приведенные в таблицах.

Иногда *ч* в казахских говорах можно встретить и в середине слова, хотя основным местом его в нашем языке, как уже было отмечено выше, является начало слова. Употребление *ч* в анлауте в большинстве чекающих говоров позиционно ограничено: в середине он выступает только в составе аффикса в качестве его начального согласного и чаще всего следует за носовыми сонантами основы. Даже при полном обеспечении подобных позиционных условий, его употребление не всегда может быть реализовано в речи, что показывает явную непоследовательность анлаутного *ч* в казахских говорах. Хотя надо сказать, что по сведениям Бухатын Базылхан *ч* в говоре казахов Монгольской народной республики, помимо носовых, встречается и после других согласных: *апчы* вм. *апшы* «садиться» (о ткани), *ақча* — *ақша* «деньги», *ерчі* — *ерші* «следуй-ка» (за кем-либо), *елчі* — *елші* «посол, парламентар», *бейчара* — *бейшара* «беспомощный», *үйчүк* — *үйшік* «конура», *айтүчүчү* — *айтушы* «говорящий, передающий»¹.

Положение после носового *н* явилось одним из устойчивых мест *ч* в рунических надписях. Звукосочетание *нч* в середине обозначалось единым знаком. В енисейской эпитафии звукосочетание *нч* в составе слова *анча* «сколько» (каз. *қанча* — *қанша*)

¹ Бухатын Базылхан. Монғолияда тұратын қазақтардың тіліндегі... ерекшеліктер // КД. С. 35; Қалиев Ф. Қазақ диалектологиясының мәселелері. Алматы, 1960. С. 38.

В семиреченском говоре	Кир.	В каз. шекающих говорах и лит. языке	Значение
епчі менчік камчы тамчы қапча еріпчек бірінчі	энчи менчик камчы тамчы қапча эрипчээк биринчи	енші меншік қапшы тамшы қапша еріншек бірінші	удел, доля собственность кнул капля сколько ленивый первый

имеет свой графический символ. В современном киргизском, азербайджанском, туркменском, уйгурском языках **ч** относится к тем звукам, которые способны функционировать во всех позициях слова.

Третий том «Образцов» В. В. Радлова, который целиком посвящен казахскому фольклору, не содержит какой-либо материал, дающий сведения о наличии аффрикаты **ч** в казахском языке. Грамматике казахского языка П. М. Мелиоранского из аффрикат известен только *дж*. Хотя он, включив в свою книгу отдельные отрывки текстов из «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина¹, не обратил внимание на присутствие **ч** в некоторых казахских текстах, записанных последним ученым, видимо, у сказителей из восточного края Казахстана. Там нет прямого указания на регион, где произведена запись, но на это намекают специфические черты языка, которые содержат тексты. Например, аффикс множественного числа в составе слов *төрөдер* «высокопочтенные, вельможи», *будар* «те, эти» имеет вариант *-дар* вм. общеказахского *-лар*, а аффикс обладания в составе *ар түрді* «разные» *-ді* вм. *-лі* и т. д. А *д* вм. *л* в составе указанных аффиксов — характерный фонетический признак восточной группы казахских говоров².

Итак, в «Хрестоматии» И. Н. Березина мы встречаем казахскую сказку, в тексте которой **ч** выступает как в начальной позиции, так и в середине слова. Для демонстрации считаем нужным привести некоторые примеры из текста сказки.

Танымаса да чакырып алып айтады. «Не зная, кто он, подзвав его к себе, сообщает». Чешесі менен ападары ас джеп түнде джатып қалады. «Мать и старшие сестры, поужинав, ложатся спать». Манағы көлдөн джеміс чығады. «В озере том фрукты находят». Ол қатынның үш қызы бар екен: үлкенү Үмүт, ортанчысы Дін, ең кішісі Сүйүкті. «У женщины той, оказывается, есть три дочери, старшая Умүт, средняя Дин, а самая

¹ Турецкая хрестоматия, составленная профессором С.-Петербургского университета И. Березиным. СПб. 1890. Т. 3. С. 173—176.

² Болатов Ж. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку: Автореф. дис... док. филол. наук. Алма-Ата. 1970. С. 46.

младшая Суюкты». Байғұс шал корқұп качады. «Бедный старик, испугавшись, бежит». Бейчара шал «Беспомощный старик».

В извлечениях из текстов видно, что передача этого согласного буквой *ч* исследователем выдерживается не всегда, т. е. не во всех случаях его употребления: в слове *шал* «старик» начальный *ш* повторяется дважды, что, возможно, связано с колеблющимся характером *ч* между аффрикатой и спирантом, то же самое было отмечено Э. А. Шмидтом в речи казахов юго-востока Чимкентского уезда. Но, несмотря на подобные моменты, в массе случаев И. Н. Березин объективно запечатлел эту казахскую аффрикату русским согласным *ч*, хотя нетрудно догадаться, что он никак не задавался целью комментировать языковые особенности своих фольклорных записей.

Почти одновременно с Э. А. Шмидтом специально коснулся вопроса о наличии *ч* в языке казахов Кошагацкого аймака Ойротской автономной области А. Н. Самойлович¹, побывавший там с экспедицией в 20-х годах. «Я нахожу возможным признать,— говорил он,— в качестве отличительного фонетического признака Кошагацкого переходного говора казахского диалекта (т. е. языка — С. О.) тот звук «ч», который по Радлову и Мелиоранскому в казахском диалекте вообще отсутствует и который имеется в киргизском диалекте с одной стороны и алтайском с другой». И даже по поводу истории возникновения *ч* в речи кошагаццев он заметил: «Всего естественнее, казалось бы, объяснить это «ч» соседством чекающего теленгитского говора, но от решительного утверждения в этом смысле благоразумнее пока воздержаться». А. Н. Самойлович, конечно, не был осведомлен тогда о существовании *ч* в казахских говорах, кроме Кошагацкого, поэтому он был весьма скромен в своих выводах и не привел примеров, указывающих на позиции употребления *ч*. У него *ч* обнаруживается по существу в составе только нескольких слов, записанных им отнюдь не для лингвистической цели, а для описания домашнего быта кошагаццев: в словах *челек* «ведро», *чаңғырақ* «верхний обод юрты», *челпек* «блин» *ч* представлен в начале, а в слове *мұнча* «столько» — в середине.

Вопрос об аффрикате *ч* как предмете изучения фонетики казахской народно-разговорной речи был затронут М. Нусуповым² еще в довоенный период на страницах республиканского журнала «Халық мұғалімі» (ныне «Қазақстан мектебі») в статье «Об аффрикате *ч*, *дж* в речи казахов Семиречья», в которой автор, правильно отмечая *ч* в речи казахов Семиречья, одновременно выдвинул необоснованный тезис о наличии *ч* в речи ка-

¹ Самойлович А. Н. Казаки Кошагацкого аймака Ойротской автономной области // Казаки: Сборник статей антропологического отряда Казахской экспедиции АН СССР. Л. 1930. С. 324.

² Нусупов М. Жетісу халқының ауызекі тіліндегі колданылып жүрген аффрикат *ч*, *дж* дыбыстары туралы // Халық мұғалімі. 1940. № 1—2. С. 100.

захов северных областей республики. При этом он ссылается на примеры типа *атшы* «конюх», где звуковой эффект, создаваемый на стыке морфем сочетанием согласных *тш* принимает за наличие *ч*.

Более самостоятельная характеристика этому согласному дана в названной специальной статье Ж. Доскараева об аффрикатах в казахском языке в начале 50-х годов¹.

Относительно истории появления *ч* в казахских говорах у исследователей существует ряд мнений, суть которых, в основном, сводится к двум предположениям: 1) о заимствованном характере этого явления, 2) о его исконности для казахского языка. Наиболее обстоятельное мнение о возможном заимствованном характере *ч* в казахских говорах Семиречья со ссылкой на историю края мы находим у С. Т. Сауранбаева. Для получения более конкретного представления мы приводим высказывание ученого несколько подробно: «Судя по району наибольшего распространения аффрикативного *ч*, можно предполагать, что он, видимо, возник позже *ш* под влиянием уйгурского, киргизского и узбекского языков, в которых этот звук является устойчивой фонемой. В пользу этого предположения говорят следующие факты. Во-первых, казахи юга и Семиречья с давних времен имели непосредственное соприкосновение с уйгурами, киргизами, узбеками, а местами жили и живут смешанно. Во-вторых, есть и некоторые исторические сведения, свидетельствующие о том, что в XI в. в языке казахских племен, населявших южные районы Казахстана, употреблялся *ш*, а не *ч*. Так, В. В. Бартольд в своей работе «К вопросу о языках согдийском и тохарском», ссылаясь на Махмуда Кашгарского, пишет следующее: «Махмуд Кашгарский говорит о крепости Шу, построенной турецким царем этого имени, современником Александра Македонского, близ Баласагуна, которого в то время еще не было (Махмуд Кашгарский. Турец. изд., ч. 3, с. 305). Надо думать, что крепость стояла на реке того же имени и что в местном диалекте и тогда, как теперь в киргизском, звук *ч* заменяется звуком *ш*. Населением побережья реки Шу ныне последовательно употребляется звук *ч*. Реку Шу называют Чу. По данным же Махмуда Кашгарского, на которого ссылается В. В. Бартольд, вместо *ч* употреблялся *ш*, как в языке казахов, живущих на севере и западе. Следовательно, появление *ч* относится, видимо, к позднему периоду и является следствием влияния уйгурского, киргизского и отчасти узбекского языков»².

В. А. Богородицкий считал *ч* в начале тюркского слова первичным, который сохранился «в большинстве тюркских языков алтайской группы, кроме шорского, в волжско-татарской

¹ Доскараев Ж. Қазақ тіліндегі аффрикат дыбыстардың жұмсалуды // Изв. АН КазССР. Сер. лингвистическая. 1950. Вып. 6. № 82. С. 41.

² Сауранбаев Н. Т. Проблемы казахского языкознания: Избранные труды. Алма-Ата, 1982. С. 310.

группе, в Средней Азии — в уйгурск., кирг., узб. и в юго-запад. группе, также в древних языках, — как он далее замечает — переход шипящей аффрикаты в шипящий спирант *ш* видим в Вост. Сибири, в половине хакасских диалектов и казахском»¹. В свою очередь, некоторые типы начального *ч* он полагал результатом дальнейшего развития более древнего согласного *й*. Относительно последнего звука здесь нелишне упомянуть мнение С. Е. Малова², который, наоборот, предполагал, что все шипящие и свистящие начальные древнее, чем *й*. Известно также мнение А. М. Щербака³, принципиально отстаивавшего позднее появление *й* в анлауте. Начальный *ш* в казахском, каракалпакском, ногойском, тувинском и шорском языках он считает звуком, развившимся из пратюркского *ч*.

Мысль о заимствованном характере *ч* высказана также Ш. Ш. Сарыбаевым в статье о диалектных чертах языка казахов Маканчинского района Семипалатинской области, где он, указывая на употребление *ч* в начальной позиции слова и в составе аффикса именного словообразования *-чы*, *-чі*, полагает, что *ч* здесь возник под влиянием языка уйгурских соседей, носителей местной речи.

Согласно концепции Ж. Доскараева *ч* в казахских говорах — явление исконное⁴.

Разделяя мнение о заимствованном характере *ч* в казахском языке, А. Нурмагамбетов⁵ в качестве аргумента, отрицающего его исконность, указывает на отсутствие в казахском языке смысловозначающей функции рассматриваемых согласных, характерной другим родственным языкам, где аффриката *ч* имеет широкое распространение: узб. *чоч* «рассыпать», *шош* «торопиться, прийти в смятение», кир. *чабыр* «тощий», *шабыр* «камыш», туркм. *чапақ* «вид рыбы» (каз. *шабақ* «мелкая рыба») и т. д. Здесь, как это нам представляется, необходим членораздельный подход к каждому из диалектных регионов. Ибо частота употребления анлаутного *ч* в речи носителей различных говоров проявлена по-разному. Из доступных нам для изучения диалектных регионов *ч* с наибольшей последовательностью своего функционирования представлен в говорах, расположенных на территориях большинства районов Восточно-Казахстанской, Талды-Курганской, Алма-Атинской и некоторых районов Семипалатинской, Джамбулской областей. Регион этот является типичным носителем ярко выраженного чеканья. На основании данных, которые сообщаются в указанной статье тюрколога из Монголии Бухатын Базылхан, мы можем судить о похо-

¹ Богородицкий В. А. Указ. соч. С. 108.

² Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Изв. Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Т. 2. Вып. 2. С. 142.

³ Щербак А. М. Сравнительная фонетика... С. 79, 169.

⁴ Доскараев Ж. Қазақ тіліндегі аффрикат дыбыстардың жұмсалуды. С. 40.

⁵ Нурмагамбетов Ә. Қазақ говорларындағы *ч* дыбысының пайда болуы туралы // Изв. АН КазССР. Сер. общественная. 1967. № 2. С. 67—69.

жем характере употребления **ч** в языке казахов, обитающих в пределах МНР. Не исключена также возможность наличия подобного типа чеканья в языке казахов Синьцзянской провинции Китайской народной республики, но, к сожалению, о диалектном облике их языка мы до сих пор не располагаем какими-либо достоверными сведениями, хотя география расселения тамошних казахов и их родоплеменной состав вполне допускают вероятность такого предположения.

Основной отличительной чертой **ч** в казахских говорах на территориях Туркмении и Каракалпакии и сопредельных с ними районов юго-запада Казахстана является его нерегулярное употребление. Говорам этого типа чаще всего свойственна вторая разновидность **ч**, на качественную характеристику которой уже было указано выше.

Основываясь на функциональной и качественной характеристике **ч** в каждом из указанных диалектных регионов, можно заключить следующее.

Регулярность функционирования в речи и ярко выраженная качественная характеристика **ч** как звука аффрикативного, безусловно, предполагают длительную историю существования его в данном диалектном регионе, находящемся ныне в относительной дальности от зоны непосредственного контакта с чеканящими родственными языками. Решающим фактором, способствовавшим лучшему сохранению здесь **ч**, чем в любом из диалектных регионов, по-видимому, явилось преобладание в родоплеменном составе обитателей края чеканящего этнического компонента в период консолидации казахских родов и племен в более крупные объединения и союзы; **ч** в говорах данного региона, по всей вероятности,— явление традиционное. Хотя при этом не следует отрицать и возможной консервирующей роли родственных языков, типичных носителей чеканящего признака, особенно на перифериях региона, что уместно отмечено Н. З. Гаджиевой. В частности она пишет: «Соседство казахов в восточных и юго-восточных областях с киргизами, узбеками, каракалпаками, уйгурами, туркменами консервировало зарегистрированное здесь ранее **ч**. Не случайно, что в северных областях Казахстана условия благоприятствовали переходу **ч** в **ш**»¹.

В противовес вышеизложенному характер **ч**, выражающийся в непоследовательном употреблении его в речи и слабо проявляющемся взрывном эффекте в его произношении, как звука, колеблющегося между **ч** и **ш**, наоборот, предполагает гораздо позднее появление его в языке. Такая характеристика больше всего подходит для оценки **ч** в говорах контактных зон, оказавшихся ввиду своего географического положения в

¹ Гаджиева Н. З. Явления языковой интерференции в пограничных зонах тюркских языков Средней Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 79.

течение продолжительного времени в сфере влияния чекающих родственных языков и диалектов. Заимствованный характер **ч** в казахских говорах на территории Туркмении, южной Каракалпакии и сопредельных районов юго-запада подтверждается также этнической принадлежностью носителей их к Младшему жузу. Говоры их сородичей, составляющих основную массу населения, входящего в состав данного родоплеменного подразделения казахов и проживающих на относительно свободной от контакта территории (т. е. на территории собственно Казахстана), по типу являются шекающими.

Еще в начале 50-х годов Ж. Доскараев выдвинул тезис о том, что **ч** в казахских народных говорах переживает переходный период своего развития от состояния аффрикативного звука в звук простой, т. е. в спирант **ш**, ставший нормой казахской литературной речи. Сейчас, чем когда-либо, процесс нивелировки диалектных особенностей речи на местах под нормализующим воздействием казахского литературного языка происходит интенсивно. И вполне естественно, что **ч**, как явление сугубо диалектное, не может остаться вне сферы действия этого объективного процесса, в чем, пожалуй, кроется зачастую причина неоднозначности фонологической характеристики случаев реализации этого согласного в речи.

2. Звонкие и глухие согласные в анлауте и ауслауте

а) Начальные билабиальные парные

Губные согласные **п** и **б**, различающиеся по признаку глухости и звонкости ввиду отсутствия у них фонологической нагрузки, когда они выступают в начальной позиции слова, в тюркских языках способны заменить друг друга без особого ущерба семантике. Однако подобную картину нельзя себе представить как некую произвольную взаимозаменяемость этих согласных. Наоборот, даже самый беглый обзор начала тюркского слова показывает наличие определенной закономерности в употреблении **п**, **б**.

В общей системе тюркских языков можно выделить языки, отличающиеся более или менее преимущественным употреблением в абсолютном начале слова того или иного варианта указанной звуковой пары. Помимо чувашского и хакасского, где вообще исключено звонкое начало слова, ряд тюркских языков обнаруживает последовательное употребление **п** в начальной позиции. Такими являются языки шорский, тувинский, алтайский и язык желтых уйгуров. Обратную картину мы наблюдаем в башкирском языке, где начальный звонкий **б** является достоянием не только исконно тюркских слов, но и подчас старых заимствований, имеющих в своей исходной форме глухие **п**, **ф** (батша «царь» п. پادشاهی *патша*//*падшо*, бита «благосло-

вение» а. *فاتحہ* *фатиха, билман*, рус. пельмени). Началу якутского слова также характерен *б*. В киргизском литературном языке *п* для анлаута исконных слов явление весьма редкое. Исключение в нем составляют звукоподражания и некоторые арабо-персидские заимствования. Однако применительно к киргизским говорам контактных зон с узбеками и таджиками здесь необходимо оговориться, что там, как отмечают исследователи, часто случается оглушение общелитературного киргизского *б* в рассматриваемой позиции¹.

Значительное число тюркских языков характеризуется довольно пестрым соотношением начальных *п* и *б*. Но тем не менее гораздо меньше языков, с преобладающим начальным *п*, чем языков обратного типа. Что касается собственно звуковой системы казахских народных говоров, то следует сказать, что и там случаи соответствия общеказахского звонкого *б* глухому *п* в составе слов тюркского корня минимальны. Употребление начального *п* в казахских говорах, как и в литературном языке, охватывает в основном заимствованный пласт лексики.

Районом, где наиболее ярко выражено употребление рассматриваемого фонетического соответствия, прежде всего являются территории среднеазиатских республик и область южных и юго-западных частей Казахстана, находящаяся в непосредственной близости к узбекам, туркменам, каракалпакам и др. Нам хорошо известно, что территория Средней Азии испокон веков являлась одним из мест сосредоточения наряду с представителями других тюркоязычных и нетюркоязычных народов и казахского населения. Значительная часть казахов и поныне живет там в соседстве с узбеками, туркменами, таджиками, каракалпаками и др.

Более широкое распространение слов с начальным *п* в речи казахского населения края и наличие сплошного противопоставления их с фактами основной массы казахских говоров, расположенных далеко от территории республик Средней Азии, невольно наталкивают на мысль об установлении места в этом возможного языкового влияния.

Если исходить из литературной формы современных среднеазиатских тюркских языков, то надо сказать, что узбекский, туркменский, каракалпакский языки не отличаются особым усердием в употреблении *п* в начальной позиции, хотя нельзя не отметить в них сравнительно большую частоту анлаутного *п*, чем в казахском. Судить о степени функционирования в речи того или иного языкового явления лишь на основании данных, почерпнутых из литературного языка, было бы несколько одно-

¹ Абдулдаев Э., Бакинова Г., Байшекеев Н. Өзбекстандагы кыргыздардын тилиндеги жергиликтүү өзгөчөлүктөр. Фрунзе. 1962. С. 45; Ахматов Т. К. Кыргыз тилинин Талас говору. Фрунзе, 1959. С. 50.

сторонне. Наше представление о появлении конкретного лингвистического признака в языке, можно считать достаточно полным тогда, когда наряду с литературным языком обеспечен одновременно охват данных народных диалектов. Процесс общения между представителями разных территориально смежных языков осуществляется в основном в сфере народной речи. Поэтому учет результатов общения, реализующегося на уровне только литературных языков, не должен удовлетворять диалектолога.

Коммуникация, возможная между представителями разных литературных языков, представляет собой лишь одну из форм проявления сложного процесса языкового контакта. Для того чтобы определить степень влияния того или иного языка на изучаемый конкретный говор, исследователю должен быть прежде всего хорошо осведомлен об отличительных чертах соседних говоров или диалектов этого языка, с представителями которых носители изучаемого говора в силу смежности занимаемой ими территории находятся или находились прежде в языковом сношении. Вопрос о взаимовлиянии языков, особенно родственных, может быть успешно решен только при широком привлечении языкового материала, которым располагают народные говоры и диалекты. В подобном подходе главным образом нуждаются те особенности языка, которые своим существованием в народной речи обязаны действию языкового контакта.

В проникновении иноязычных элементов в народную речь решающая роль принадлежит территориальным диалектам, нежели литературным формам взаимовлияющих языков. Отсюда ясно, что данные говоров, расположенных в контактных в лингвистическом отношении зонах, безусловно, должны рассматриваться путем сопоставления с фактами соседнего языка: в первую очередь его диалектов, а затем литературной формы. С этой точки зрения здесь уместно остановиться на состоянии употребления и степени распространения глухого *п* в начале слова в соседних говорах родственных языков.

Описывая фонетическую систему каракалпакского языка, Н. А. Баскаков¹ обратил внимание на соответствие *п/б*, выделив его в качестве одного из классификационных признаков каракалпакских диалектов. Несмотря на то, что глухой *п* в начальной позиции слова в тюркских языках кыпчакско-ногайской группы, к которой и относится каракалпакский язык, малоупотребителен, в юго-западном диалекте последнего эта звуковая особенность представляет собой некоторую активность. Легко убедиться в этом, ознакомившись с конкретными данными, собранными Н. А. Баскаковым из уст носителей юго-западного диалекта: *пакьыр* «кричать», *пув* «пар», *пут* «нога»,

¹ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Т. I. С. 4.

пұхара «беднота», *пытпылдық* «перепелка», *пұта* «кустарник» и т. д.

От употребления глухого *п* в анлауте не совсем свободен также каракалпакский литературный язык. По крайней мере подтверждение этому можно почерпнуть из известных нам словарей каракалпакского языка. Так, «Қаракалпакско-русский словарь», вышедший в 1958 г., включает такие слова, как *порсық* «барсук», *порсы* «гнить, протухать», *пәсең* «низкий, тихий», *пүкке* «выпуклая сторона альчика», *пықсы* «дымить, тлеть», *пос* «разбредаться», *пөстек* «подстилка из овечьей шкуры» и др., которые соответственно в казахском литературном языке имеют фонетические варианты *борсық*, *борсы*, *бәсең*, *бүге*, *бықсы*, *бос*, *бөстек*.

Таким образом, при более глубоком ознакомлении с особенностями каракалпакской народно-разговорной речи нетрудно установить, что начальный *п* в ней занимает значительное место, хотя этот признак по частоте своего функционирования намного уступает начальному звонкому *б*.

Почти все слова с начальным *п*, отмеченные в казахском говоре юга Каракалпакии являются общими и для названного диалекта каракалпакского языка. Подобное можно утверждать не только применительно к материалам, записанным непосредственно нами, но и к материалам других диалектологов — Н. Джунусова¹ и Б. Бекетова², изучавших говоры казахов Каракалпакии. Совпадение с фактами каракалпакского языка, до известной степени, находят так же данные Т. Айдарова по языку тамдинских казахов, проживающих в пределах Бухарской области Узбекистана³. Для того чтобы убедиться в большом сходстве казахского и каракалпакского материала, касающегося описываемого соответствия, достаточно обратить внимание на приводимую ниже сравнительную таблицу, которая снабжена также дополнительными данными.

В пространственном отношении не все слова, которые представлены в приведенном выше списке, являются локализованными только на территории Каракалпакии. Наоборот, многие из них, будучи характерными для языка казахов республик Средней Азии и ряда смежных с ними районов юга Казахстана, своими изоглоссами охватывают более обширную территорию. Так, фонетический вариант с глухим *п* слова *палуан* «борец» (кар. 6) встречается почти во всех южных говорах казахского языка. Приблизительно такой же географией наделены слова *пітір* «закончить» (кар. 5), *пітік* «обильный урожай», *пұтақ*

¹ Жүнісов Н. Халық тілінің жергілікті ерекшеліктері: Қарақалпақстандағы қазақ говору материалы негізінде. Алматы, 1981. С. 39.

² Бекетов Б. Казахский говор южной Каракалпакии. С. 8.

³ Айдаров Т. Языковые особенности казахов Тамдинского района Узбекской ССР. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967. С. 6.

В речи казахов Каракалпаки	В ккалп.	В преобладающей части каз. говоров	В лит. языке	Значение
1	2	3	4	5
палапан пiтегене пұт пәте песiн	палапан питегене пут пәте пешин	балапан бiтегене бұт бата бесiн	балапан бiтегене бұт бата бесiн	птенец немного погоды. бедро благословение время после по- лудня борец целый обильный закончить разбрестись. мед лекарь сталь закупорить. перемирные гадальщик подарок все, весь ветвь народная масса кричать тихий, кроткий слуга, лакей выпуклая сторона вдребезги неуклюжий (о ходьбе) пеликан
палуан пұтүн пiтiк пiткер пос пал палгер полат пiте пiтiм палшы пайғазы пұткүл пұтак пұқара пақыр пәсең пәйекшi пұккө пыт-шыт порсаң- порсаң пiрғазан	палуан пүтин питик питкер пос пал палкер полат пите питим палшы пайғазы пүткiл путак пуқара пақыр пәсең пәйекши пүккө пыт-шыт порсаң- порсаң пирғазан	балууан бүтүн бiтiк бiткер бос бал балгер болат бiте бiтiм балшы байғазы бүткүл бұтак бұқара бақыр бәсең бәйекшi бүге быт-шыт борсаң- борсаң бiрғазан	балуан бүтiн бiтiк бiткер бос бал балгер болат бiте бiтiм балшы байғазы бүкiл бұтак бұқара бақыр бәсең бәйекшi бүге быт-шыт борсаң- борсаң бiрғазан	

«ветвь», *пұткүл* «весь», *пұтүн* «целый», *пал аш* «гадать», *палшы* «гадальщик».

Если к этому явлению подойти с точки зрения определения степени влияния каракалпакского языка, то для нас здесь больший интерес должны представлять не те слова, у которых обширный ареал распространения, а те, изоглоссы которых строго локализованы территориями Каракалпакии и смежных с ней районов Республики Казахстан. В этом отношении из общего списка необходимо выделить такие слова, как *пос* «разбредаться», *пор* «мель», *пұу* «пар», *пәсең* «низкий, тихий», *пайан* «постоянство» и т. д., обладающие наиболее узкой локализацией. К разряду подобных относятся также слова типа *пал* «мед», *пақай* «окрестность», изоглоссы которых кроме ядра их распространения отмечены на территории Қзыл-Ординской области. В значении «мед» в большинстве районов юга Казахстана употребляется слово *әсел*, созвучное с узбекско-таджикским *асал* а. اسال

Н. А. Баскаков во время его диалектологических поездок в Каракалпакию в 20—30 гг., помимо непосредственно каракал-

пакских материалов, собрал там значительное количество произведений казахского фольклора, отображающих колориты местной речи казахских жителей края. Эти тексты, опубликованные ученым вместе с материалом по каракалпакской диалектологии в первом томе известного его труда «Каракалпакский язык», содержат изрядное число слов, начинающихся с глухого *п* в м. общеказахского *б*:

Қары патасын бере-бере кетті (с. 78)¹. «Старик ушел, несколько раз дав свое благословение». Екі пұтұмның арасында тұрұп (с. 79). «Спрятавшись между ногами». Соннан кейін баланың нағашы шешесі келіп, оған жан пітірді (с. 79). «Затем пришла бабушка юноши по матери и вдунула ему душу». Ол елінің барлық палшыларын жинап алып, пал аштырды (с. 122). «Он собрал всех гадалщиков своего народа и приказал им погадать».

Глухость анлаута, связанная с употреблением согласного *п* в говоре казахов Каракалпакии, помимо обыденной бытовой лексики типа той, которая рассмотрена выше, порою распространяется и на область антропонимов, иногда даже топонимов.

Кроме древнего иранского субстрата, топонимия края изобилует тюркскими названиями, произносимыми казахскими жителями в основном на каракалпакский лад и отчасти — узбекский. Это касается преимущественно области микропонимов. Так, в каракалпакских названиях типа *Порсы*, *Пақтарна* казахи строго соблюдают начальный *п*, в противном случае эти названия в казахской речи прозвучали бы в форме *Борсы* (*борсы* «стать затхлым, вонючим»), *Мақтарна* (бук. *мақта* «хлопок», *арна* «русло»). Произнесение не только этих названий, но и им подобных в языке местного казахского населения укоренилось в каракалпакской форме. Наряду с ними ряд общеизвестных среди казахов микропонимов, не имеющих непосредственного отношения к данному географическому региону, здесь может иметь иную огласовку, чем в остальных казахских говорах. Наименование среднеазиатского древнего города и бывшего Бухарского ханства в основной части казахских говоров известно в форме *Бұқар*, а казахи этого диалектного региона в противовес этому и узбекскому литературному языку, где это название тоже имеет звонкое начало (*Бухоро*), именуется на каракалпакский лад *Пұқара шәәрі*, *Пұқара әмірі*. Соответственно общеупотребительное слово *‘ара* «народ, народная масса» в местной речи произносится тоже с начальным *п*: *пұқара*, *қара пұқара*.

Еще более яркое проявление этого звукового признака отмечено и в кругу собственных имен людей. Известно, что личные имена не меньше, чем другие отрасли лексики, носят на

¹ *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Т. 1 (стр. текстов указываются в скобках).

себе отпечаток времени, исторических событий, особенно языковых контактов и т. д. Относясь к этнографическим пластам лексики, личные имена, начиная с наречения новорожденного, традиционно передаются из поколения в поколение и легко могут переходить из одного языка в другой. При переходе в другой язык они обычно подвергаются изменению согласно фонетическим законам перенимающего языка. Однако нередко случается так, что отдельные типы заимствованных личных имен более или менее отчетливо сохраняют свой первоначальный фонетический облик, являясь общими для обоих языков, что можно продемонстрировать примерами типа: *Палжан, Пахтагул* и т. п. Произнесение подобных имен в каракалпакском языке и контактирующем с ним казахском говоре ничем не отличается. А между тем известно, что в большинстве казахских говоров подобные имена допустимы только в форме *Біржан, Бірімжан, Бірәлі, Болымбет, Балайым, Балжан, Мақтагул*. Ср. ккалп.: *Пиржан, Пиримжан* и т. д.

Параллельно встречающийся в составе вышеприведенных мужских имен компонент *пир-//бір-* заимствован из персидского языка, этимологически имеет начальный *п*: *пир* «почтенный, праведный старец». Слово *пир* в общеупотребительных народных выражениях в роде *жеті кәміл пірлері* «семь вдохновляющих покровителей», *Иа, пірім* «О, вдохновитель мой», *пірге қол тапсырған* «вошедший в доверие духовного вдохновителя» употребляется с начальным *п* в качестве самостоятельного слова в значении сказочного или религиозного вдохновителя. Но несмотря на это в составе сложных личнособственных имен в говорах «материкового» типа анлаут этого слова подвергнут озвончению, хотя отдельные говоры пограничных зон, как мы видим, представляют собой обратное.

Чтобы уяснить себе, почему женские имена типа *Палайым, Палжан* начинаются с *п*, достаточно сослаться на сравнительную таблицу, где слово *пал* «мед», которое имеется в составе этих имен, в каракалпакском языке представлено в данном варианте вопреки казахскому *бал*. Один из местных сортов дыни с белой сладкой мякотью тамоч... казахи называют *шекерпал* (букв. сахар — мед), что тоже вполне согласуется с фактом каракалпакского языка. (Но возможно и от узбекского шакар — палак «сладкий сорт дыни».) Точно такое же объяснение ожидает и мужское имя *Болумбет//Полумбет*; каракалпакская народная речь из этих вариантов больше предпочитает последний.

Как нами уже замечено, следующий диалектный регион более или менее широкого распространения начального *п* вместо *б* охватывает территорию тех районов расселения казахов, где они живут в близком соседстве с узбеками, куда прежде всего относятся территории некоторых районов Ташкентской и Бухарской областей Узбекистана, конечно, прилегающие к ним

районы юга Казахстана. Кроме этого значительная часть казахского населения, соседствующая с узбеками, представлена и в Таджикистане. Казахи здесь в основном сосредоточены в густонаселенных узбеками районах Курган-Тюбинской области.

Начало подавляющей части слов, зафиксированных в связи с этим явлением в речи казахского населения указанных территорий, находит свое интересное сходство с узбекскими фактами. Для этого достаточно сравнить следующую группу слов, имеющих лексические параллели в узбекском языке.

В речи казахов Узбекистана и прилегающих к нему районов юга республики	Узб.	В преоблад. части каз. говоров	В каз. лит. языке	Значение
пүтүн	бүтүн *	бүтүн	бүтін	целый
пүт	пүт//пһт	бүт	бүт	бедро
пiт	пит	біт	біт	кончатся
пiткер	питкәр	біткер	—	закончить
пәкене	пакана	бәкене	бәкене	низкий
пешпет	пешмат	бешпет// бешмент	бешпент	пиджак
пейшемби	пайшанба	бейсемби	бейсенби	четверг
пақыр	пақир	бақыр	бақыр	кричать
пұтақ	путақ	бұтақ	бұтақ	ветвь
пүткүл	луткул	бүкүл	бүткіл	все, весь
пақыр	пақир	бақыр	шелек	ведро
палуан	полвон	балұуан	балуан	борец
полат	пулат	болат	болат	сталь
пешақа	паншаха	бесақа	(айыр)	вилья
пайтаба	пайтава	бәйтаба	(шұлғау)	гортика
палаққан	палақмон	балақпан	балақпан	праша
пайқа	пайқа	байқа	байқа	замечать
пақыр	пақир	бақыр	бақыр	медяк
пайа	поя	байа	(сабақ)	стебель
байалы	поялы	байалы	(сабакты)	со стеблем

Узбекский язык, о чем уже было сказано выше, относится к той преобладающей группе тюркской языковой семьи, где употребление *п* в начальной позиции слова не проявляет собой особую последовательность, хотя там соотношение слов, начинающихся с *п*, значительно больше, чем в казахском и киргизском языках. В этом отношении весьма поучительно замечание В. В. Решетова, который говорил, что анлаутный *б*, характерный для йекающих говоров, в джекающих дает регулярный *п*. В качестве иллюстрации он приводит ряд примеров:

Литературно-орфографическое *битган* в джекающих диалектах выступает в форме: *питкән* «кончился», *кайнап питкән* «выкипел», *питти* «кончился», *питирин//питкәриб* «закончив», *питирнг* «кончайте»; а *бутун* — *пүтүн* «весь, целый»; *бутун-*

* В узбекских примерах, приводимых из диалектологических исследований, сохранена транскрипция оригиналов.

лай — пүтүнләй//пүтүннэй «целиком, полностью». В йекающем карабулакском говоре тоже *п*: йумушыны пүтүрүп кайтып кетти «закончив свое дело, он уехал обратно» и т. д.¹

Ф. А. Абдуллаев тоже отмечает регулярное функционирование начального *п* в хорезмских говорах кыпчакского типа вместо *б*. В словаре, приложенном к статье Ш. Шаабдрахманова² о лексике городских говоров окрестности Ташкента, слова наподобие *бўтақ* «ветвь», *бўт* «нога, бедро» мы обнаруживаем в варианте с *п*: *путаг, пуг*.

Из узбекского говора кишлака Ниязбаши, что находится близ Ташкента, Н. С. Гафурова³ приводит ряд слов типа: *пўтън* «целый», *питир* «кончить», *питкән* «закончился», *пукул* «весь, целиком», анлаут которых в речи казахов Аккурганского, Среднечирчикского, Букинского, Янгиюльского районов Ташкентской области тоже произносится через *п*.

В проникновении иноязычных элементов в язык различают обычно два пути — устный и письменный. На уровне литературного языка процесс заимствования происходит главным образом через культурные каналы, т. е. через письменность, школу, литературу художественную и научную, печать, органы массовой информации и т. д. Тогда как диалекты и говоры как достойные народно-разговорной речи, как правило, предпочитают устный путь проникновения иноязычных элементов. Поэтому материал для сопоставления нами здесь часто берется не из лексического арсенала узбекского литературного языка, а из его народных говоров.

Из группы губных согласных широкое распространение в начальной позиции слова глухого спиранта *ф* является одной из черт, резко отличающих фонетику узбекского языка от казахского. Этот лабиодентальный согласный, характерный для анлаута слов арабо-иранского происхождения, в равной степени как в узбекском литературном языке, так и его говорах городского типа освоен в варианте, близком к исходному *ف* (фа). Поэтому в словарях узбекского языка арабо-иранские заимствования с начальным *ф* занимают определенное место, хотя надо сказать, многие узбекские говоры этот звук заменяют глухим губно-губным *п*. Так, в кыпчакском диалекте⁴ и говоре намаганских узбеков⁵ литературные *фан* (а.) «наука, учение», *фикр* (а.) «мысль, мнение» звучат в форме *пән, пікір*.

¹ Решетов В. В. Указ. соч. С. 231.

² Шаабдрахманов Ш. Таянч шахар шевалари лексикасидаи. // МУД. 1961. Т. 2. С. 320.

³ Гафурова Н. С. Узбек тилининг Ниязбаши шеvasи // МУД. 1961. Т. 2. С. 260.

⁴ Данияров Х. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком: На материале Самаркандской и Джизакской областей. Ташкент, 1975. С. 21.

⁵ Решетов В. В. О намаганском говоре узбекского языка. // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953. С. 225.

В фонетической системе казахского языка этимологически общий с вышеуказанным губно-зубной отсутствует, а возможность его употребления в исконно казахских словах фактически равна нулю. Даже в арабо-иранских заимствованиях, начинающихся с **ف**, он заменяется губно-губным **п** или **б**. Исключения составляют отдельные образцы арабописьменных литературных и других источников, относящихся главным образом к прошлому веку и созданных на основе письменной традиции того времени, где губно-зубной глухой **ф** нередко сохраняется в составе заимствованной лексики из арабского и персидского языков. Но, однако, основываясь на этом, нельзя доказать соблюдение посетителями казахской народной речи исконного произношения **ф** в прошлом в заимствованном пласте лексики. Более или менее книжное произношение **ф** в арабо-иранских заимствованиях, видимо, характеризовало тогда речь лишь грамотных, ничтожно малых слоев населения, а народная речь при таких заимствованиях, безусловно, предпочитала **п, б** губно-зубному **ф**.

По-видимому, тоже к индивидуальной особенности речи относится начальный **ф**, сохранившийся в составе арабских заимствований *фурсат* **فرصة** «возможность, удобный момент»,

фан **علم** «наука, учение», который был зарегистрирован О. Нақысбековым в некоторых стихотворных строках, записанных им в Буртинском и Адамовском районах Оренбургской области России¹. Ибо произношение **ф** в арабских заимствованиях чаще всего являлось уделом речи только грамотных. Иные из таких даже заменяли исконный **п** арабским **ф**. В этом отношении весьма уместно замечание Е. Э. Бертельса, где он говорит, что грамотные на арабский лад люди при письме старались всякий **п** заменить буквой **ф**, даже и тогда, когда это не было нужно². А несвойственность **ф** началу тюркского слова общеизвестна. В текстах доселе известных домусульманских тюркских письменных памятников согласный **ф** вообще отсутствует³.

В подавляющем большинстве казахских говоров и литературном языке анлаутный **ф** во всех старых заимствованиях заменяется смычными **п, б**, изредка даже **м**. Так, арабские *фатуа* **فتوة**

«соглашение», *фарек* **فرق** «разница», *фигл* **فعل** «нрав,

желание», *фарз* **فرض** «обязанность, долг», *фурсат* **فرصة**

¹ Нақысбеков О. Орышбор облысының Адамов, Бөрте аудандарында тұратын қазақтардың тіліндігі кейбір жергілікті ерекшеліктер // ҚТДМ. Алматы, 1962. 4-шығ. С. 107.

² Бертельс Е. Э. Как звали первую жену Низам? // Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семьдесятлетию. С. 66.

³ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 63; Талипов Т. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алмата, 1972. С. 60.

«возможность, удобный момент» в казахском произношении имеют следующие фонетические параллели: *пәтүүә//бәтүүә, парық//барық, пыйғыл//бийғыл//пығыл//бейіл//пейіл//мейіл, парыз//барыз, пұрсат//мұрсат//мұрша*, а персидские *фәрзанд* فرزاند «дети», *фириште* فرشته (ангел), *фәрман* فرمان «повеление»

имеют варианты: *перзент//берзент, періште//беріште, пәрмән//бәрмән*. Узбекский литературный язык в отношении этих заимствований выявляет несколько иную картину. Так, в словарях узбекского языка нашим примерам соответствует: *фатво, фарк, феъл, фарз, фурсат, фарзанд, фаршта, фармон*.

Говоря о замене **ф** в казахском языке другими согласными, необходимо иметь в виду, что литературный казахский язык, особенно его письменная форма, не совсем свободен от употребления фрикативного согласного наподобие рассматриваемого **ф**, но совершенно иного происхождения. Хотя и его функция ограничена там узким кругом интернациональных слов и научных терминов. Само собой разумеется, что присутствие **ф** в составе указанного пласта лексики не свидетельствует о наличии его в фонетической системе казахского языка. А что конкретно касается казахской народной речи, то следует сказать, что в ней всегда заметна склонность заменить этот спирант каким-либо другим губным смычным. Замена его смычными **п, б, м** в таких поздних общеупотребительных интернациональных заимствованиях, какими являются *порым//борым* «форма», *панар//манар* «фонарь», *білте//пілте* «фитиль», как раз намекает на это. Эти интернациональные заимствования в казахской народной речи имеют давнюю историю. Слово *порым//борым* мы находим в языке казахских эпосов. Оно часто встречается в произведениях Абая и других представителей казахской поэзии прошлого века¹. В казахской степной газете конца XIX в. это слово зафиксировано в следующем четверостишии (стихотворный вариант отрывков из «Тысяча и одна ночь», осуществленного акыном Мейрамом Жанайдаулы):

Тұрмай гөр канша ұрса да орыныңнан,
Күндегі бұзылғайсың порымыңнан,
Шұбыртып сілекейің су ағызып,
Күрсілдеп дем ала бер мұрыныңнан.

(«Дала уалаятының газеті», 1895, № 42)

«Не вставай, сколько бы тебя ни били,
Притворяясь больным, измени свой обычный вид.
Выпуская пену изо рта,
Тяжело дыша со стоном».

¹ Сулейменова Б. О русских словах в произведениях Абая // Изв. АН КазССР. Сер. общ. наук. 1964. Вып. 4. С. 60.

Весьма употребительны также формы слов *панар//манар, білте//пілте* в литературной речи и современных художественных произведениях: *Екі көзі қылтып жанған панарда* (Р. Тоқтаров). «Уставился глазами на фонарь, который едва светил». *Бөтелкедегі жермай саққылып, білтеге жетпеуге айналғанда, үстінен су құяды* (Б. Сокпақбаев). «При уменьшении в бутылке керосина, фитиль его не достает концом, тогда подливают туда воду».

Несмотря на характерность для анлаута казахского слова звонкого **б** в народных говорах **ф** больше переходит в **п**, нежели **б**, что, пожалуй, можно объяснить сближающим образование этих согласных фактором — глухостью: оба они реализуются без участия голосового тона. Такая же закономерность в приспособлении **ф** к артикуляции родного языка наблюдается и в узбекских говорах кыпчакского типа, в фонетике которых, как и в наших говорах, этот согласный отсутствует¹.

В казахском языке довольно мало слов с исконным анлаутом **п**, поэтому в разряд слов, начинающихся с **п**, в нем в основном попадают рассмотренные выше категории слов, т. е. слова арабо-персидского происхождения, имеющие в начале **ф**. В преобладающем большинстве казахских говоров и литературном языке все слова с начальным **п** либо заимствованы, либо представляют собой так называемые звукоподражательные основы. Это положение в равной степени относится и к фонетике близкородственного киргизского языка². Даже в сравнимом с нашими говорами узбекском языке **п** для начала исконных тюркских слов — явление весьма редкое. Указывая на свойственность этого звукового признака главным образом анлауту таджикско-персидских, русских и интернациональных заимствований, А. Н. Кононов на этот счет из узбекского литературного языка приводит лишь единичные примеры: *порлоқ* «блестящий», *пишмоқ* «зреть». Он прямо говорит, что **п** в анлауте встречается буквально в нескольких коренных узбекских словах. То же самое можно говорить применительно ко многим тюркским языкам Средней Азии, Поволжья и Закавказья, где в собственно тюркских словах **п** в анлаутной позиции выступает в виде редких исключений: в основном в составе поздних заимствований из персидского, арабского и других языков.

По поводу этого вида соответствия здесь уместно указать и на такое обстоятельство. Собеседники, участвующие в диалоге, или лицо, повествующее о чем-либо, желая передать выразительность и эмоциональную окраску определенному моменту своей речи, иногда может выделить сознательно то или иное слово с особой экспрессией. При этом динамическое ударение падает на первый слог выделяемого слова. В таких речевых ситуациях способны выступить, разумеется, не все стилистически

¹ Данияров Х. Указ. соч. С. 114.

² Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова // ИСГТЯ. М.; Л., 1955. Ч. 1. Фонетика. С. 270.

нейтральные слова, а лишь некоторые, в основном глаголы действия. Чаще всего в речи это случается с глаголом *бер*, когда тот употребляется в значении *ударять, бить*. В данной функции этот глагол выступает только в деепричастной форме *періп* вместе с другими вспомогательными глаголами в сложных конструкциях типа: *періп кет, періп қал, періп жібер* и т. д. в смысле «ударяй, бей». Например: *Мен де оны шықишыттан періп кеп жібердім*. «Я в свою очередь ударил его по челюсти». *Автоматтың шүйдесімен офицердің шекесінен періп қалды*. «Прикладом автомата ударил в висок офицера» (Момышулы).

Подобных примеров с глаголом *бер* немало. Однако оглушение анлаутного *б* в аналогичных примерах ни в коей мере не должно ставиться в один ряд с теми видами соответствия *п/б*, которые рассматриваются нами здесь, так как межъязыковое и междиалектное соответствие вовсе не вызывает изменения семантики или стилистической окраски слов, подвергнутых действию этого фонетического закона. В словах наподобие *бал//пал* «мед», *мақта//пақта* «хлопок» варьирование *б/п/м* смыслообразительной функцией не обладает. Фонетическое соответствие в тюркских языках — категория семиологически нерелевантная.

Э. Р. Тенишев, отмечая распределение согласных в языке сарыгьюгуров по наличию и отсутствию аспирации наряду с другими приводит пример *пер* «дай» — *п'ер* «бей», где первый *п* — глухой непродыхательный, а второй — глухой продыхательный. И указанные слова благодаря этому семантически различаются¹. Но нам известно, что казахские согласные по такому признаку не дифференцируются, а наличие аспирации в *пер* в частном случае его употребления в казахском языке надо считать пока неустановленным.

Бесспорно, что в казахских говорах, расположенных во внутренних районах Средней Азии и районах, прилегающих к каракалпакской и узбекской территориям Казахстана, *п* в начальной позиции слова больше распространен, чем в говорах других географических широт и в казахском литературном языке. Самым беглым взглядом можно обнаружить, что и в составе этой группы диалектной лексики, кроме заимствованных, тоже мало слов собственно тюркских. В обоих списках примеров мы едва ли найдем слова тюркского корня за исключением слов, образованных от основ типа: *піт* «кончаться», *пұта* «рубить», *пұу* «пар», *пүтүн* «целый» и ряда других, что лишний раз доказывает несвойственность *п* анлауту казахского слова. И в самом деле, большинство слов, включенных в обе таблицы, представляют собой арабо-персидские заимствования, подавляющая часть из них — иранизмы. Такие слова, содержащиеся в списках, как

¹ Тенишев Э. Р. Система согласных в языке древнейгулурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3. С. 124.

палгер فالگار «лекарь», полат پولاد «сталь», палұуан بېلوان «борец», пэсэн//пэс «низкий, короткий», пақта «хлопок», пайпак پايپاغ «валенки», палек پالاک «плеть дыни, арбуза», пэ-кене بکنه «низкий, карлик», пейшембі پيچ شنبه «четверг», песін پيشين «время после полудня» являются персидскими заимствованиями, а патә//патийә فتحه «благословение», пәгир فطير «тонкая лепешка» — арабскими.

Если иметь в виду тот факт, что анлаутные **п** **ф** в арабо-персидских заимствованиях в диалектах и говорах узбеков, каракалпаков и других коренных жителей Средней Азии освоены в форме, близкой к исходной, то становится понятным, почему в казахских говорах, контактирующих с теми же диалектами и говорами, в начале большинства слов этой группы лексики употребляется **п**, а не **б**. Ясно одно, что значительная часть арабо-персидских лексических элементов в говоры тамошних казахов вошла через посредство узбекского и других языков. И, следовательно, казахская речь подобные заимствования приняла главным образом в тех фонетических вариантах, в которых установились они в языке других представителей региона.

Взаимозаменяемость парных **п-б** без осязательного ущерба семантике слов не только в начальной, но и в других позициях слова обусловлена генетической общностью этих тюркских согласных. Замена их, как мы видим, особенно анлаутных **п-б** в диалектах тюркских языков — явление довольно распространенное. У исследователей нет расхождений во мнении о едином начале этих согласных в данной позиции. Но вопрос о том, который из анлаутных **п-б** является изначальным, служит предметом научного спора не одного поколения тюркологов. В. В. Радлов начальные звонкие в северных тюркских языках охарактеризовал как варианты глухих согласных. О преобладании глухих в древних языках высказался также С. Е. Малов¹.

Э. Р. Тенишев, отмечавший в сарыгьюгурском и саларском языках изобилие глухих согласных в начальной позиции, считает эти согласные явлением, безусловно, древним².

Согласно мнению А. М. Щербака³ в пратюркском языке из парных **п**, **б** в начальной позиции употреблялся только его глухой компонент. Он, останавливаясь на взглядах ученых, предположивших возможность употребления наряду с глухими некоторыми звонкими согласными в начале слова в самую древнейшую

¹ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки. С. 141.

² Тенишев Э. Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников... С. 124, 125.

³ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 89, 95.

эпоху, выдвигает тезис об отсутствии оппозиции согласных в пратюркском состоянии, которые можно было рассматривать, сопоставив их с точки зрения глухости и звонкости. По этой причине в рекомендованном ученым списке односложных корневых слов на уровне тюркского праязыка слова с начальными звонкими отсутствуют¹.

К такому же выводу приходит исследователь узбекских народных говоров Ф. Абдуллаев². В частности, он говорит, что в некоторых тюркских языках, особенно в языках северной группы, в начале слова сохраняются глухие согласные, которыми, без сомнения, характеризовалось начало слова в древнейший период развития тюркских языков. В одних современных языках отдельный анлаутный глухой полностью заменился звонким (например, башкирский начальный **б**), в других озвончение глухих в анлауте носит более или менее системный характер (например, начальные **д, з, ғ**, в азербайджанском и туркменском языках), а в третьих глухие и звонкие варианты существуют параллельно. К последней группе он относит кыпчакские языки, где процесс озвончения анлаутных глухих еще не завершился.

Последовательно проводит идею о глухом начале слова в пратюркском языке Н. З. Гаджиева³. Это явление исследователь связывает с сильным экспираторным ударением, падающим на первый слог. По ее мнению, в древности ударение в тюркском слове находилось не на последнем слоге, как это имеет место в современных языках, а на первом. Притом это было ударение сильное, экспираторное. В подтверждение своей мысли о характере и месте ударения в пратюркском состоянии она приводит ряд интересных примеров из современных языков и диалектов.

В азербайджанском языке в словах *көмүр//көмір* «уголь» гласный последнего слога слышится неясно, т. е. колеблется между **ү** и **і** (ср. еще каз. *дөңгөлөк//дөңгөлөк* «круг, колесо»), что ученым считает косвенным доказательством свойственности ударения первому слогу в древности. Дальше свое предположение Н. З. Гаджиева пытается объяснить особенностью столь свойственного звуковому строю тюркских языков закона — гармонии гласных. При этом она ссылается на высказывание Ф. Е. Корша⁴, которое заключается в следующем. Чтобы сохранить за собой роль ведущего, гласный первого слога в тюркских языках произносится более четко и внятно, что намекает на возможное наличие ударения в древнем состоянии в первом слоге, хотя в

¹ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 195.

² Абдуллаев Ф. О кыпчакско-огузских соответствиях *п/б, б/м, б/в* по материалам хорезмских говоров узбекского языка // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965. С. 61.

³ Гаджиева Н. З. Глухое начало слова в тюркском праязыке // СТ. 1973. №. 4. С. 3.

⁴ Предположение о том, что в пратюркском языке первый слог принимал ударение, высказывалось и другими учеными (Х. Педерсеном, Б. Я. Владимировым и др.) // СИГТЯ. С. 175.

современных языках начальный слог больше не является носителем главного ударения. Для доказательств того, что ударение падало в древности на первый слог, она приводит еще такой факт, как усечение конца тюркских слов типа: *түн* «ночь», *көк* «синий», *үк* «понимай» в противовес монгольским *түне*, *көке*, *үқа*, где эти корни, как это было отмечено Н. К. Дмитриевым, двусложные, а в тюркских односложные¹. Дифтонгизация долгих гласных в некоторых тюркских языках, в частности в якутском, приведена Н. З. Гаджиевой также в качестве аргументации причастности древнего ударения к гласному первого слога.

В науке известна и другая группа ученых, выдвигавших по существу этого вопроса противоположную концепцию, суть которой сводится к двум отчасти нам уже знакомым предположениям: первое — это допущение существования в пратюркском языке одновременно глухого и звонкого начала слова (Х. Педерсен, В. М. Иллич-Свитыч и др.); второе — признание существования в данной позиции из звонких только единственного *б* (Г. И. Рамstedт, Н. Н. Поппе, М. Ряснен и др.)².

Наличие начальных парных *д-т* в некоторых современных тюркских языках (в огузских, тувинском и тофаларском) В. М. Иллич-Свитыч объясняет сохранением следов пратюркского противопоставления³.

Анлаутный *п* в сибирских диалектах и чувашском языке В. А. Богородицкий рассматривал как следствие приглушения древнего *б*, который сохранился в монгольском языке. Отмечая чувашское слово *пару* «теленка» при наличии татарского *бөзау*, монгольского *бирагу*, мадьярского заимствования *бориу*, он прямо говорит, что приглушение *б* в чувашском языке относится, вероятно, к позднему времени⁴. Применительно к отсутствию в якутском начальном *п*, он замечает, что якутский язык не знает приглушения *б*, откуда можно было бы заключить, что в эпоху приглушения *б* якутский язык находился в изоляции от восточно-сибирских языков и диалектов.

М. Ряснен⁵, сравнивая звуковые различия между тюркскими и другими группами алтайских языков в свете теории Г. И. Рамstedта, приходит к утверждению, что при наличии в пратюркском языке начальных *т* и *к* (к) губной смывный *п* отсутствует, заменяясь звонким *б*. Утрату начального *б* в чувашском языке он предполагает как явление относительно позднее.

В современных тюркских языках и диалектах преобладание звонкого *б* в анлауте — факт самоочевидный. В этом отношении весьма характерно указание В. А. Богородицкого на географию

¹ Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности... С. 65—66.

² СИГТЯ. С. 171.

³ Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные *t, d, б* // ВЯ. 1963. № 6. С. 43.

⁴ Богородицкий В. А. Введение в тюркское языкознание. Казань, 1953. С. 111.

⁵ Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 24, 46.

распространения *п*. В частности он говорил, что область приглушения *б* (т. е. употребление *п* вм. *б*) охватывает сибирские диалекты, на востоке в нее входит якутский язык, а на западе она заканчивается барабинским, дальнейшие же западно-сибирские диалекты сохраняют *б*, как и остальной тюркский языковой мир¹.

Теперь несколько слов о состоянии функционирования начальных парных *п-б* в древних письменных памятниках. Если обратить внимание на текст орхоно-енисейских надписей, то оказывается, что в самых древнейших из них нет собственно тюркских слов, начинающихся с *п*. В противоположность этому слова с начальным *б* там встречаются сплошь и рядом². В начальной позиции *п* появляется в памятниках последующих эпох, особенно в арабописьменных, и то очень редко в составе исконных слов. Однако при этом необходимо иметь в виду, что арабский алфавит, на котором представлены многочисленные средневековые тюркоязычные памятники, не различал этих согласных, обозначив их одним и тем же знаком پ . Правда, в некоторых из памятников можно встретить *п*, снабженный дополнительным диакритическим знаком, соблюдение которого в текстах не всегда строго последовательно, что создает неблагоприятную почву для правильного чтения. В этой связи весьма показательны разночтения исследователями начальных پ , پ в текстах словаря М. Кашгарского. Так, Т. А. Боровкова губные согласные پ , پ во всех случаях, когда те встречаются в анлауте, рекомендует читать только в качестве звонкого *б*³, вопреки чтению К. Брокельмана, воспроизводившего эти начальные в составе четырех слов в виде глухого *п*. Попеременное обозначение в тексте «Тюрко-арабского словаря» XIII в. *п* знаками پ , پ отмечено также исследователем кыпчакских памятников А. Курышжановым⁴. Немало примеров противоречивого чтения рассматриваемых согласных в средневековых текстах. Словом, точное воспроизведение начальных *п, б* в подобных текстах зачастую сопряжено с большой трудностью. Анлаут слова в арабо-письменных памятниках, не различающих парных *п-б*, исследователями восстанавливается главным образом на основании сходства с данными современных языков.

¹ Богородицкий В. А. Указ. соч. С. 111.

² Айдаров Ф., Курышжанов Д., Томанов М. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. Алматы, 1971. С. 85, 87.

³ Боровкова Т. А. О губных согласных в «Дивану луғатит турк Махмуда Кашғарий // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 25.

⁴ Курышжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского памятника XIII в. «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата. 1970. С. 46.

В. В. Радлов согласно своей концепции, заключающейся в признании звонких согласных восточных тюркских языков лишь вариантами глухих, при чтении древнеуйгурских текстов начальные губные парные транскрибировал в виде глухого *п*. Такому подходу возражали многие ученые (В. Томсен, С. Е. Малов, М. Рясänen¹, Н. К. Дмитриев). Вот что писал по этому поводу Н. К. Дмитриев: «Ввиду того, что уйгурский алфавит и основанный на его базе дореволюционный монгольский не различают глухих и звонких согласных, обозначая их одним знаком, что, между прочим, вошло в практику ранних тюркско-мусульманских рукописей, не различавших арабских *ب* (б) и *پ* (п),

ع (ж) и *ع* (ч), В. В. Радлов допустил неправильную транскрипцию при издании известного классического уйгурского памятника Кутадгу билиг. Исходя из предположения, что язык этого стихотворного памятника XI в. должен быть близок, по типу начальных согласных, тюркским языкам Центральной Сибири (шорский, хакасский, тувинский и более мелкие), В. В. Радлов, давая транскрипцию текста, поставил всюду начальные глухие *п* и *т*. Однако, как доказал несколько позднее В. Томсен на основании рифм самого же текста, закономерности начальных согласных в языке Кутадгу билиг совершенно другие и, в частности, допускают звонкое *б*. Хотя сам В. В. Радлов и согласился с этой точкой зрения, однако не мог изменить транскрипции Кутадгу билиг, так как его трехтомный печатный труд (текст памятника, транскрипция и перевод) остался неперепечатанным»² при его жизни.

В тексте отрывков из «Кутадгу билиг», включенных С. Е. Маловым³ в его книгу «Памятники древнетюркской письменности», и нового полного издания памятника (транскрипция и перевод), осуществленного К. Каримовым, транскрипция интересующих нас начальных губных дана с учетом всех тех замечаний, которые были высказаны учеными.

Письменные источники дают огромный материал для воссоздания истории языка в целом, языковых явлений в особенности. Однако при этом мы не должны забывать и о том, что письменность рождается на определенном этапе культурного развития народа. И следовательно, самый древнейший из известных тюркских памятников даже при всем разнообразии и при всей полноте охваченных в нем лингвистических фактов не может служить мериллом или же установкой для определения языковых черт отдаленных эпох пратюркского состояния. Поэтому приведенные здесь сведения о положении анлаута слов в текстах отдельных памятников прошлого не ставят целью доказать, который из глу-

¹ Рясänen М. Указ. соч. С. 146.

² Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности... С. 271.

³ Малов С. Е. Памятники... С. 299.

хого и звонкого компонентов этих парных в начальной позиции является первичным. Но громадное значение данных памятников для преследования истории развития звуковых явлений в тюркских языках и диалектах неоспоримо.

б) Начальные гуттуральные парные

О свойственности тюркским языкам и диалектам как глухого, так и звонкого начала слова нами уже было сказано в предыдущем разделе в связи с соответствием анлаутных губных. Тюркские языки применительно к функционированию глухих и звонких парных в начальной позиции проявляют совершенно пеструю картину. Нам хорошо известно, что в настоящее время нет языка тюркской семьи, у которого начало слова характеризовалось бы употреблением одних лишь звонких согласных. А что касается тех современных тюркских языков, в фонетической системе которых звонкие в анлауте вообще отсутствуют, то следует сказать, что таких языков и диалектов совсем мало. Кроме чувашского и хакасского языков мы не можем назвать какой-либо язык или диалект, где анлаут принципиально отрицал бы употребление звонких. Основная масса современных тюркских языков характеризуется относительно свободным типом начальных согласных. Но тем не менее среди тюркских языков можно выделить языки с более или менее типичным употреблением той или иной категории парных согласных в абсолютном начале слова, различающихся по глухости и звонкости, что довольно отчетливо прослеживается на примере распределения анлаутных гуттуральных парных *к/г* и *к/г* в звуковой системе современных языков. Эти начальные гуттуральные неоднократно служили предметом, обращавшим на себя внимание тюркологов в качестве характерных классификационных признаков тюркских языков.

В зависимости от того, какая из звонких и глухих пар *г-ф* и *к-қ* является свойственной анлауту слова, в фонетическом строе тюркских языков различаются две большие группы: 1) группа языков с преимущественным употреблением звонкой пары и 2) группа языков с преимущественным употреблением глухой пары из этих согласных. Исключение из этого членения, разумеется, составляют те языки, в которых вовсе нет слов со звонким началом, т. е. упомянутые выше чувашский и хакасский языки.

Первая группа включает ограниченное число языков и диалектов, которые исчисляются языками только огузской ветви и отдельными диалектами других тюркских языков, некоторые диалекты кумыкского¹, южный диалект каракалпакского, отдельные южные говоры киргизского² и южнохорезмский говор.

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940. С. 37.

² Бакинова Г., Кондучалова С., Садыков С. Кыргыз тилинин Жалалабад областынын говорулару. Фрунзе, 1958. С. 45—46.

узбекского¹ языков. Доминирующее большинство тюркских языков охватывает вторая группа, к которой наряду с другими тюркскими языками относятся и языки кыпчакской ветви, в том числе казахский.

Из самого принципа расчленения вытекает, что ни один из языков и диалектов, входящих в любую из указанных групп, не проявляет строгой последовательности в употреблении звонких или глухих компонентов рассматриваемых начальных парных. Поэтому здесь речь может идти только о том, какой из звонких и глухих компонентов этих начальных употребляется в конкретном языке или диалекте, охватывая большее число языковых фактов. Иными словами, характерность языкам звонкого и глухого анлаута, связанного с функционированием этих согласных, определяется количественным соотношением фактов. Так, в туркменском языке больше слов с начальным **г, ғ**, хотя в нем нередко допускается отклонение от этого общего правила: вместо литературного *гөзе* «шнуровать» в отдельных говорах употребляется *көзе*, и наоборот, наряду с литературными *кырк* «сорок», *кыын* «трудный» имеются и диалектные *гырк*, *гыын*². Такое же положение можно наблюдать и в других огузских языках. Языкам, относящимся к кыпчакской группе, тоже не чуждо употребление начальных звонких **г, ғ**. Литературные татарские *көнбагыш* «подсолнух», *көпшә* «трубка» в говорах татар южного Урала и Зауралья звучат в вариантах *гөмбахты*, *гөпшә*³.

Казахский язык, как его литературная форма, так и все его говоры «материкового» типа, относится к той группе тюркских языков, где употребление звонких **г, ғ** в абсолютном начале собственно тюркских слов исключено. Но несмотря на эту общую закономерность, типичную фонетическому строю казахского языка, в отдельных локализованных казахских говорах пограничных зон с каракалпаками, туркменами и отчасти хорезмскими узбеками мы обнаруживаем более или менее частое употребление **г, ғ** в анлауте.

География этого звукового явления, главным образом, отмечается казахскими говорами южной и юго-западной Каракалпакии и казахскими говорами, расположенными на территории некоторых районов Узбекистана (см. кар. 7—10). Данная территория хотя не велика, но является сосредоточением ряда разного рода тюркоязычного населения. Здесь в соседстве с казахами проживают узбеки, каракалпаки и туркмены. То, что в регионе туркменский язык отличается от других ему родственных язы-

¹ Щербак А. М. Основные особенности южнохорезмского говора в сравнительном освещении // МУД. 1961. Т. 2. С. 82; Ишаев А. Мангит шевазининг баъзи бир фонетик хусусиятлари // Там же. С. 110.

² Байрамдурдыев А. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965. С. 10.

³ Юсупов Ф. Ю. Көньяк Урал һәм Урал арты сөйләшләр. // Чиләбе һәм Курган өлкәләрендә татар сөйләшләренең фонетик һәм грамматик үзенчәлекләре. Казан, 1979. С. 80.

ков, диалектов более системным употреблением начальных звонких *г, ғ* общеизвестно. По установившемуся мнению в тюркологии для языков кыпчакской группы употребление начальных звонких является признаком менее характерным. Исключение составляет лишь вышерассмотренный согласный *б*, который своим частым употреблением в абсолютном начале слова во многом определяет отличительную особенность кыпчакских языков от языков иных родственных групп. В этом плане, как нами уже отмечено выше, особое место занимает башкирский язык, где собственно тюркские слова вообще исключают употребление в своем начале глухого варианта парных *б-п*, а казахский и киргизский языки, где анлаутный *п*, за исключением редких случаев не встречается в словах тюркского корня.

Что непосредственно касается начальных парных *к-г* и *қ-ғ*, то о свойственности их глухих вариантов входящему также в кыпчакскую группу каракалпакскому языку следует говорить с некоторой оговоркой. Н. А. Баскаков в числе наиболее характерных черт, которыми отличается северо-восточный диалект каракалпакского языка от его юго-западного диалекта, отмечает употребление в начале слова глухих *к, қ*¹. И в словаре, составленном им на основе диалектологических записей, наряду со словами, имеющими в своем начале *к, қ*, помещает значительное количество слов, начинающихся *г, ғ*. Притом многие слова, которые включают эти буквы словаря, повторяются в буквах словаря *к, қ* в их глухом варианте, например, *гет-кет* «уходить», *гөр-көр* «видеть», *ғыс-қыс* «давить, сжимать», *ғапы-қапы* «дверь», *кез-гез* «гулять» и т. д.² Точно такую же картину наблюдаем также в Каракалпакско-русском словаре (1958): *гөр-көр* «слепой», *гудик-күдик* «сомнение», *ғаға-қарға* «ворона» и т. д. А ведь такие словари считаются нормативного типа. И подобные параллели приводятся также С. Е. Маловым в его «Заметках»³ о каракалпакском языке. Словом, мы хотим сказать, что начальные *г, ғ* в названном лингвистическом регионе имеют довольно широкое распространение не только в туркменском, но и в каракалпакском языке. Н. А. Баскаков такой фонетический признак в каракалпакском языке называет огузским элементом⁴. То же самое можно говорить и применительно к наличию данной фонетической черты в казахских говорах юга Каракалпаккии и прилегающих к этой территории районов Узбекистана и отчасти Туркмении. В отличие от проникновения рассматриваемого огузского элемента в говоры каракалпаков, в проникновении его в казахские говоры региона немаловажную роль играл сам каракалпакский язык в качестве промежуточного звена, способст-

¹ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1951. Материалы по диалектологии: Тексты и словарь. С. 4.

² Там же. С. 331, 352.

³ Малов С. Е. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1963. С. 26.

⁴ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1952, Т. II. Фонетика и морфология. Часть первая. С. 95.

вовавшего интенсификации процесса заимствования. Говоря иными словами, каракалпакские говоры, вобравшие в себя этот огузский элемент, впоследствии сами стали объективно воздействовать на факторы его вторжения в пределы говоров других родственных языков. Одним из таких и оказался говор казахов региона. Ниже сравниваем слова с данным фонетическим признаком, зафиксированные из уст казахского населения юга Каракалпакии с огузским материалом, а конкретно с материалом одного из языков коренного населения региона туркменского и одновременно с данными местного диалекта каракалпаков и узбеков, в основном хорезмских (см. табл.).

Для таблицы мы выбрали только те слова, которые являются общими для лексики сравниваемых языков и диалектов. Если материал казахских говоров южной Каракалпакии и прилегающих к ней других районов республик Средней Азии сравнивать с каждым из включенных в таблицу языков и диалектов в отдельности, то мы получим довольно длинный список слов с совпадением начальных **з, г**. При этом особенно большой список можно получить, сравнивая данные говоров с фактами каракалпакского языка, что объясняется общностью и исключительной близостью основного лексического фонда этих родственных языков. Из наиболее часто встречающихся слов с совпадением **з, г** в анлауте с каракалпакским языком отметим здесь следующие (см. табл.).

В каз. говорах юга Каракалпакии	В южном диал. ккалп. языка	В каз. говорах «материкового» типа	В каз. лит. языке	Значение
1	2	3	4	5
гезбе гежир гүдөр гине геууш гелдек	гезбе кежир гүдер гине геуиш геллек	кезбе кесир күдөр кинә кебіс келтек	кезбе кесір күдер кинә кебіс келтек// масақ	странник капризный надежда вина кожаные галоши колос
гей-гейде гүрре генже гүй гүләбі гүлдүреууш гүде//гүдү гедергі гернай гүдүк гүдөрү гүп гүрө геуде гөже гүбү	гей-гейде гүрре генже гүй гүләбы гүлдүреуиш гүде гедерги гернай гүдик гүдары гүп гүре геуде гөже гүбн	кей-гейде күрө//кодүк кенже күй күләбі күлдүреууш күде кедергі керней күдүк күдөрү күн күрө кеуде көже күбү	кей-кейде (кодык) кенже күй күләбі күлдүреуш кедергі керней күдік күдері күн күре кеуде көже күбі	иногда осленок самый младший состояние вид дыни деталь юрты петля препятствие труба сомнение замша день сгребать туловище суп кадушка

1	2	3	4	5
гүмүс гүнгүрт гүпшөк	гүмис гүнгирт гүпшек	күмүс күнгүрт күпшөк	күмис күнгірт күпшек	серебро тускый ступица (на колесе)
гүзет гезек гил гүуәлік гездес гүмүлжү гүллү ғарры ғажырлы геуле	гүзет тезек гил гүуалық гездес гүмилжи гүлли ғарры ғажырлы геуле	күзәт кезек кіл күуәлік кездес күмүлжү күллү кәрі қажырлы кеулә	күзет кезек кілен куәлік кездес күмилжі күлли кәрі қажырлы кеуле	охрана черед сплошь свидетельство встретиться мямлить все старый энергичный выколуывать

В первой таблице в ряде узбекских слов анлаут против данных других сравниваемых языков представлен глухим **к**: *куз* «осень», *кураш* «борьба», *куз* «глаз» и т. д., хотя в иных примерах совпадение звонкого анлаута может охватить гораздо больший круг узбекской лексики, если, конечно, мы раздвинем территорию распространения этого фонетического явления еще шире, ибо соответствие рассматриваемых начальных гуттуральных, как это уже мы знаем, не является постоянным лишь казахских говоров юга Каракалпакии: оно зафиксировано также в отдельных островных казахских говорах на территории Узбекистана, хотя там значительно меньше случаев соответствия этих согласных, чем в сопоставленных говорах. Но тем не менее эти данные тоже заслуживают внимания.

Нетрудно заметить, что вышеприведенными сравнительными таблицами главным образом была охвачена та категория местных слов, которая имеет свои соответствующие фонетические эквиваленты как в казахских народных говорах материкового типа, так и в литературном языке. Однако, если обратим внимание на иную группу местной лексики (анлауту входящих в ее состав слов тоже свойственны звонкие **з**, **р**), то обнаружим, что у многих подобных лексических элементов нет соответствующих фонетических вариантов в основной массе казахских говоров, а в литературном языке тем более. Причина этого кроется в иноязычном истоке происхождения самих лексических элементов: почти все они представляют собой региональные заимствования из сравниваемых родственных языков. Словом, весьма ощутима роль лексических заимствований в проникновении начальных звонких **з**, **р** в основные говоры казахов среднеазиатских республик.

Преобладающая часть слов, входящих в состав лексико-фонетических заимствований, относится к стилистически нейтральному пласту лексики типа: *гешір* «морковь» (лит. *sėbis*); *гүржү* «петля для накидных мешков»; *гүр* «кристалл льда»; *гүжүм* «ка-

В каз. говорах юга Қаракалпакии	Туркм.
гедей	гедай
гүмбөз	гүммез
гүуә	гүве
гөр	гөр
гүнө	гүнә
гүнәкәр	гүнәкәр
гүз	гүйз
гүрес	гөреш
гілем	—
гөз	гөз
ғайрат	гайрат
ғам [жеме]	гам
ғаз	газ
ғашыр	гатыр
ғарбыз	гарпыз
ғарғыс	гаргыш

В южном диал. ккалл. языка	Узб.	В каз. говорах «материкового» типа	Значение
гедей гүмбез гууа гөр гүна гүнакар гүз гүрес гилем гөз ғайрат ғам ғаз ғашыр ғарбыз ғарғыс	гадой гүмбаз гувох гур гүнох гүнәһәр куз кураш гилам куз ғайрат ғам ғоз хачир тарвуз қарғаш	кедей күмбөз кууә көр күнә күнәкәр күз күрөс кілем көз қайрат қам қаз қашыр қарбыз// дарбыз қарғыс	бедный купол свидетель могила грех грешник осень борьба ковер глаз мощь забота гусь мул арбуз проклятие

рагач»; *гезік* «грипп» (лит. *тумау*) и т. д., которым в каракалпакском языке соответствуют их фонетические параллели: *гешир*, *гуржу*, *гур*, *гүжим*, *гезик*. В их ряду также много слов, совпадающих с данными узбекского языка: *гөш* «мясо» (узб. *гушит*); *гөрыстан* «кладбище» (узб. *гуристон*); *гәдә-гәдә* «изредка» (узб. *гохида-гохида*).

В каз. говорах внутри район Узбекистана	Узб.	В каз. говорах «материкового» типа	В каз. лит. языке	Значение
гөзө	гүзө	көзө	көзе	кувшин
гәуүрт	гугурт	күкүрт	күкірт	спички, сера
гүмән	гумон	күмән	күман	сомнение
гөрүм	горьм	көрүм	көрим	невзрачный
гежим	гажим	кежим	жабу	попона с бахромой
гез	гез	кез	кез	время, момент
гөбөлөк	гүбәләк// гәвәләк *	көбөлөк	көбелек	бабочка
геугүм	гәвгүм	кеуүм	кеуім	сумерки
гуруш	гуруч	күруш	күріш	рис
гаурен	гаврон	кеурен	кеурен	вид растения
гөң	гунг	көң	көң	навоз
гурөң	гурен	күрөң	күрен	темнорыжая масть
ғыжым	ғижим	қыжым	қыжым	плюш

Наряду со стилистически нейтральными словами в составе этой группы лексики имеется также значительное число профессионализмов. К ним относятся такие как *гүнжара* «жмых»; *гурбук* «сорт дыни»; *гөрөк* «коробочка хлопчатника»; *ғозапая* «стебель хлопчатника»; *гиләс* «черешня», которые в одинаковой степени употребляются как в казахских говорах указанных территорий, так и в каракалпакском и узбекском языках. И только то, что все перечисленные слова связаны с отражениями реалий, присущих быту и форме ведения хозяйства коренных жителей края каракалпак и узбеков, не дает усомниться в иноязычности их происхождения. В этом отношении весьма показательное употребление бытового строительного термина *гүүәләк* (узб. *гүвәләк*), который в речи казахов некоторых районов Узбекистана означает «катыш» (комоч) круглой или овальной формы, изготовляемый из глины и употребляемый в качестве кирпича для заполнения пустоты между деревянными полочками (шынаш), служащими арматурой стен. Закладка стен и дувалов подобным способом свойственна узбекскому быту. Местные казахи это слово заимствовали из узбекского языка, освоив его в том фонетическом облике, каком он звучит в нем. Не только названные, но и многие другие бытовые профессиональные термины, связанные, например, с возделыванием различных технических, бахчевых культур в казахских народных говорах заимствованы у

* Примеры, почерпнутые из диалектологических исследований, даются согласно принятой системе транскрипции в них.

соседних народов, обитающих, главным образом, на более южных географических широтах.

Рассматривание нами анлаутных *г, ғ* в качестве иноязычных фонетических элементов в основном характеризуется следующими обстоятельствами. Первое из некоторых сводится к локализации этого явления районами непосредственного соприкосновения местного казахского населения с туркменами, каракалпаками и носителями некоторых узбекских говоров, где звонкие *г, ғ* обнаруживают более или менее частое употребление в начальной позиции; а второе к тому, что в подавляющем большинстве лексических параллелей сопоставляемых языков и диалектов эти гуттуральные, выступая в одних и тех же вариантах, т. е. в звонких, между собой совпадают. Однако при всем этом трудно установить удельный вес каждого из конкретных языков, повлиявших на говоры казахов, в озвончении начала известной группы слов. Бесспорно то, что туркменский язык в данном лингвистическом регионе отличается от других родственных языков довольно системным употреблением рассматриваемых звонких в анлауте. Но, тем не менее, здесь нельзя судить о преобладающей степени влияния туркменского языка, ссылаясь только на большую свойственность его фонетике этого явления, чем другим языкам региона, ибо в рассматриваемых казахских говорах не так уж мало слов с начальным *г, ғ*, не имеющих соответствующих фонетических параллелей в нем. Такие слова, как *гурӯш* «рис», *гоҥ* «навоз», *гилем* «ковер», *гуман* «сомнение», являющиеся общими как для языка казахов Каракалпакии, так и Узбекистана, в туркменском языке, по крайней мере в составе его литературной лексики, отсутствуют. Лексические значения, которые передают эти слова в известных нам словарях туркменского языка, представлены словами совершенно другого корня. Вместо *гурӯш* мы там встречаем *бүрүнч*, *гоҥ-дерс*, *гилем-халы* (каз. *кәлі кілем//қалы кілем* «вид ковра»), *гуман-шубхе* (каз. *шүбә* «сомнение»). Зато в противовес этому созвучный вариант за вариантом доминирующей части слов с анлаутным *г, ғ* мы исчерпываем в каракалпакском языке, а так же узбекском, о чем мы уже осведомлены по приведенным выше сопоставительным таблицам. Поэтому, ссылаясь лишь на то, что начальные *г, ғ* являются характерной чертой именно туркменского языка, мы не можем утверждать, что в образовании звонкого начала у перечисленных диалектных элементов решающую роль играл этот язык, а не каракалпакский и не узбекский. Подобное утверждение было бы неправомерно и не отражало действительное положение дел. Ибо в туркменском отсутствие тождественных основ со сравниваемыми словами налицо. Но это вовсе не означает отрицание роли туркменского языка в изменении начала слов с гуттуральными в речи казахских жителей края. Туркменский язык был и есть одним из тех же языков в регионе, заметно повлиявших на звуковую систему как казахских, так и каракалпакских говоров юга автономной республики.

Слова в речи казахов указанных территорий типа: *герең* «глухой», *гөбөлөк* «бабочка», *гүзө//гөзө* «кувшин», *гөнө* «древний, ветхий», *гүррө* «осленок», *гүдө* «петля переметных сум» (каз. лит. күде «петля, которую надевают на заднюю ногу поровистой кобылы») относятся к той категории лексики, анлаут которой тоже не согласуется с данными туркменского языка. Начало этих слов в туркменском литературном языке представлено глухим *к* вместо ожидаемого звонкого *г*. Так, в туркменском литературном языке вышеназванным словам соответствуют: *кер*, *көбелек*, *күйзе*, *көне*, *күрре*, *күде*. Если исток звонкого произношения рассматриваемого согласного в составе перечисленных слов лежит непосредственно в туркменском, то мы наверняка нашли бы там в тождественных основах однотипный вариант этого гуттурального. Но, однако, как это видно из примеров, мы в туркменском языке сталкиваемся с фактами обратного порядка. Опять-таки в становлении звонкого начала последней группы слов решающим было влияние на казахские говоры не туркменского языка, а каракалпакского и узбекского. Именно в последних все эти слова начинаются со звонкого *г*.

Исходя из состава просмотренных выше пластов лексики с данным фонетическим признаком можно установить, что там нет ни одной лексической группы, которая включала бы в себя одни лишь слова тюркского корня. Скорее всего состав их представляет собой довольно разнородную смесь слов различного происхождения, особенно слов, общих с иранскими языками. Социально-экономическая, культурная и этнолингвистическая связь между иранскими и тюркскими народами имеет свою давнюю историю. Лишь только сосуществование испокон веков ираноязычных и тюркоязычных народов в соседстве на одном и том же географическом пространстве говорит о многом. Это обстоятельство имеет прямое отношение к носителям казахских переходных говоров на территории внутренних районов Средней Азии, живших в течение ряда веков в непосредственном соприкосновении с таджиками и их близкими соседями узбеками и туркменами и т. д. Наряду с тюркскими племенами и народами на территории Средней Азии с древнейших времен жили и живут представители ираноязычных народов и этнических групп.

Не только среднеазиатские тюркские языки и диалекты, но и весь южный и западный тюркский мир в древности испытывал существенное влияние иранской культуры, в том числе языка. Персидские элементы в словарном составе казахского языка относятся к одному из древних слоев лексики. Внутреннее содержание и внешний облик у таких заимствований в казахской народной речи претерпели сильные изменения. В силу этого без достаточной аргументации порою даже бывает трудно установить иранское происхождение отдельных лингвистических явлений. Но тем не менее многие из заимствований в нашем языке еще не совсем утратили свой первоначальный внешний вид. Так, особых усилий не требует установление иранского происхожде-

ния таких слов, как *гүруш* «рис» گېرۈش , *геуум* «предрассветная пора» (тадж. гавгум), *гөр* «могила» گور , *гөрыстан* «кладбище» گورستان , *гоза* «пустая коробочка хлопчатника», گوكورد *гәуурт* «спичка», عرامة *гәрәмат* «чудесный», كلابي *гүләбі*

«вид осенней дыни» и др. Последнее слово берет свое начало от названия местности Куляб, находящейся на территории Таджикистана. А *гүләбі* — один из компонентов словосочетания *гүләбі қауун* «гулябская дыня», подвергшийся субстантивации и вследствие чего употребляющийся ныне как самостоятельное слово, где — *i* в ауслaute является отголоском персидского аффикса *-и*. Само таджико-персидское слово *голаб* состоит из частей: *гол* «роза, цветок» + *аб* «вода», т. е. розовая вода, извлекаемая из лепестков розы. Форма *голаби* в языке-источнике означает не дыню, а грушу. В казахском языке немало аналогичных слов, образованных от различных основ при помощи данного персидского аффикса: *арабы* «арабский»; *арабы кілем* «арабский ковер»; *былғары//бұлғары* «выделанная кожа» <*былғар* + *ы* «булгарский, т. е. кожа, выделанная в древнем Булгарском государстве»; *қазақы* «казахский», *қалмақы* «калмыцкий» и т. д.

Во вторжении подавляющего большинства иранских заимствований в пределы казахских говоров переходных диалектных зон посредническая роль принадлежит узбекскому языку и в известной степени туркменскому и каракалпакскому, в то же время нельзя отрицать возможность проникновения ряда заимствований в говоры непосредственно из уст представителей ираноязычных народов Средней Азии.

Отклонением из общего правила, исключающего употребление звонких гуттуральных в абсолютном начале казахских слов могут составлять звукоподражательные слова, которые как результат подражания звучаниям в природе могут допускать в своем составе присутствие непривычных для речи звуков, воспринимаемых носителями языка на слух. Поэтому в анлауте отдельных слов этой группы лексики мы нередко слышим наряду с другими звуками факультативно употребляющийся со своим глухим компонентом звонкий *г*, что хорошо видно из повторов: *гүу-гүу//күу-күу* (подражание гудению ветра, гомону людей), *гүр-гүр//күр-күр* (подражание гулу), *гүрс-гүрс//күрс-күрс* (подражание резкому звуку), *гүмп-гүмп//күмп-күмп* (подражание бултыханию, шлепанию), *гүмбүр-гүмбүр//күмбүр-күмбүр* (подражание звону струнных музыкальных инструментов), *гүж-гүж//күж-күж* (подражание раскатистому звуку) и т. д.

Звонкий *ғ* иногда может оказаться в анлауте подражательных слов образа действия: *ғүж-ғүж//қүж-қүж*; *ғүж-ғүж қайна* «кишмя кишеть».

Частая смена парных *г/к* между собой, которая имеет место в анлауте перечисленных выше звукоподражаний, наблюдается и в составе производных основ, образованных от них. Казахская народно-разговорная речь, например, допускает параллельное употребление таких фонетических вариантов производных слов, образованных от основ звукоподражания как: *гүуұл / күууұл* «гудение»: *гүульде//күульде* «гудеть», *гүруұл//күрууұл* «гул»: *гүруульде//күруульде* «издавать гул», *гүрсүл//күрсүл* «грохотание»: *гүрс ет//күрс ет* «грохотать», *гүмбүр-күмбүр*: *гүмбүрле//күмбүрле* «издавать звук, похожий звону домбры» и т. п. Такую неустойчивость *г* в составе слов указанного разряда можно объяснить только несвойственностью этого звонкого началу казахского слова.

Звукоподражательные слова, будучи результатом слуховых впечатлений человека, могут включать в свой состав элемент, имитирующий разного рода звуковые явления, существующие в окружающем нас объективном мире, но, разумеется, только в пределах артикуляционных возможностей человеческой речи. В силу этого некоторые звуки в составе подражательных слов могут оказаться в необычных для них позициях, в том числе рассматриваемые здесь гуттуральные звонкие. Поэтому факты подобного характера, не могут ни в коей мере свидетельствовать о типичности этих звонких анлауту казахского слова.

Колебание при произношении начальных гуттуральных то в сторону *г, ғ*, то в сторону *к, қ*, помимо состава подражательных слов, в казахской народно-разговорной речи наблюдается и в анлауте некоторых имен, в основном заимствованных: *гүл//күл*

«цветок» *گل* , *гәп//кәп, кеп* *كَب* «слово, разговор», *гәу-сар//кеусер* *كاسر* «целебная вода», *гәуһар//ғәуһар//кәукәр//қауқар* *كوهر* «бриллиант», *гүжбан//күжбан* «толстый, крупный». Наиболее яркой характеристикой двоякого произношения начальных *г, к* может служить употребление персидского заимствования *гүл* «цветок» в составе широко распространенных казахских женских имен: *Гүлсайран-Күлсайран, Гүлшарбан-Күлшарбан, Гүлзада-Күлзада, Гүлпан-Күлпан, Гүлпаш-Күлпаш, Гүлжамал-Күлжамал* и др.

В словарях казахского литературного языка в реестре в качестве самостоятельных словарных статей обычно дается ряд служебных слов, начинающихся со звонких гуттуральных *г, ғ*, а в частности: *ғана* частица со значением ограничения, *ғой* частица со значением подтверждения, *ғөр* частица со значением просьбы и негодования, удивления, *ғәрі* частица со значением сопоставления. Помещение указанных частиц в словарях с начальными *г, ғ* в виде заглавных слов и в самом деле создает некоторую видимость, подтверждающую как бы исконность этих согласных для данной позиции казахского слова. Однако специа-

листу хорошо известно, что звонкие гуттуральные в анлауте названной группы частиц есть продукт комбинаторного изменения звуков, происходящего на стыке двух слов. Ибо частицы как слова, лишённые всякой лексической самостоятельности, употребляются только вслед за тем словом, от которого они зависят. Как правило, у перечисленных частиц характер начальных гуттуральных находится в полной зависимости от характера конечного звука предшествующего им слова: *келе ғой* «иди-ка, походи-ка», *дос қой* «ведь, друг же», *сен ғана* «только ты», *көрін қана кел* «сходи-ка лишь посмотреть». Частица *гөрі*, обладающая значением сопоставления и сравнения, употребляется только со словами в исходном падеже, поэтому она постоянно начинается со звонкого гуттурального, форма исходного же падежа оканчивается на сонорный согласный. А частица *гөр* обычно примыкает к деепричастной форме на *-а, -е, -й*, поэтому она тоже не может иметь глухой анлаут: *бара гөр* «сходи-ка, пожалуйста», *қарай гөр* «ишь ты». И даже бывает так, что односложные типы этих частиц *ғой, гөр*, сливаясь в речи с предшествующим элементом, часто превращаются в энклизу.

Факт озвончения начальных *к, қ* в казахском языке наблюдается не только в составе частиц, но и любой группы слов, когда эти гуттуральные следуют после гласных сонорных и звонких согласных предшествующего слова. Так, известны случаи озвончения начальных гуттуральных в составе парных слов типа *келін-гепшік* «невестка, молодуха», *көз-ғарақты* «сведущий, опытный», *қатын-ғалаш* «женщины, бабье», *қыз-ғырқын* «девушки», где звонкое произношение начального согласного второго компонента соответствует орфоэпической норме литературного языка, хотя в орфографии этих компонентов все-таки установилось глухое начало. Это, наверно, потому, что вторые компоненты указанных парных слов в своем анлауте изначально имели глухие *к, қ*, о чем можно судить хотя бы по компонентам, функционирующим в других тюркских языках в качестве самостоятельного слова. Ср. ног. *кепиш* «невестка»; каз. *келін-гепшік*; тув., ж. уйг., хак. *харах, қарақ* «глаз, зрачок, главная орбита», каз. *көз-ғарақты*; баш. и в некоторых татарских диалектах *кәләш* «невестка, замужняя женщина», каз. *қатын-ғалаш*; чув. *хер* «девушка», в древнетюркском *қырқын* «невольница, служанка», в казахском фольклоре *қар* «старая вредная баба».

В аналитических конструкциях наподобие *әрмен ғарай* «подалее», *көрө гелді* «пришел посмотреть», *үйқұсу ғашты* «страдает бессонницей» и т. д. начальные согласные вспомогательных слов имеют тоже звонкое произношение, но однако нам хорошо известно, что допускать такое произношение при употреблении каждого из компонентов в отдельности глубоко противоречило бы орфоэпической норме литературной речи. И много примеров озвончения гуттуральных, возникшего тоже вследствие комбинаторного изменения последних, в составе сложных собственных имен: Ботагөз, Аягөз, Амангелді, Жангелді и др., в написании

начального согласного вторых компонентов в *көз* «глаз», *кел* «прийти», которых в казахской орфографии до недавнего времени строго придерживались морфологического принципа.

Здесь нами были разобраны типичные случаи озвончения анлаутных гуттуральных, подвергнутых действию фонетического закона прогрессивной ассимиляции. Из разобранных случаев видно, что между этим явлением и явлением употребления звонких гуттуральных в абсолютном начале слова нет ничего общего.

Когда мы утверждаем несвойственность звонких *з*, *р* началу казахского слова, всегда имеем в виду тот пласт лексики, который относится к так называемому собственно тюркскому. А что касается заимствований, то надо сказать, что употребление начальных *з*, *р* в составе этой категории лексики, по понятной причине, не может свидетельствовать о характерности этого признака звуковому строю казахского языка.

По существу, причастность твердого варианта из звонких пар к анлаутной позиции слова в казахской речи обусловлена функционированием арабских заимствований, начинающихся в языке-источнике со звонкого гортанного согласного *р*. Это в равной степени относится и к казахскому литературному языку, и основной массе народных говоров.

Вторжение арабских лексических элементов в пределы тюркских языков Средней Азии и юга современного Казахстана начинается с эпох арабского завоевания. История арабских заимствований в нашем языке тесно связана с распространением ислама и мусульманского просвещения в степи. Процесс исламизации Казахстана затянулся надолго, причем в северных районах он распространялся гораздо медленнее, чем в южных¹. В связи с этим казахские народные говоры и литературный язык меньше несут на себе следы арабского влияния, чем тюркские языки и диалекты Средней Азии.

Гораздо легче распознать арабские элементы, имеющиеся в составе казахской лексики, чем, скажем, иранизмы, история проникновения которых в наш язык своими корнями уходит в глубокую древность. Многие слова арабского происхождения, в том числе и заимствования с начальным *айн*, более или менее прозрачно сохранили свои первоначальные внешние приметы, к последним и относится звонкий *р*, присущий анлауту ряда арабских заимствований и являющийся отражением указанного арабского гортанного согласного. Звук *р*, который имеется в составе заимствований, функционирующих в литературном языке, типа *ғасыр* «век», *ғалым* «ученый», *ғажап* «чудо, чудесный» есть адаптированный к казахской артикуляции вариант арабского *айн*. В результате адаптации он в составе этих заимствований совпал с казахским заднеязычным звонким *р*. Однако в составе не всех заимствований этот арабский гортанный перешел в *р*: в отдельных арабизмах он заменялся глухим компонентом указанного гут-

¹ История Казахской ССР: В 5-и т. Алма-Ата, 1979. С. 109.

турального *қ*: *қапыл* **ماقل** «неожиданный, досадный», а в ряде других совсем выпал: *әділ* **عادل** «справедливый», *ақыл* **عقل** «разум». И, пожалуй, последняя разновидность более

свойственна народной речи, чем предыдущие. Словом, анлаут данного типа арабских заимствований в казахской народной лексике претерпел глубокое изменение, с чем и связан фонетический разнотип, наблюдаемый в употреблении некоторых видов слов этой группы: *әлем*//*ғалам* «вселенная, мир», *әділет*//*ғаділет* «справедливость», *өмір*//*ғұмұр*//*құмұр* «жизнь» и др.

Обращение к текстам литературных произведений, а также других стилистических жанров письменной речи XIX и начала XX вв. показывает, что среди мусульмански образованных лиц имело место стремление к соблюдению начального *ғ* в составе арабских лексических заимствований¹. Особенно к соблюдению начального *ғ* ревностно относились проповедники религии, муллы и ходжи, и мусульманской письменности. Подобная так называемая книжная традиция оставила определенный отпечаток и в творчестве Абая и многих других представителей письменной литературы. Лексика современного казахского литературного языка тоже не совсем свободна от этой давно установившейся в письменном языке традиции.

Фонетическая закономерность звонкости и глухости начала тюркского слова связана с употреблением одного из компонентов парных согласных, а главным образом рассматриваемых здесь нами *б/п*, *г/к*, *ғ/қ*, *д/т*. Кроме них в тюркских языках и диалектах есть и другие парные согласные, тоже компоненты которых различают по признаку звонкости и глухости, к ним относятся *з/с*, *ж/ш*, *дж/ч*. Однако возможность соответствия последних в анлауте весьма ограничена. В казахских говорах в данной позиции слова известны лишь единичные случаи соответствия *з/с* (сыргана-зыргана «скользит» собык-зобық «початок»), а соответствие *ж/ш*, *дж/ч* пока не зафиксировано.

В отношении употребления того или иного компонента указанных звуковых пар в начале слова тюркские языки выявляют собой довольно разнообразную картину. Если по признаку преимущественного употребления звонкого варианта звуковых пар *г/к*, *ғ/қ*, *д/т* можно противопоставить языки огузской ветви (турецкий, туркменский, азербайджанский, гагаузский) остальному тюркскому миру, то применительно к парным *б/п* допустить этого нельзя. Огузские языки несмотря на преобладание в них начального *б* над *п* не могут составлять по отношению к данному признаку оппозицию против других родственных языков, кроме некоторых из них, куда относятся отдельные языки северо-восточной группы и чувашский, о чем более подробно сказано в предыдущем разделе в связи с соответствием начальных *б—п*.

¹ Әбілқасымов Б. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Алматы, 1971. С. 53.

Поэтому распределение звонких и глухих компонентов последних парных согласных в анлауте для определения закономерностей начала слова того или иного тюркского языка не может иметь одинаковый смысл. Если определение закономерностей анлаута языков огузской ветви, с одной стороны, и остальных тюркских языков, с другой, базируется на соответствии *г/к, ғ/қ, д/т*, то некоторых языков северо-восточной группы (хакасский, шорский, алтайский, язык желтых уйгуров и чувашский), с одной стороны, и остальных тюркских языков, с другой, базируется на соответствии *б/п*.

Ареалы подавляющего большинства слов со звуковым соответствием *г/к, ғ/қ* крайне локальны. По существу многие из них ограничиваются территориями распространения указанных периферийных говоров. Такими, например, являются ареалы *гуз* «осень», *гурөс* «борьба», *гөз* «глаз» и т. д. Однако узколокальность ареалов названных слов вовсе не означает полное отсутствие слов с начальными звонкими *г, ғ*, обладающих более или менее обширными ареалами. Так, понятие узколокальности ареалов не может быть применено к словам *ғаз* «гусь», *гілем* «ковер», *гүмбөз* «купол» и т. д., которые, помимо названного диалектного региона, имеют распространение в некоторых районах Чимкентской и Кызыл-Ординской областей Казахстана. Но тем не менее вряд ли встречаются слова с данным фонетическим признаком за пределами этих районов, что лишний раз подтверждает контактную мотивировку появления этого звукового явления в казахских говорах. Из изложенных выше фактов ясно, что за исключением звукоподражательных слов ни в одном из казахских говоров, кроме говоров описываемой диалектной зоны, согласные *г, ғ* в абсолютном начале исконно казахских слов не употребляются.

в) Начальные смычные дентальные парные

Под названием «смычные дентальные» здесь имеются в виду парные согласные *д/т*. Оба фонетических варианта этих парных не чужды началу казахского слова. Однако частота функционирования каждого из компонентов в данной позиции далеко неодинакова. Анлаут казахского слова характеризуется более частым употреблением *т*, чем его звонким вариантом *д*. Простой подсчет слов по словарям казахского литературного языка, а конкретно по двухтомному¹ и десяти томному² толковым словарям, показывает, что слова с начальным *т* количественно больше чем в два раза превосходят слова с начальным *д*. Такое же соотношение слов с данным звуковым признаком дает и диалектологический словарь казахского языка³. Несмотря на трудность определения точной статистики фонетических явлений на

¹ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі: 2 томдық. Алматы, I т., 1959; II т., 1961.

² Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі: 10 томдық. Алматы, 3 т., 1978; 8 т., 1985; 10 т., 1986.

³ Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі. Алматы. 1969.

основе данных, почерпнутых из словарей, сведения, подобно указанным, дают возможность получить хотя бы в общих чертах представление о свойственности началу казахского слова того или иного варианта рассматриваемых парных.

Удельный вес каждого из компонентов начальных парных **д-т** в казахских народных говорах тоже неодинаков. Часто случается так, что слова, начинающиеся с глухого **т** в одних говорах, могут иметь вместо него звонкий **д** в других. Бывает и наоборот, т. е. в противовес данным основных говоров и литературного языка начальный звонкий **д** в речи местного населения отдельных районов может быть заменен глухим **т**. В этом легко можно убедиться, обратившись к материалам переходных говоров казахского языка, расположенных во внутренних районах республик Средней Азии. Здесь **д**, хотя не повсеместно, но довольно часто заменяет начальный **т**, особенно в говоре казахов юга Каракалпакии и прилегающих к ней районов Ташаузской области Туркменистана, Хорезмской и Бухарской областей Узбекистана.

Казахское население этого диалектного массива в силу своего географического положения живет в близком языковом сношении с каракалпаками, туркменами и узбеками. Свойственность начального **д** туркменскому языку — факт самоочевидный. А что касается каракалпакского и узбекского языков, то нам хорошо известно, что они относятся к тому разряду тюркских языков, где более характерным для анлаута является не звонкий, а глухой вариант рассматриваемых парных согласных. По крайней мере таково положение начальных **д-т** в каракалпакском и узбекском литературном языке. Но тем не менее при сравнительном подходе к диалектным явлениям по понятной уже причине (о чем более подробно сказано в связи с соответствием губных), мы не можем довольствоваться лишь данными, почерпнутыми из литературных форм этих языков, с носителями которых представители казахских переходных говоров названной территории находятся в тесном языковом контакте.

Южный диалект каракалпакского языка по сравнению с говорами других родственных языков в регионе больше подвергнут влиянию туркменского языка. Это особенно выпукло представлено явлением озвончения ряда согласных в начальной позиции, к числу которых и относится замена **т** звонким **д**. Применительно к этому звуковому признаку в каракалпакском языке Н. А. Баскаков пишет: «В словах с начальным **д-т** в огузских языках характерен звонкий **д**, в кыпчакских же и других языках — глухой **т**. Каракалпакский язык, и особенно его юго-западный диалект, занимает в этом отношении среднее положение, что объясняется, с одной стороны, наличием в языке огузских элементов, а с другой, — большей степенью дифференциации этих фонем в связи со значительным количеством заимствования»¹. Вот почему слова с начальным **д**, зафиксированные в ка-

¹ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1952. Т. 2. Фонетика и морфология. С. 94.

захских переходных говорах региона, чаще всего совпадают не с литературным каракалпакским языком, а с его названным диалектом. Поэтому здесь есть смысл сравнить материалы рассматриваемых говоров не только с данными туркменского языка, но и южного диалекта каракалпакского языка.

В каз. говорах юга Каракалпакии	Туркм.	В южном диал. ккалп. языка	В каз. гов. «материкового» типа	Значение
душ	дүш	дүш	түс	падай
дөшө	дүше	дүшә	төсө	стели
дөшөк	дүшек	дүшек	төсөк	постель
дым	дым	дым	тым	очень
дүман	думан	думан	түман	туман
дур	дур//тур	дур	түр	встать
дүурұ	догры// дуры	доғру//дуры	түура// түурұ	прямо
деніз	деннз	тениз	теңіз	море
дүрлү	дүрли	түрли	түрлү	разный
дөрт	дөрт	төрт	төрт	четыре
дүйө	дүе	дүйе	түйө	верблюд
дүс	душ	тус	түс	сторона
дилмәш	дилмач	дилмаш	тілмаш	переводчик

Выше к сравнению привлечены только те слова в говорах, которые являются общими одновременно и для туркменского, и для каракалпакского языков. В самом деле слов с начальным *д* в рассматриваемых переходных говорах гораздо больше, чем включает в себя данный сравнительный список. Но многие из них как слова иного корня не всегда совпадают с лексическим материалом туркменского языка. Но мы нередко находим в каракалпакском языке их соответствующие параллели, что, в свою очередь, свидетельствует о посреднической роли, которую сыграл южный диалект каракалпакского языка в проникновении этого огузского элемента в местные говоры казахов края. Из числа слов, общих с южным каракалпакским диалектом, но не всегда совпадающих с фактами туркменского языка, укажем следующие:

В каз. говорах юга Каракалпакии	В южном диал. ккалп. языка	В каз. гов. «материкового» типа	Значение
домпұлда	домпылда	томпұлда	топать ногами
дүйүстүр	дүгүстир	түйүстүр	стыковать
дүшшү	душшы	түшшү	пресный
дөгеришк	дөгеришк	тегершик	колесо
дөңөрөк	дөгерек	төңүрөк	окрестность
дөмпеште	дүмбишле	төмпөште	колотить
дерезе	дәразе	терезе	окно
дарбый	даобый	тарбый	растопыриться
дәлкек	дәлкек	талкек	насмешка
даркылда	даркылла	таркылда	хототать
дилмәр	дилуар	тілмәр	красноречивый

Не всегда представляется возможным сплошное сравнение слов с тем или иным звуковым признаком, так как с фактами других родственных языков не все из подобных слов могут оказаться словами общего корня для сравниваемых языков. Поэтому естественно, что приведенные выше нами таблицы не могут охватить все слова с соответствием *д/т*, реально бытующие в речи носителей казахских говоров региона. В числе этой группы лексики особенно мало однокорневых слов, совпадающих с материалом туркменского языка, хотя этого нельзя сказать применительно к каракалпакскому языку. Так, словари туркменского литературного языка казахским диалектным *даулік* «сутки», *дерезе* «окно» дают соответствие *гиге-гундиз*, *пенжире*, этимологически восходящие к разным корням. Но, разумеется, несовпадение лексических элементов подобного рода не может служить препятствием рассмотрению озвончения начального *т* в говорах в качестве туркменского влияния. Фактором, способствующим заметному увеличению количества слов с начальным *д* не только в составе лексики данных казахских говоров, но и южного диалекта каракалпакского языка, безусловно, оказался туркменский язык, как язык, являющийся более типичным носителем данной фонетической черты в регионе. В каракалпакских говорах севера автономной республики, находящихся на порядочном расстоянии от туркменов, положение этих дентальных в анлауте выглядит несколько иначе. Здесь по сравнению с югом глухой *т* в начальной позиции заметно устойчив. Колебание между *д-т*, что мы нередко наблюдаем в южнокаракалпакском диалекте в составе некоторых слов наподобие *түйө//дүйө* «верблюд», *төсөк//дөсөк* «постель», северный диалект допускает лишь в исключительных случаях. Поэтому Н. А. Баскаков по отношению к данному фонетическому явлению южный диалект каракалпакского языка выделяет как диалект, занимающий промежуточное положение между кыпчакскими и огузскими языками¹. Подобное утверждение вполне приемлемо для характеристики не только этого диалекта каракалпакского языка, но и говоров казахского населения Амударьинского, Берунийского, Турткульского районов и смежной с ними туркменской территории Ташауза. Ибо казахские говоры региона тоже не проявляют особую устойчивость этих парных согласных в анлауте, что может быть продемонстрировано наличием таких фонетических параллелей, как *домпақ//томпақ* «выпуклый», *даулік//тәулік* «сутки», *дүрбат//түрбат* «вид, облик», *дыйанақ//тыйанақ* «постоянство, упор», которые были зафиксированы Б. Бекетовым из уст казахских жителей южных районов Каракалпакии. И в самом деле в системе казахских говоров, распространенных во внутренних районах республик Средней Азии, местом наиболее интенсивного функционирования *д* является именно этот край (см. кар. 12).

Примечательно то, что в речи казахов собственно туркмен-

¹ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1952, т. 2. Фонетика и морфология. С. 94.

ской территории данное явление представлено наименьшим числом примеров¹. Это обстоятельство, по-видимому, связано с тем, что адайцы и табынцы, составляющие основную массу казахских поселенцев туркменской земли, обосновались в более поздние времена, в основном во второй половине прошлого и в 20—30-х годах нашего столетия. Следовательно, тесный и довольно последовательный языковой контакт между ними и туркменами установился гораздо позже, чем у казахов юга хорезмского оазиса. Известно, что начало обоснования повсеместно распространенных здесь казахских родов алим, шомен, шомекей, карасакал, бозгыл, тама, керейт, алтын, жаппас, серкеш и другие на современной территории Хорезмской и Бухарской областей Узбекистана и юге Каракалпакии относится к первой четверти XVIII в., ко времени джунгарского нашествия². А отдельная часть казахских родов перешла в хорезмский оазис вместе с каракалпаками, до этого обитавшими на территории нынешней Кызыл-Ординской области по нижнему течению реки Сырдарья и у ее притоков Жанадарья и Куандарья, в 40-х годах XVIII в. во время правления хана Младшего жуза Абулхайра³.

В силу своего географического положения казахи рассматриваемой диалектной зоны и поныне находятся в состоянии непосредственного языкового общения с туркменами, узбеками и каракалпаками, в чем и заключается причина преобладания в их речи элементов, свойственных языкам этих же народов.

Отдельные слова в казахских говорах края с данным фонетическим признаком могут перекликаться не только с фактами сравниваемых языков, но и с фактами местного диалекта узбеков. Например, варианты слов наподобие *дур* «встать», *дөрт* «четыре», *діл* «язык», *ділмаш* «толмач», *дерезе* «окно», помимо туркменского и каракалпакского языков, можно найти и в речи узбеков Хорезма. «Эта особенность, — как отмечает А. М. Щербак, — играет наиболее значительную роль в том, что придает южнохорезмскому говору огузский облик»⁴. У глагола *домбақта* «окучить», зафиксированного нами в Кармакчинском районе Кызыл-Ординской области, начальный *д* совпадает с узбекским литературным *думбоқ* «выпуклый».

Основная масса слов с начальным *д* в казахской лексике, обладая широким масштабом своего распространения в народной речи, давно стала достоянием и литературного языка, и анлаут этой группы слов в последнем сейчас твердо установился в звонкой форме. К подобным относятся такие многочисленные слова,

¹ Нурмағамбетов Д. Туркменстандағы қазақтардың тілі. Алматы, 1974. С. 53.

² История Узбекской ССР: С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974. С. 136.

³ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 415; 1963. Т. 2. С. 331.

⁴ Щербак А. М. Основные особенности южнохорезмского говора в сравнительном освещении // МУД. 1961. Т. 2. С. 82.

как *дара* «единичный», *дым* «сырость», *дерек* «сведение», *долы* «вспыльчивый», *дал* «точный» и т. д.

Даже у некоторых, относящихся к этому разряду слов, типа: *дан* «зерно», *дақ* «пятно», *дабыл* «слух, молва», *дау* «раздор, спор» в казахском языке нет фонетических соответствий с глухим *т*. Этому, наверное, в известной мере способствовала фонетическая значимость компонентов парных дентальных *т-д*, которую они могли бы приобрести в случае их оглушения в данной позиции (ср.: *тән* «тело», *тақ* «трон», *табыл* «обнаружиться», *тау* «гора»), хотя не всегда можно найти противопоставляемые фонетические варианты, которые носили бы хоть какие-либо фонологические нагрузки, для всех случаев слов с начальным звонким *д*. Едва ли найдутся, например, в народной речи соответствующие варианты с глухим *т* к словам *домбыра* «национальный музыкальный инструмент», *деңгей* «уровень», *дені* «большинство», *дөнен* «конь-трехлетка» и т. д.

До сих пор мы обращали внимание лишь на ту категорию лексических элементов с соответствием *т-д*, которая характеризуется узкой локализацией слов, входящих в ее состав. Но, тем не менее, надо сказать, что соответствие это не ограничивается кругом слов указанной категории, оно может охватить и другую группу лексики, обладающую более или менее обширным ареалом распространения. Так, фонетические варианты слов наподобие *дiз* «нанизать», *дүз* «поле», *дiзе* «колено» и т. д., закрепивших за собой в литературном языке орфографию с глухим началом, можно встретить не только в пределах казахских говоров республик Средней Азии, но и в говорах северо-центральной полосы Казахстана. Несмотря на то, что трудно судить о появлении здесь *д* под влиянием привлекаемых к сравнению языков, анлаут этих слов может совпадать с фактами как огузских, так и каракалпакского языков, что можно проследить по примерам в таблице.

В говорах северо-центральной полосы Казахстана	Туркм.	Тур.	Қкалп.	В каз. лит. языке	Значение
дiзiм	—	дiзiлме	дизим	тiзiм	список
дiзбек	—	дiзме	дизбек	тiзбек	нанизанное
дүз	дуз	туз	дуз	түз	соль
дүздүк	дуздук	тузлу	дузлық	түздық	рассол
дүз	дуз	—	дүз	түз	поле
дүзүу	дузүв	дүз	дүзүу	түзүв	прямой
дүз	дүз	дүз	дүз	—	составь
дiзе	дыз	дiз	дизе	тiзе	колено
дiзгiн	—	дiзгiн	дизгин	тiзгiн	повод
дүзак	дузак	—	дузак	түзак	сенок, петля
дiйiрмен	дегирмен	дiгiрмен	дигирмен	дiрмен	мельница

Широкий охват казахских говоров, изоглосс, слов типа *дүз* «соль», *дiзе* «колено», *дiзгiн* «повод» Ж. Доскараев связывал с огузским влиянием, имевшим место в более раннюю пору, когда

огузы обитали в непосредственной близости к казахской территории¹. Из истории известно, что в IX—XI вв. огузские племена, обосновавшие государство с центром в низовьях Сырдарьи, свое владычество распространяли на севере, в центральной части Казахстана, вплоть до бассейнов рек Сарысу, Тургай и Ирғиз. К огузскому владению на западе примыкали степи у побережий Аральского и Каспийского морей от Устюрта между реками Яика и Эмбы, а на юге границы доходили до предгорьев Каратау и бассейнов рек Талас, Чу, Чирчик и среднего течения Сырдарьи².

В середине XI в. огузы были сметены волной кочевых племен кыпчаков. Значительная часть огузов под предводительством султанов из рода сельджуков продвинулась в Малую Азию и восточную Европу. Оставшаяся часть огузов под давлением кыпчаков перешла на запад за Амударью, на нынешнюю территорию Туркмении³.

В объединение огузов входили тюркоязычные племена кочевников и земледельцев, оставивших значительные следы не только в языке, но и в истории казахского народа. Имена многочисленных огузских племен и родов ныне мы застаем на территории Казахстана, служившей в те времена обиталищем для средневековых огузов, в качестве топонимических названий типа Шәуүлдүр, Байындыр, Шәудүр, Егдір, Бозашы, Бұрұнжық, Теке, Текенің діні и т. д. Народная память сохранила также огузскую форму произношения слов *деңіз* «море», *дййрмен* «мельница» в составе топонимов *деңіз*; что на территории Боровского района Кустанайской области (название небольшого озера), Кара Дермен, Сар Дермен, что на полуострове Мангистау (названия отрогов горы Каратау).

Начальный *д*, наблюдаемый в составе слов типа перечисленных в последней таблице, как мы видим, не закрепился в казахском литературном языке. Они и есть следствие языкового контакта между огузскими и казахскими племенами, имевшего место в двух конкретных исторических эпохах, первая из которых охватывает период с IX по XI вв., а вторая — последующий. Слова с начальным *д* первого периода обладают обширным географическим ареалом, хотя *д* в составе этих слов в говорах собственной территории Казахстана менее устойчив, чем в говорах переходной зоны. К ним можно отнести слова типа *дiз* «нанизать», *дiзе* «колена», *дұз* «соль», *дуз* «поле», которые встречаются в северо-центральных и юго-западных районах и на востоке Ка-

¹ Досқараев Ж. Байғанин ауданында тұратын қазақтардың тіліндегі фонетикалық ерекшеліктер // ҚТДМ. 1960. 2-шығ. С. 11.

² Бартольд В. В. Сочинения: В 9-и т. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 559—583; Толстов С. П. Города гузов // Советская этнография. 1947. № 3. С. 56.

³ Жирмунский В. М. Огузский исторический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. М.; Л., 1962. С. 135—136. *Его же*. Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 31.

захстана¹ почти повсеместно. Поэтому соответствие *д/т* в составе этих слов скорее походит на явление общеупотребительное, чем диалектное. Аналаутный *д*, который установился в составе известной группы слов в более поздний период, отличается узкой локализацией изоглосс, т. е. распространением лишь в говорах переходных зон. Можно допустить предположение, что часть огузских племен после распада огузского объединения на территории Казахстана вошла в состав казахов, на что намекает наличие некоторых огузских родоплеменных названий в составе казахских этнонимов. У мангышлакских казахов, близких соседей туркмен, имеется род туркпен адай, у казахов Старшего жуза — род теке и т. д.

Дифференциация начальных смычных *т-д* по глухости и звонкости отмечена еще Махмудом Кашгарским². В частности он говорил, что «огузы в отличие от турков *т* превращают в *д*... *тава* «верблюды» огузы называют *дава*, *тақы* «еще, еще раз» они произносят как *дақы*.

Свойственность началу огузского слова звонкого *д* вовсе не означает отсутствие аналаутного *т* в языках этой группы. В них немало также слов с начальным *т*. М. Ряснен говорил об имеющейся путанице в юго-западных тюркских языках по поводу применения *д*, *т* в начальной позиции³, что тоже отражает небольшие сравнительные данные, приведенные нами до этого (см. предыдущую таблицу).

Применительно к употреблению этих парных в аналауте разница между языками огузской и кыпчакской ветвями в основном сводится к тому, что начальный *т* в составе однотипных тюркских лексических элементов в огузских языках намного уступает кыпчакскому *т*, часто заменяясь при этом звонким *д*. А в кыпчакских, наоборот, при наличии начального *д* слова с аналаутным *т* преобладают (см. кар. 11, 13).

Кроме языков огузской группы звонкий *д* наделен также нередким употреблением в начальной позиции слова в тувинском и тофаларском языках. В тофаларском согласные разделяются на сильные и слабые. Звонкость и глухость зависят от того, к какой конкретной категории относится данный согласный. Сильные согласные всегда глухие, а слабые могут быть и глухими, и звонкими, и даже полуглухими и полувзвонкими⁴. По мнению А. М. Щербака процесс ослабления аналаутного *т* привел к его озвончению. Он по этому поводу пишет: «И в тувинском языке, и в языках огузской группы происходило ослабление аналаутного *т*. Слабый (звонкий) дентальный был конечным результатом указанного процесса, тогда как соответствующий сильный (глухой)

¹ Болатов Ж. Кошағаш қазақтарының тіліндегі жергілікті ерекшеліктер // ҚТДМ. 1962. 4-шығ. С. 72.

² Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк. Тошкент, 1961. Т. 2. С. 227.

³ Ряснен М. Указ. соч. С. 133.

⁴ Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. С. 40, 59.

представлял исходную ступень»¹. Далее он говорит: «Несколько иначе обстоит дело с начальным губным смычным. В отличие от *т*, *п* подвергается ослаблению и более или менее значительно озвончению почти в общетюркском масштабе»².

В говорах южной полосы республики, особенно в речи казахов, находящихся в непосредственном соприкосновении с киргизами, узбеками, каракалпаками, наблюдается также соответствие *д/т* обратного типа. Точнее, там незначительная часть лексики в своем анлауте может иметь глухой *т* в противовес фактам основной массы казахских говоров и литературного языка³. Данные казахских говоров на этот счет из родственных языков Средней Азии большее сходство находят в киргизском. Но тем не менее среди этой группы лексики есть такие слова, анлаут которых наряду с киргизским согласуется с данными других языков региона, а конкретно узбекского и каракалпакского, что наглядно отражено в таблице.

В каз. переходных говорах юга	Кир.	Ккалп.	Узб.	В основной массе каз. говоров	Значение
тайар	—	тайар	тайёр	дайар	готовый
тайарла	—	тайарла	тайёрла	дайарла	готовь
тилле	дилде	тилла	тилла	дилдэ	золотая монета
тоға	тогоо	тоға	дуга	доға	дуга
тәріпте	—	—	тагрифло	дәріпте	превозносить
тарбыз	тарбыз	ғарбыз	тарвуз	қарбыз	арбуз
тушпан	тушман	душпан	душман	дұшпан	неприятель
тене	тене	дене	—	дене	тело
торба	торбо	—	—	дорба	мешочек
тууар	тогор	тууар	—	доғар	распрягать
топ	топ	топ	туп	доп	мяч
төңгөлөк	төңгөлөк	дөңгелек	—	дөңгелек	колесо
төңгөлө	төңгөлө	дөңгеле	—	дөңгөлө	катись
түрүс	турус	дурьс	дурст	дүрүс	правильно
туушар	тушоор	дуушар	—	дүушар	встретиться
түкөн	түкөн	түкән	дукан	дүкөн	лавка
тайын	тайын	тайын	тайын	дайын	готовый
тайында	тайында	тайынла	тайынла	дайында	приготовь
тала	талаа	дала	тала	дала	поле
тууалақ	тоодок	тууалақ	—	дүуалақ	дрофа
томала	томоло	жумала	юмала	домала	катись

Слова в таблице с аналогичным анлаутом в узбекском и каракалпакском языках представляют собой, в основном, арабыранские заимствования. Так, *тайын* تعمین «готовый», *тәріп*

¹ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 90.

² Там же. С. 93.

³ Аралбаев Ж. Об одном звуковом переходе в казахском языке // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тезисы докладов Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1976. С. 298.

تعريف «превозношение» являются словами арабского происхождения, а тұрұс درست «правильный», тастұрқан دستارخان «скатерть», түшпан دشمن «неприятель», тайар تيار «готовый», тұушар دوشار «встретиться», тәна تہ «тело», торба توربا «мешочек», тарбыз توروز «арбуз», тілле//тілде طلا «золото, золотая монета» — персидского происхождения.

Нетрудно заметить невозможность устано. ь какую-либо единую систему в освоении указанными тюркскими языками арabo-иранских начальных согласных в составе перечисленных заимствований.

Устная форма литературной речи тоже не совсем свободна от двоякого произношения начального дентального в некоторых арabo-иранских заимствованиях, где, например, наряду с тажал

دجال (а.) «свирипый», тағдыр تقدیر (а.) «судьба», тозақ توزجی (п.) «ад», тана//таба تابه (п.) «сковорода» возможно

и произношение дажал, дағдыр, дозақ, даба. В установлении орфоэпии и орфографии анлаута подобных заимствований в практике литературного языка предпочтение дается глухому варианту этих согласных. Несмотря на большую свойственность началу казахского слова **т**, чем его звонкий компонент, слова с анлаутным **т**, включенные в таблицу, нами были рассмотрены в качестве их диалектных вариантов, что объясняется строгой территориальной мотивированностью последних. Однако орфография у всех тех заимствований, которые содержит таблица, в литературном языке бесспорна и давно установилась с начальным **д**. В подобной практике играют роль не только звуковые закономерности языка, но и прочно укоренившаяся письменная традиция. И тем более для анлаута казахского слова **д** не такой уж непривычный звук.

Надо сказать, что соответствие начальных парных **д/т** не является уделом только говоров переходных зон юга, оно встречается в ряде других говоров казахского языка. Общеупотребительному **д** в словах доғар «распрягать» в языке казахов Агадырского района Джезказганской области соответствует его фонетический вариант тоғар, а на западе Казахстана тұуар (кар. 13). Последний можно проиллюстрировать примерами, почерпнутыми из художественных произведений, авторы которых являются выходцами из того же края: Жегіп келген атын тұуарып жіберіп ер салды (Х. Есенжанов «Ақжайық», 78) «Распрягав коня в упряжке, вскинул на него седло». Ал, жігіттер, аттарыңды дереу тұуарыңдар (А. Сарсенбаев «Толқын. туғандар», 37) «Ну, джигиты, быстрее распрягайте своих коней».

Частое колебание подобно тому, которое имеется в наших диалектах в употреблении начальных дентальных, отмечено также внутри ряда родственных языков. У башкирского диалектолога Н. Х. Максютовой встречаем такие удивительно совпадающие с казахским языком варианты слов, как *тийрмен//дийрмен* «мельница», *түз//дүз* «соль», *тізе//дізе* «колени» и т. д., что свойственно восточному диалекту башкирского языка¹. Из джизакского говора узбекского языка Х. Гуламов приводит параллели типа *товуш//дәвуш* «звук», *тузоқ//дәзақ* «силос», «петля»². В некоторых татарских говорах обнаружены фонетические параллели: *дунгәк//түмгәк* «кочка», *дары//тары* «просо», *деганәк//тиганәк* «репейник» (каз. тікенек)³. Таких примеров немало и в диалектах других тюркских языков. Но очень примечательно, что слова с данным звуковым соответствием, варьирующие в диалектах родственных языков, в своей подавляющей части между собой совпадают. Ср. тат. *дугар//тугар*, каз. *доғар//тоғар//тууар* «распрягать», баш. *түрт//дүрт*, каз. *төрт//дөрт* «четыре» и т. д.

В сохранении анлаутного *т* на юге, особенно в чуйском говоре в составе узколокальных фонетических вариантов наподобие *тала* «степь, поле», *тұуалақ* «дрофа», *төңгөлөк* «колесо, круг» и т. д. значительную роль играл, по-видимому, киргизский язык, как язык более или менее устойчиво носящий на себе этот древний фонетический отпечаток, чем другие тюркские языки и диалекты региона. Это распространяется не на все пласты лексики с этой приметой, которые своим ареалом порою покрывают не только территорию распространения собственно казахских говоров, но и других тюркских языков и диалектов. Для этого достаточно сослаться на примеры типа приведенного выше кир. *тыбыш*, узб. *товуш//дәвуш* «звук», кир. *тоғор*, ккалп. *тууар*, тат. *тугар* «распрягать».

г) Конечные парные сибиллянты

В познании звуковой структуры тюркского слова важную роль призваны сыграть фонетические закономерности, связанные с явлением глухости и звонкости конца слова. Данная звуковая черта обусловлена употреблением одного из компонентов парных согласных (*з/с, ғ/қ, ғ/к, б/п, д/т, ж/ш, дж/ч*), различающихся по признаку глухости и звонкости, в качестве конечного звука основы и некоторых аффиксов. Даже самое беглое ознакомление с фактами как казахского, так и других родственных языков нас убеждает в том, что ни один из компонентов указанных звуковых пар небезразличен к употреблению его в роли конечного согласного слова. Фонетической структуре тюркского слова больше характерен глухой конец, чем звонкий. Из перечисленных пар в конце слова способны употребляться только глухие, а звон-

¹ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976. С. 223.

² Гуламов Х. Узбек тилининг Жиззак шеvasи // МУД. 1957. Т. 1. С. 72.

³ Хайрутдинова Т. Х. Говор златоустовских татар. Казань, 1985. С. 36.

кие, кроме единственного **з**, в основной массе тюркских языков в составе исконной лексики в абсолютном конце слова встречаются весьма редко¹. Исключение из этого общего правила составляют языки огузской группы, особенно азербайджанский язык, где возможно употребление не только **з**, но и других звонких в данной позиции. Однако и конечный **з** нельзя считать последовательной звуковой приметой всех тюркских языков, помимо огузских. В чувашском, хакасском, алтайском, шорском, якутском и тувинском языках, где конец исконно тюркских слов представлен только глухими согласными, разумеется, **з** в этой позиции выступать не может. Функционирование же конечного **з** во внеогузском тюркоязычном мире также ограничено определенным кругом аффиксов и исконных слов, больше того употребление **з** в ауслате нередко сопровождается заменой глухого **с**. Такова общая закономерность, свойственная звуковой системе тюркских языков.

Казахский язык относится к той группе тюркской семьи, у которой конец слова представлен в большей степени глухим **с**, а в меньшей — звонким **з**. В конце собственно казахских слов другие звонкие не встречаются. Существуют определенные группы аффиксов и слов, конец которых в доминирующей части казахских говоров и литературном языке характеризуется употреблением звонкого **з**. Из аффиксов этим фонетическим качеством наделены **-мыз, -сыз, -ңыз** (каждый из них с соответствующими вариантами), образующие формы первого и второго лиц категории сказуемости и принадлежности (*барамыз* «пойдем», *барасыз* «пойдете», *ауылымыз* «наш аул», *ауылыңыз* «ваш аул»); **-сыз, -ңыз** (тоже с вариантами), образующие глаголы типа *тамыз* «капать», *айтқыз* «заставь говорить» и **-сыз**, образующие прилагательные со значением отсутствия признака (*сусыз* «бездонный», *елсіз* «безлюдный»).

Кроме указанных случаев, в казахской лексике звонкий **з** встречается в ряде именных и глагольных основ с различной структурной характеристикой как в звуковом, так и морфологическом отношении типа двубуквенно-односложных: *оз* «перегнать», *өз* «сам», *аз* «мало», *аз* «худеть», *ез* «раздавить», *із* «след», *үз* «прервать»; трехбуквенно-односложных: *кез* «момент», *кез* «странствовать», *жаз* «лето», *жаз* «развернуть», *без* «железа», *без* «отречься», *тез* «станок для сгибания и выпрямления дерева при его обработке», *тез* «быстро», *төз* «терпеть», *тіз* «нанизать», *саз* «глина», *қаз* «гусь», *қаз* «копать», *сөз* «слово», *көз* «глаз», *күз* «осень», *қыз* «девушка», *боз* «белый (о масти)», *біз* «мы», *біз* «шило» и др.; двусложных: *ауыз* «рот», *киіз* «кошма», *жалғыз* «единственный», *күндіз* «днем», *қоңыз* «жук», *жұлдыз* «звезда», *егіз* «двойня», *тоғыз* «девять», *отыз* «тридцать» и др.

¹ Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова // ИСГТЯ. М., 1955. Ч. 1. Фонетика. С. 272.

В составе хотя и не всех, но многих вышеприведенных примеров резко выделяется та функция *з*, которую она носит в данной позиции, дифференцируя слово в плане семантическом. В составе подобных примеров *з* не подвергается закону звукового соответствия. В противном случае подмена *з* глухим *с* привела бы к изменению семантики, что, конечно, требует объяснения несколько иного порядка, чем закономерности фонетического соответствия. Например, *з, с* в конце слов *із* «след» — *іс* — «дело», *төз* «терпеть» — *төс* «грудь» никак нельзя рассматривать как звуковое соответствие. Однако такая функция конечных *з—с* характерна звуковому строю не всех тюркских языков. Есть языки, где парные *з—с* не только в конце, но и в других позициях слова фонологической значимостью не обладают. Так, в хакасском языке их звонкий компонент *з*, реализующийся лишь в положении между гласными и после сонантов (*ізік* «дверь»), в собственных хакасских словах как самостоятельная фонема не противопоставляется глухому *с*¹. А в абсолютном начале и исходе хакасского слова *з* не может выступать, потому что в хакасском языке известны только глухое начало и глухой конец слова, кроме слов, которые были заимствованы из арсенала интернациональной и русской лексики.

Несмотря на описанную выше общую закономерность казахской фонетики *з* в конечной позиции в упомянутых формах сказуемости и принадлежности подвергается замене глухим *с* в речи казахов Каракалпакии, особенно ее северо-восточной части и некоторых районов Кызыл-Ординской и Актюбинской областей. Отчасти формы на *-мыс*, — *-сыс* зафиксированы в отдельных районах с казахским населением Оренбургской области России и Бухарской области Узбекистана (кар. 14, 15).

Регион наибольшего сосредоточения изоглосс диалектного варианта указанных грамматических форм расположен в близком соприкосновении с северным диалектом каракалпакского языка, куда своей южной границей по существу примыкает территория Казалинского и Аральского районов Кызыл-Ординской области. Между тем известно, формы на *-мыс*, *-сыс* относятся к тем фонетическим чертам, которыми отличается северный диалект каракалпакского языка от южного. Поэтому сопоставление данных, касающихся этого явления, с фактами северного каракалпакского диалекта с лингвогеографической точки зрения может иметь в значительной мере интерес (см. табл.).

Конечный *с* в составе указанных видов словоизменяющих аффиксов достаточно устойчив, что может быть продемонстрировано примерами: *баріміске* (*барімізге*) «всем нам», *аулумыста* (*аулымызда*) «в нашем ауле», *әкемістің* (*әкеміздің*) «у нашего отца», *көреміс қой* (*көреміз ғой*) «посмотрим», *аламыс та* (*аламызда*) «наверное, получим», где *с* как конечный звук слова по отношению к начальным согласным аффиксов и служебных слов,

¹ Грамматика хакасского языка. М., 1975. С. 33.

Грамматическая форма	Грамматическое лицо	В речи казахов северной Каракалпакии	В северном диалекте каракалпакского языка	В большинстве каз. говоров и лит. языке	Значение
1	2	3	4	5	6
Форма сказуемости	1 лицо	аламыс береміс қараймыс істейміс барармыс көрөрміс жатырмыс жүрмүс айтпаймыс келмейміс	аламыс береміс қараймыс ислейміс барармыс көрөрміс жатырмыс жүрміс айтпаймыс келмейміс	аламыз береміз қараймыз істейміз барармыз көрерміз жатырмыз жүрміз айтпаймыз келмейміз	возьмем дадим тлядим сделаем наверное, пойдем посмотрим лежим ходим не скажем не придем
	2 лицо	аласыс бересіс қарайсыс істейсіс барасыс көрерсіс жатырсыс жүрсүс айтпайсыс келмейсіс	аласыс бересіс қарайсыс ислейсіс барасыс көрерсіс жатырсыс жүрсіс айтпайсыс келмейсіс	аласыз бересіз қарайсыз істейсіз барасыз көрерсіз жатырсыз жүреіз айтпайсыз келмейсіз	возьмете дадите посмотрите сделаете пойдете посмотрите лежите ходите не скажете не придете
Форма принадлежности	1 лицо	баламыс жеріміс	баламыс жериміс	баламыз жеріміз	наш ребенок наша земля
	2 лицо	балаңыс жеріңіс	балаңыс жеріңіс	балаңыз жеріңіз	ваш ребенок ваша земля

следующих за ним, занимает ведущее положение, позиционно уподобляя их себе, что, между прочим, тоже характерно каракалпакским народным говорам: *үйлериміске қиятырмыс* «идем по домам», *йаш күнлеримісте* «в нашей молодости» и т. д.

Соответствие конечных *з/с*, кроме описанных здесь случаев, в казахских говорах изредка встречается в конце некоторых односложных слов. Территория распространения лексических элементов с данной приметой в достаточной мере еще не определена. На этот счет пока известно лишь несколько слов вроде *біс* «мы», *сөс* «слово», которые были отмечены Н. Джунусовым в речи казахов Каракалпакии¹, а другими диалектологами в гово-

¹ Жүнісов Н. Халық тілінің жергілікті ерекшеліктері. Алматы, 1981. С. 32.

рах низовьев Сырдарьи и северо-восточного Приаралья¹. Как признак, характерный северным тюркским языкам, конечный *с* в составе подобного типа слов больше находит совпадение с фактами этих же языков. Так, казахские слова наподобие *біз* «мы», *сөз* «слово», *қыз* «девушка», *аз* «мало», *күз* «осень», *қаз* «гусь» в алтайском, тувинском, шорском, хакасском языках прозвучат в вариантах *нис, сөс//сос, қыс//хыс, ас, күс//кус, кас//хас*.

В функционировании парных *з—с* в ауслaute между казахским и каракалпакским языками нет принципиальной разницы. Каракалпакский язык вместе с близкородственным ему казахским относится к той группе тюркских языков, у которых конец слова характеризуется преимущественным употреблением глухого компонента этих парных. В литературном каракалпакском языке с данным казахского языка совпадают все случаи употребления конечного *з*, т. е. он там представлен в составе тех же аффиксов и тех же классов лексики, что и в казахском. Отличие рассматриваемого явления в каракалпакском языке от казахского состоит не столько в многообразии аффиксов и типов слов с конечным *з*, сколько в последовательности и распространенности явления в народных говорах.

Формы сказуемости и принадлежности на *-мыс, -сыс, -ныс*, более характерны северному каракалпакскому диалекту, где они используются вместо литературных вариантов аффиксов этих же форм, вместе с тем и южный диалект нельзя считать совсем свободным от замены *с/з* в составе данных грамматических форм.

Существует общеизвестное мнение о формировании каракалпакского литературного языка на базе северного диалекта. Но в противовес этому рассматриваемые здесь грамматические формы в литературном каракалпакском языке утвердились в варианте с конечным *з*, что, возможно, связано с влиянием языка казахских соседей каракалпаков, так как в первых каракалпакских школьных учебниках по родному языку часто придерживались традиции, установившейся тогда в школьной грамматике казахского языка, о чем может свидетельствовать нахождение массового применения казахских лингвистических терминов в практике обучения в каракалпакских национальных школах. Учебники по каракалпакскому языку 20—30-х годов изобилуют такими казахскими лингвистическими терминами, как *баслауыш* «подлежащее», *баянлауыш* «сказуемое», *жуан дауыс-лы* «гласный заднего ряда», *жіңішке дауыс-лы* «гласный переднего ряда», *дауыссыз* «согласный», *жалғау* «окончание», *буын* «слог», *атау* «именительный падеж», *барыс* «дательно-направительный падеж», *шығыс* «исходный падеж»² и т. п. Все эти тер-

¹ Калиев Г. Некоторые особенности Аральского говора казахского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1954. С. 9; Бектуров Ш. Кзыл-Ординский говор казахского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968. С. 11.

² Пирниязов К. Формирование и развитие каракалпакской лингвистической терминологии: Автореф. дисс., канд. филол. наук. Нукус, 1981.

мины уже давно укоренились в почве каракалпакской национальной терминологии. Это обстоятельство конечно в известной мере отразилось на процессе нормализации произношения и правописания каракалпакских слов и грамматических форм. Например, по нашему глубокому убеждению, игнорирование губной гармонии при бесспорном наличии ее во втором и последующих слогах возведено в сан орфографической нормы не без влияния традиции, в своих основных элементах закрепившейся уже тогда в казахском письме. Правописание таких слов, как *көбүк* «пена», *үкү* «филин», *дөңгөлөк* «колесо, круг» в каракалпакской орфографии узаконено в виде *көбик*, *үки*, *дөңгелек*, что полностью согласуется с орфографией этих слов в казахском языке.

Основная масса каракалпакского населения (т. е. более чем 90%) сосредоточена на территориях северных районов автономной республики, где и распространен северный диалект каракалпакского языка, легший в основу литературного языка. Следовательно, фонетические варианты рассматриваемых грамматических форм на *-мыс*, *-сыс* в каракалпакской народной речи гораздо шире распространены, чем варианты их с конечным звонким. А в казахских говорах соотношение фонетических вариантов с конечным глухим и конечным звонким представлено в обратной пропорциональности, т. е. сравнительно с *-мыз*, *-сыз* диалектная разновидность последних занимает незначительную долю в общей системе народных говоров.

Помимо места обитания казахов на севере Каракалпакии, сплошные изоглосные линии указанных грамматических форм на *-мыс*, *-сыс* проходят через расположение казахских говоров по нижнему течению Сырдарьи, что конкретно совпадает с административными территориями Аральского, Казалинского, Кармакчинского и Джалагачского районов Кызыл-Ординской области. Эпизодическая встреча форм на *-мыс*, *-сыс* также возможна и в местной речи жителей, прилегающих к указанным территориям районов Актюбинской области. География распространения рассматриваемых форм с конечным глухим на территории собственно Казахской республики этими районами по существу и исчерпывается (кар. 14, 15).

Локализация изоглосс форм на *-мыс*, *-сыс* в указанной диалектной зоне и исключительная свобода употребления подобных фонетических вариантов этих форм на остальных территориях Казахстана невольно наталкивают на мысль — рассматривать это явление в аспекте языкового контакта, который, безусловно, имел и имеет место между носителями северного диалекта каракалпакского языка и казахских говоров низовьев Сырдарьи.

Историческая судьба каракалпакского народа вплоть до 20-х годов XVIII в. была тесно связана с низовьями Сырдарьи и северо-восточным Приаральем. До вторжения джунгарских калмыков в пределы Сырдарьи каракалпаки вместе с этнически близкородственными к ним казахскими племенами и родами обитали

там же. После же опустошительных боев, предпринятых джунгарами на Сырдарью, которые происходили в 1723 г., каракалпакские племена и роды, жившие выше дельты Сырдарьи, т. е. так называемые верхние каракалпаки (жокарғы қарақалпақтар), вместе с некоторыми казахскими родами частью ушли в глубь Средней Азии, а другая часть оказалась в подданстве у джунгар. Нижние каракалпаки (төменгі қарақалпақтар), жившие у устья реки Сырдарьи и в северо-восточном Приаралье, находились во владычестве казахского хана Младшего жуза Абулхайра. Спасаясь от гнета и притеснений хана, основная масса нижних каракалпаков в дельте Сырдарьи в 1743 г. передвинулись ближе к восточным границам Хивинских владений¹, к берегам рек Жанадарья и Куандарья, пересохшие русла которых ныне находятся на юго-западе территории Қармақчинского и Қазалинского районов Қзыл-Ординской области Казахстана. После завоевательных походов хивинских ханов жанадарьинские и куандарьинские каракалпаки приняли подданство Хивы и, получив от последней в свое распоряжение земли в дельте Амударьи, окончательно обосновались там.

Но тем не менее были случаи, когда после событий 40-х годов XVIII в. главная масса нижнесырдарьинских каракалпаков перешла в Хорезмский оазис, некоторые их группы остались на прежнем месте обитания, о чем может свидетельствовать наличие более или менее компактно живущих каракалпаков, относящихся к племени мангыт, на территории Жалагачского района Қзыл-Ординской области в совхозе «Акқыр» (их было в 1974 г. свыше 70 семей). Конечный глухой в рассматриваемых грамматических формах одновременно является достоянием и их речи.

Несмотря на то, что они в языковом отношении ничем не отличаются от тамошних казахов, народные предания хорошо сохранили память о их принадлежности к каракалпакам-мангытам. Однако длительное соседство и постоянное общение с казахами и смешанный брак между ними оказывали существенное влияние на все стороны социальной жизни каракалпаков, что закономерно повлекло за собой распыление оставшихся на Сырдарье более мелких родов среди массы казахского населения. Поэтому указанные мангытские каракалпаки официально причисляют себя к казахам, а о своем этническом происхождении рассказывают тогда, когда речь непосредственно заходит о их родословной.

Таковы вкратце данные, которые могут пролить свет на некоторые стороны лингвистической связи, имевшей место между носителями каракалпакского и казахского языков, жившими в недалеком прошлом вместе в низовьях Сырдарьи и в северо-восточном Приаралье.

При картографировании диалектного явления наряду с районом его компактного распространения должны получить соответствующее освещение и периферийные зоны, где подвергаемое

¹ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 414.

картографированию явление встречается менее системно, в виде отдельных вкраплений среди других языковых примет. К подобному роду черт могут быть отнесены слова с конечным *с* вм. общеказахского *з*, такие как *айтыңыс* (вм. *айтыңыз*) «говорите», *айтпаңыс* (*айтпаңыз*) «не говорите», *ортамыста* (*ортамызда*) «среди нас», *оқытамыс* (*оқытамыз*) «обучаем», *тамамыс* (*тамамыз*) «мы таминцы», которые были зафиксированы О. Нақисбековым в речи отдельных представителей местного говора казахского населения Буртинского и Адамовского районов Оренбургской области России¹. А. Нурмагамбетов отмечает наличие этого фонетического явления в Қарабутақском, Иргізіском и Челкарском районах Ақтүбінской области², территории которых своим севером граничат с упомянутыми районами Оренбургской области, составляя при этом единую пространственную полосу, пролегающую с юга на север, если брать за ее центр дельту Сырдарьи. Но мы не располагаем какими-либо другими сведениями, дающими представление о дальнейшем распространении этого звукового признака в направлении северо-запада низовьев Сырдарьи.

История свидетельствует, что часть нижних каракалпакских племен и родов под натиском джунгар в 20-е годы XVIII в. вместе с сырдарьинскими казахами вынуждены были идти в степь на север и северо-запад Аральского моря, доходя до пойм рек Жем (Эмба), Жаик (Урал), Илек и Орь³. Однако каракалпаки здесь не были чужеземцами: наряду с нижнесырдарьинским районом местом их обитания в XV—XVI вв. были земли, входившие тогда в пределы Ногайского ханства. Впоследствии эта часть каракалпаков растворилась среди массы казахских родов Младшего жуза и наконец вошла в их состав, оставив при этом следы в местной речи вроде рассматриваемых здесь форм на *-мыс*, *-сыс*.

Н. Жунусов, исследовавший казахский переходный говор на территории Каракалпакии, рассматривал оглушение конечного *з* в составе указанных грамматических формантов в связи с влиянием каракалпакского языка⁴. Материал говора, носители которого находятся в состоянии непосредственного и постоянного общения с каракалпаками, в самом деле не может быть объяснен по-другому. А для того, чтобы уяснить причину функционирования глухого *с* в конце этих форм вм. общеказахского *з* в названном диалектном регионе на территории собственно Казахстана, здесь достаточно сослаться на исторические сведения, суть которых изложена выше.

Если сравнить пространственное и племенное распределение вариантов указанных форм на *-мыс*, *-сыс*, то надо сказать, что

¹ Нақисбеков О. Орынбор облысының Адамов, Бөрте аудандарында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір жергілікті ерекшеліктер // КТДМ. Алматы, 1962. 4-шығ. С. 108.

² Нурмагамбетов А. Западная группа говоров казахского языка. Авторф. дисс. ... док. филол. наук. Алма-Ата, 1974. С. 36.

³ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 235.

⁴ Жүнісов Н. Халық тілінің жергілікті ерекшеліктері. С. 32.

мы в этом не видим особо заметных расхождений. Казахское население, которое представлено в регионе распространения рассматриваемой фонетической приметы, включая туда и территорию Каракалпакстана, территорию Тамдинского, Кенимехского районов Бухарской области Узбекистана, и наконец, территорию Буртинского, Адамовского районов Оренбургской области России, в этническом отношении проявляют единообразие: все они относятся к родоплеменным группам Младшего жуза.

А. Нурмагамбетов¹, не отрицая мнения о возможном влиянии каракалпакского языка в оглушении конечного *з*, одновременно возражает против отнесения этой фонетической особенности в казахском языке целиком к влиянию каракалпакскому и рекомендует при этом учитывать также наличие подобного признака в других тюркских языках. Видеть в этом отпечаток контактов с каракалпакским языком, как мы полагаем, вовсе не противоречит тому самоочевидному факту, что любой из фонетических вариантов рассматриваемых форм во всей тюркской языковой семье имеет единый источник происхождения.

Подход к этому фонетическому явлению с точки зрения лингвогеографии родственных языков Средней Азии показывает, что ареал фонетических вариантов рассматриваемых грамматических форм на *-мыс*, *-сыс*, *-ныс* помимо территории распространения казахских и каракалпакских говоров охватывает расположение говоров узбекских кыпчаков и отчасти Хорезма. В частности, Х. Данияров² из речи узбеков-кыпчаков приводит такие спрягаемые формы, как *қараймыс* «мы смотрим», *табыб эдиңис* «вы нашли», *барувдыңыс* «вы ходили», а Ф. Абдуллаев конечный *с* в хорезмских говорах обнаруживал в составе притяжательных аффиксов первого лица: *нанымыс* «наш хлеб», *жанымыс* «наша душа», *ханымыс* «наш хан»³ и т. д.

По имеющимся диалектологическим сведениям на сегодняшний день периферийные линии ареала распространения этого фонетического явления доходят до территории Кенимехского и Тамдинского районов Бухарской области на юге, а Буртинского и Адамовского районов Оренбургской области на севере (кар. 14, 15), что совпадает с основными направлениями описанной выше миграции каракалпаков и казахов низовьев Сырдарьи и северо-восточного Приаралья в середине XVIII в. Миграция казахов края на юг не прекращалась и в последующие века, последняя значительная волна которой имела место в начале 30-х годов нашего столетия.

Наибольшее сосредоточение изоглосс аффиксов сказуемости и принадлежности *-мыс*, *-сыс*, *-ңыс* в пограничной зоне расположения говоров двух родственных языков само по себе говорит об

¹ Нурмагамбетов А. Западная группа говоров... С. 37.

² Данияров Х. Опыт изучения джескающих кыпчакских диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975. С. 158, 164—165.

³ Абдуллаев Ф. Узбек тилининг Хоразм шевалари. Тошкент, 1961. С. 75.

общности исходного момента в возникновении этого фонетического явления в каракалпакском и казахском языках. Однако вариант этих аффиксов с конечным глухим *c* не является достоянием лишь родственных говоров указанного тюркоязычного региона. Конечный *c* в аффиксах сказуемости и принадлежности представлен в звуковой системе и ряда других тюркских языков и диалектов. Особенно широкое распространение он имеет в северных тюркских языках, где в абсолютном конце слова звонкий *з* вообще не встречается. Например:

алт. *агабыс* «наш старший брат», *коробис* (көрөміз) «увидим, посмотрим»¹;

шор. *эжигибис* «наша дверь», *корербис* «посмотрим», *келербис* «придем»²;

тув. *ошкүвүс* «наша коза», *алырбес* «возьмем», *келирбис* «придем»³;

хак. *хабыбыс* «наш мешок», *танызыбыс* «наш знакомый», *парирбыс* «пойдем», *килирбис* «придем», *ырлибыс* «будем петь»⁴;

тат. диал. *барарбыс* «пойдем», *аласыс* — *аласыңыс* «берете»⁵;

уйг. *салмайтымыс* (синьзянские наречия) «не кладем», *қылалибис* (лобнорский диалект) «сделаем-ка»⁶.

В числе парадигм данной формы глагола в тюркских языках А. М. Шербак приводит ряд вариантов, оканчивающихся тоже на *-с*: *-нис*, *-мис*, *-сис*, *-сиңис* и т. д.⁷

Кроме описанных уже нами можно установить другой ареал конечного *c* рассматриваемых форм в более обширном масштабе, который охватывает территории распространения северных тюркских языков и некоторых диалектов татарского и уйгурского языков. Из группы северных тюркских языков исключение составляет якутский, где в конце рассматриваемых аффиксов представлен согласным *т*: *агабыт* «наш отец», *барабит* «идем»⁸ и т. д. Параллельное существование фонетических вариантов с глухим *c* рассматриваемых грамматических форм в двух тюркоязычных ареалах, несмотря на пространственную разобщенность последних, предполагает языковую связь, имевшую место в прошлом, между казахами, каракалпаками, с одной стороны, и носителями указанных родственных языков и диалектов, с другой, расположенными ныне в пределах этих лингвистических ареалов.

¹ Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (Куманды-кижи). М., 1972. С. 28.

² Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941. С. 49, 187.

³ Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961. С. 117, 386.

⁴ Грамматика хакасского языка. М., 1975. С. 65, 189.

⁵ Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. М., 1969. С. 31, 39.

⁶ Малов С. Е. Уйгурские наречия Синьзяня. М., 1961. С. 148.

⁷ Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. Л., 1981. С. 28.

⁸ Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология. М., 1982. С. 128, 306.

Общность происхождения чередующихся между собой тюркских парных *з—с* не только в составе рассматриваемых грамматических формантов, но и в составе других морфем — факт неоспоримый. Но вопрос — какой из компонентов, входящих в состав этой звуковой пары, является изначальным — требует объяснения.

Древние тюркские памятники на этот вопрос не дают ответа. В самых древнейших из них — орхоно-енисейских и таласских эпитафиях, мы встречаем как тот, так и другой вариант этих парных в конечной позиции слова. К тому же известно, какими бы эти памятники ни были древними, они не могут служить шкалой для определения начального состояния развития тюркских языков.

Ученые при реконструкции звуковых и других признаков пратюркского языкового состояния свои гипотезы обычно строят на данных, полученных путем сопоставления фактов древних письменных памятников с фактами современных живых языков и диалектов.

Существует мнение, устанавливающее первичность глухого конца слова в тюркских языках. В этой связи определенный интерес должны представлять взгляды А. М. Щербака¹.

Исход слова в пратюркском языке не знал парных согласных, различающихся по признаку звонкости и глухости. Все известные ныне конечные звонкие согласные развились из их глухих вариантов. Исследователь свое воззрение аргументирует тем, что среди тюркских языков существуют языки, в которых в ауслауте не допускается употребление звонких, а функция звонких согласных в остальных тюркских языках в конечной позиции слова весьма ограничена. Кроме рассматриваемого здесь *з*, звонкие в конце собственно тюркских слов в основной массе языков фактически не встречаются. Другие аргументы ученого, приводимые им на этот счет, сводятся к закономерности позиционного ослабления согласных, следующих после долгих гласных. Результатом такого ослабления, например, является *з*, следующий после гласных с первичной долготой *а*, *ы* в составе туркменских имен *газ* «гусь», *гыз* «девушка», а глухой конец глаголов в том же языке *гас* «копать», *гыз* «давать» обусловлен отсутствием долготы гласных, предшествующих конечному согласному.

А. М. Щербак идею об изначальности глухого конца тюркского слова последовательно проводит не только в связи с *з—с*, но и при объяснении процесса озвончения других конечных согласных, имеющего место в известной группе языков, т. е. в огузских.

Из числа звонких особое объяснение требует широкое представление *г*, *ф* в конечной позиции слова в огузских и карлукских языках. Из северной группы языков в тувинском, шорском и хакасском, где в ауслауте из парных способны функционировать лишь глухие их компоненты, тоже допускается употребление

¹ Щербак А. М. Сравнительная фонетика... С. 95.

г, ғ в данной позиции. В этой связи интересно отметить, что в большинстве тюркских языков типа казахского, татарского и т. д. при наличии конечного з употребление г, ғ в исходе тюркского слова, наоборот, не допустимо.

По предположению А. М. Щербака, при отсутствии фонологической оппозиции глухих и звонких в тюркском праязыке имела оппозиция сонантов и несонантов. В свою очередь противопоставление конечных к—г, қ—ғ, х—ф в современных огузских и карлукских языках является отражением этой древней оппозиции¹.

3. Назальные в ауслате

К одному из видов часто чередующихся друг с другом звуковых пар в казахских говорах относятся согласные *н*, *ң*. Как бы они ни были близки друг к другу по звучанию (конечно, для неопытного слуха), в фонетической системе казахского языка они резко отличаются друг от друга как в акустическом, так и артикуляционном плане. Акустику их приближает тот эффект, который заключается в выходе фонационного воздуха через носовую полость. Благодаря этому свойству они и называются носовыми назальными согласными. Дифференцирующий их артикуляционный признак состоит в том, что *н* образуется прикосновением передней части языка к алвеолу, а *ң* — прикосновением задней части языка к заднему нёбу. Следовательно, *н* — звук переднеязычный, а *ң* — заднеязычный.

В звуковом составе отдельных тюркских языков *ң* отсутствует. Так, вместо общетюркского *ң* в турецком литературном языке употребляется *н*, таково своеобразие и некоторых азербайджанских диалектов. В этом отношении наличие в звуковом составе *ң* может служить одной из отличительных фонетических черт основной массы тюркских языков, в том числе казахского, от тех родственных языков и диалектов, где этот заднеязычный согласный отсутствует. Тюркский *ң* — сугубо специфический звук. Поэтому обладание навыками его правильного произношения для носителей языка другой системы представляет некоторую трудность.

При отсутствии фонологической значимости эти носовые согласные в составе определенной группы лексики и грамматических форм в некоторых тюркских языках склонны к взаимозамене, что нередко наблюдается в фонетике отдельных южных говоров казахского языка. Отчасти явление это отмечено и на востоке Казахстана. На юге республики особенно широко известно соответствие конечных назальных в составе показателя родительного падежа *-ның*, *-нын* (с его фонетическими вариантами типа *-дың*, *-дын*, *-тың*, *-тын* и т. д.), о чем могут свидетельст-

¹ Щербак А. М. Сравнительная фонетика... С. 96—97.

водить многочисленные примеры, зафиксированные диалектологами Ж. Досқараевым¹, Ж. Болатовым², Н. Джунусовым и др. в разные годы, в разных районах юга (*біздің* «наш», *үйдүн* «дома», *есіктің* «двери», *жіптің* «веревки», *ауулдүн* «аула», *сырттын* «наружного», *көлдүн* «озера», *төсөктүн* «постели», *кітаптын* «книги» и т. д.), где конечный назальный показатель родительного падежа представлен переднеязычным *н*, вместо заднеязычного *ң* в доминирующей части казахских говоров и литературном языке (см. кар. 16, 17).

Переднеязычный *н* в качестве конечного согласного, показателя родительного падежа, встречается и в других тюркских языках. Даже согласно тому, какой из рассматриваемых назальных характерен данной позиции, тюркские языки можно разделить на две группы, но подавляющее большинство языков, в том числе и казахский, относится к той, где преобладает *ң*. В киргизском, турецком, азербайджанском, гагаузском, караимском и чувашском языках конечный согласный этого аффикса представлен переднеязычным *н*³. Есть языки, где данный падежный аффикс употребляется в усеченной форме без *н*, *ң*. Так, показатель генетива в кумыкском и карачаево-балкарском⁴ языках свободен от всякого рода конечных назальных согласных, что не чуждо и некоторым узбекским говорам⁵.

Из всех языков тюркской семьи с более характерным употреблением *н* вместо *ң* в данной форме⁶ к казахским говорам юга в географическом отношении, как мы знаем, больше всего близок киргизский. Наличие такой фонетической приметы одновременно и на востоке республики может быть растолковано в связи с языковыми контактами с киргизами, но имевшими место в более древний период. Такой вывод напрашивается, когда мы сталкиваемся с необычайно сходным фонетическим явлением в киргизском языке, что хорошо продемонстрируют примеры в таблице.

Предполагаемый языковой контакт между восточными группами казахских племен и древними киргизами произошел, по-видимому, еще до монгольского нашествия, когда последние жили на Алтае-Саянском нагорье и на берегу Енисея. Приход основной массы киргизов на Тянь-Шань В. В. Бартольд считал процессом, имевшим место в последующие эпохи, т. е. после

¹ Досқараев Ж. Бір экспедиция отрядының диалектологиялық жұмысы туралы // ҚТДМ. 1958. 1-шығ. С. 182.

² Болатов Ж. Ұзынағаш экспедициясының материалынан // Там же. С. 165.

³ Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977. С. 29—30.

⁴ Хабичев М. А. Карачаево-балкарский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2. Тюркские языки. С. 219.

⁵ Шерматов А. Қарши шевақинниг баъзи морфологияк хусусиятлари // МУД. 1961. Т. 2. С. 181.

⁶ Сартбаев К. К. Түрк тилдеринин салыштырма грамматикасы. Фрунзе, 1982. С. 57.

XV в.¹, хотя в науке существуют и другие мнения, подтверждающие существование киргизов на территории современной Киргизии еще задолго до походов Чингисхана в Среднюю Азию. По словам Ч. Ч. Валиханова: «Киргизы считают своей первой родиной Андиганские горы. Предания о переселении из Южной Сибири между ними не сохранились. Невозможно полагать, чтобы дикокаменные киргизы, будучи потомками енисейских киргиз, могли в такой короткий срок времени забыть об эмиграции своей на юг. Но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на север распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи»².

в южных говорах каз. языка	В Большеноарымском районе Восточного Казахстана	Кир.	В большинстве каз. говоров и в лит. языке	Значение
есіктің кісінің елдің ұйдүң ауылдүң сенің біздің сіздің сонун баланың	есіктің кісінің елдің ұйдүң ауылдүң сенің біздің сіздің сонун баланың	эшиктің кишинин элдин ұйдүн аылдын сенин биздин сиздин сонун баланың	есіктің кісінің елдің ұйдің ауылдың сенің біздің сіздің соның баланың	двери человека страны дома аула твой наш ваш того мальчика

После Ч. Ч. Валиханова подобные мысли были высказаны и другими учеными. А. Х. Маргулан, основываясь на данных топонимических названий, встречающихся на магистральной линии летнего перехода кочевых племен древних киргизов, которая в тексте знаменитого киргизского эпоса «Манас» описана как великая дорога, проложенная предками киргизов между Алтаем и Ала-Тау, вслед за Ч. Ч. Валихановым блестяще доказал существование киргизов не только на востоке, но и в окрестностях Ала-Тау и Иссык-Куля в глубокой древности³.

Наличие той или иной диалектной черты в народной речи отнюдь не означает решительного отсутствия там ее возможных литературных вариантов. Наоборот, параллельное использование местных языковых явлений с их литературными вариантами более характерно для диалектной системы современных говоров казахского языка, что и следует сказать применительно к фонетико-морфологическому признаку, о котором идет речь. Подобные обстоятельства можно объяснить тем нормализующим влиянием, которое активно оказывает казахский литературный язык

¹ Бартольд В. В. Сочинения: В 9-и т. М., 1963. Т. 2, Ч. 1. С. 471, 512.

² Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5-и т. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 362, 416.

³ Маргулан Ә. Х. Шоқан және «Манас». Алматы, 1971. С. 40—46.

на народные говоры. По мере быстрого роста культурного уровня населения на местах, развития национальной письменности и культуры речи всех слоев общества нормализующая роль литературного языка ныне все больше приобретает действенный характер.

К другой грамматической форме, в составе которой указанные назальные, также как в вышеописанной, подвергаются закономерному звуковому соответствию, можно отнести показатель глагольного и именного спряжения второго лица единственного числа **-сың, -сын** (с его фонетическими вариантами). Случаи замены в народной речи литературного заднеязычного конечного **ң** переднеязычным **н** в составе этого аффикса отмечены многими диалектологами. Ж. Доскараев зафиксировал форму на **-сын** одновременно в Тюлькубасском, Сайрамском районах Чимкентской области¹, Улутаском, Жезказганском районах Жезказганской области². Ж. Болатов, отметивший наличие ее в большинстве говоров восточного Казахстана, в качестве иллюстрированного материала приводит следующие интересные факты отражения этой формы в языке литературных произведений отдельных писателей, являющихся выходцами из восточных областей республики: Мүмкін, тағы да Григорийге барып та келерсін (К. Оразалин, «Жексен») «Может быть, еще раз к Григорию сходишь»³.

Ю. Абдувалиев форму на **-сын** называет одним из характерных фонетико-морфологических признаков для языка казахов, проживающих в Ташкентской области⁴. Факультативное употребление этой формы наряду с ее литературной зафиксировано в речи местного населения Джангельдинского района Тургайской области. Отсюда ясна географическая разобщенность районов распространения этого явления, что, видимо, и послужило причиной того, что диалектологи без особого усердия обращали внимание на определение ареала его, принимая последнее за просторечную форму. Пока на основе имеющихся сведений, без дополнительных, не представляется возможным установить более или менее точную картину ареала **-сын** вместо литературного **-сың**.

Факты употребления переднеязычного **н** в качестве конечно-согласного спрягаемой формы второго лица единственного числа имеются и в других родственных языках: узб. *етирсан* «лежишь», тув. *тур сен* «стоишь», тур. *фукарасын* «ты простолюдин», уйг. *турысан* «стоишь», кум. *барасан* «пойдешь», алт. *кан-*

¹ Доскараев Ж. Бір экспедиция отрядының диалектологиялық жұмысы туралы... С. 195.

² Его же. Ұлытау, Жезказған экспедиция отрядының жұмысы туралы // ҚТДМ. 1960. 3-шығ. С. 165.

³ Болатов Ж. Кейбір жазушылардың шығармаларындағы диалектизмдер туралы // ҚТДМ. 1960. 2-шығ. С. 23.

⁴ Абдувалиев Ю. Фонетико-морфологические особенности Ташкентского говора казахского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967. С. 10.

дыхсын «какой ты», гаг. аларсын «возьмешь, получишь». Если исходить из тюркского личного местоимения второго лица *сен/ сән/син* «ты», к которому восходит рассматриваемый грамматический показатель *-сың -сын*, то нетрудно установить сравнительную первичность *н* перед *ң*. Так как заднеязычный *ң* ни в одном из современных тюркских языков и известных письменных памятников древности не употребляется в качестве конечного звука в составе личного местоимения второго лица. С. Е. Малов полагал *н* в конце местоимений *мен* «я», *сен* «ты» появился как ингредиентный звук по аналогии с *н*, который приобретают местоимения типа *ол* «он», *бул* «этот», *сол* «тот» при падежном склонении: *оның* «его, у него», *оны* «то», *онда* «у него», *ол* «он» и т. д.¹, что дает основания предполагать изначальноную форму указанных личных местоимений в виде *ме, се*². Форма эта совпадает с формой тех же местоимений в монгольском языке, это предположение тоже не отрицает первичность *н*.

Кроме описанных случаев, соответствие *ң/н* в казахских говорах представлено еще в составе отдельных лексических элементов, районом сосредоточения изоглосс которых является тоже юг Казахстана; чаще всего они встречаются на территориях, близких к узбекам. В числе подобных лексических элементов необходимо отметить ряд слов, общих с узбекскими.

В южных каз. говорах	Узб.	В большинстве каз. говоров и лит. языке	Значение
қайын	кайин	қайың	береза
ертең	эртан	ертең	завтра
танла	танла	танда	выбирать
өлөндөт	—	өлендет	распевай
өлөншү	уланчи	өленші	певец
өлөн	улан	өлен	осока
терең	теран	терең	глубокий
қалын мал	калин	қалың мал	калым
қалын	калин	қалың	толстый
қалыңрақ	калинрок	қалыңырақ	потолще
аура-сәрсан	овора-сарсон	әуре-сарсаң	канитель

Бесспорно, что слова казахской народной речи, в составе которых наблюдается это явление, не ограничиваются лишь указанными в таблице. География распространения их доминирующей части охватывает юго-восточные и восточные районы республики; а у некоторых изоглоссы еще в достаточной мере не определены. О точной границе распространения слов *тон* (вм. *тоң*) «мерзлота», он (вм. *оң*) «правый», которые были отмечены в Урджарском районе Семипалатинской области³, в данный мо-

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.—Л., 1951. С. 52.

² Ибатов Ә. Қазақ тіліндегі есімдіктердің тарихынан. Алматы, 1966. С. 19.

³ Бектұрғанов Е. Ұржар, Мақаншы диалектологиялық экспедициясының материалынан // ҚТДМ. 1962. 4-шығ. С. 133.

мент мы конкретно ничего не можем сказать, ввиду недостаточности сведений. В дальнейшем уточнении ареала нуждаются также слова с данным соответствием: *жана* (вм. *жаңа*) «новый», зафиксированное в отдельных селениях Семипалатинской области, *көлдөнөч* (вм. *көлдөңөң*) «поперек» — в Большенарымском районе Восточного Казахстана¹, *эттен* (вм. *эттең*) «жаль, к сожалению» — в речи Тамдинских казахов Узбекистана², *тыңшы* (вм. *тыңшы*) «шпион» — в Тахтакупирском районе Каракалпакии и др.

Но тем не менее об ареале распространения слов, включенных в последнюю таблицу, можно говорить несколько определенно. Основная масса изоглосс этих слов близко расположена к узбекской территории. Лишь немногие из изоглосс своими периферийными линиями охватывают юго-восток и отчасти восток Казахстана. В этом прежде всего и заключается смысл рассматривания данной группы слов в сравнительном плане с узбекским языком. Конечные назальные в составе этих слов на редкость сходны с узбекским материалом, что хорошо видно из таблицы. На основании этого хотя бы в общих чертах можно говорить о роли узбекского языка, которую он сыграл в сохранении переднеязычного назального *n* в составе приведенных в таблице слов, против заднеязычного *ŋ*, характерного подавляющему большинству казахских народных говоров.

Разговор о подобной роли узбекского языка в этом отнюдь не означает отсутствия аналогичного фонетического варианта подвергаемых сравнительному анализу слов с соответствием *n/ŋ* в других родственных языках. Если заглянуть в лексику современных тюркских языков, а также в текст письменных памятников старины, то мы непременно найдем тот или иной сходный фонетический вариант слов с нашим диалектным, который содержит выше приведенная таблица. Так конечный согласный в составе казахского *терен//терең* «глубокий», в турецком (*дерін*), азербайджанском (*дәрин*), башкирском (*тәрән*), татарском (*тирән*) языках представлен переднеязычным *n*, а в киргизском, алтайском, каракалпакском, тувинском, шорском, тофалярском языках — заднеязычным *ŋ*. Такой же последовательности придерживаются языки турецкий, башкирский, татарский и в употреблении *n* в составе казахского слова *қалын//қалың*. В туркменском, киргизском, каракалпакском языках в ауслaute последнего слова выступает заднеязычный назальный *ŋ*, подобно в доминирующей части казахских говоров. Конечный *n* в названии *кайың* «береза» за рамками тюркских языков охватывает и монгольские языки. К. М. Мусаев из последних приводит следующие варианты этого слова: *хусан*, *хусун*, *хуһан*³.

¹ Болатов Ж. Шығыс Қазақстан облысы Большенарым... . С. 197.

² Айдаров Т. Языковые особенности Тамдинского района Узбекской ССР: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967. С. 7.

³ Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: Запднокыпчакская группа. М., 1975. С. 171.

Помимо тех слов, которые включает последняя таблица, употребление *н* вместо общекзахского *ң* зафиксировано еще в составе ряда слов, но в говорах разных территорий. Соответствующие межтюркские лексико-фонетические варианты с конечным назальным встречаются весьма редко. В числе подобных здесь отметим: *көбән//көбөн* «лошадь, набравшая упитанность только поздней осенью», *шапшен /шапшаң* «быстрый», *жәнегі//жәнеңгі* «недавний», *керен//керең* «глухой» (в туркменском языке имеет форму *кер*).

Основная позиция слова, в которой встречается соответствие *н/ң*, — это ауслат, что хорошо видно из наших примеров. Это прежде всего связано с позиционной особенностью *н*, который будучи характерным концом слова, в инлауте выступает исключительно на стыках морфем: *шаңдат* «пылить», *отырыңдар* «садитесь» и т. д. А известно, что в начальной позиции слова *ң* в казахском языке абсолютно не употребляется.

Из числа слов, которые были рассмотрены в сравнительном плане с узбекским языком, более широким ареалом распространения отличаются *өлен* «песня» и *ертен* «завтра». По сведениям Ж. Болатова, изучавшего восточные группы казахских говоров, местные жители Большенарымского района Восточно-Казахстанской области данные слова употребляют с конечным переднеязычным *н* вместо общекзахского *ң*. Но в связи с этим здесь следует отметить, что в наших руках нет каких-либо других достоверных сведений, подтверждающих распространение фонетических вариантов *өлен*, *ертен* на громадном пространстве, отделяющем территорию Большенарымского района от юго-восточной полосы Казахстана, где, не доходя до границы Семипалатинской области, по существу замыкаются изоглоссы данных фонетических вариантов, берущие свое начало с узбекской территории.

Междиалектное соответствие *н/ң* свойственно многим тюркским языкам: из говоров татар южного Урала и Зауралья Ф. Ю. Юсупов приводит параллели *тан-таң* «рассвет», *күнелле-күңелле* «веселый», *сезнен-сезнең* «ваш»¹, у другого татарского диалектолога Г. Х. Ахатова встречаем *үлән-үләң* «вид травы», *түнтәр-төңтәр* «опрокидывать», *утын-утың* «дрова», которые им отмечены в диалекте западно-сибирских татар². В единичных словах соответствие это выявлено также в башкирских диалектах: *мәнгө-мәңге* «вечно»³.

С. Аманжолов, рассматривавший этимологию *ертен//ертең*, высказывал мнение о происхождении его последней части *-тең* от слова *таң* «рассвет»⁴, если это так, то *н* в составе *ертен* — яв-

¹ Юсупов Ф. Ю. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. Казан, 1979. С. 30.

² Ахатов Г. Х. Диалекты западно-сибирских татар. Уфа, 1963. С. 80.

³ Максимова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976. С. 224.

⁴ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С. 241.

ление позднее. А первую часть слова он связывал с *арғы* «дальний» и следовательно: *ертен//ертең* < *ер таң* < *ар таң* < *арғы таң*. По поводу *-тең* такого же мнения и Э. В. Севортян¹.

Самыми древними из тюркских носовых согласных А. М. Щербак² считает *м*, *н*. По его предположению заднеязычный *ң* в тюркских языках появился поздно. В этом нас особенно убеждает положение *ң*, когда он оказывается в середине слова между гласными, что можно проследить по фонетическим параллелям: *манга//меңа//баңа* «мне», *санга//саңа* «тебе», *анга//аңа* «ему», которые приводит автор. И бесспорно, что *ң* здесь восходит к звукосочетаниям *нг*, *нғ*. Однако нет каких-либо веских аргументов, подтверждающих развитие *ң*, выступающего в самой характерной для него позиции — в конце слова, относительно указанных сочетаний согласных. А. М. Щербак³, указывая на трудность определения звукового процесса, способствовавшего появлению конечного *ң*, одновременно допускает гипотезу о возможности развития современной формы *күң* «рабыня, служанка», *соң* «конец», *тәң* «равный» от *күнк*, *сонқ*, *тәнк*. Но тем не менее в списке односложных слов пратюркского языка, реконструированных самим автором, не значит слово, оканчивающееся на указанные звукосочетания. Предполагаемые им *күнк*, *сонқ*, *тәнк*, он включает в форме *күн*, *сон*, *тәң*. В казахском языке звукосочетания *ңк*, *ңқ* в конце звукоподражания подобно *мыңқ*, *шиңқ*, *саңқ* встречаются часто, что отмечено К. М. Мусаевым⁴: *мыңқ ет* «бормотать», *шиңқ ет* «пищать», *саңқ ет* «горланить».

По Р. И. Рамstedту *ң*, наличествующий в конце как показатель родительного падежа в древнетюркском языке; — звук в самом деле не древний. Первоначальная форма родительного падежа состояла из единственного согласного *н*, а все те звуки, которые предшествуют ему в современных языках появились позже как элементы, присоединяющие основу к конечным гласным с аффиксом родительного падежа⁵. Предположение о происхождении конечного *ң* в составе родительного падежа, употреблявшегося в древнетюркских текстах, от *н* имеется и у М. Рясянена⁶. Но все-таки здесь надо иметь в виду, что у обоих последних ученых, ни у того, ни у другого, мы не встречаем утверждение, отрицающее существование вообще заднеязычного назального *ң* в тюркских языках в древности. Наоборот, конечный *ң*, который функционирует в современных языках, но не в составе названного падежного аффикса, как они считали, восходит к тому же

¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 305.

² Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 82.

³ Там же. С. 195—197.

⁴ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984. С. 344.

⁵ Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957. С. 33—34.

⁶ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 169.

звуку, имевшему место в древности, и только *ң*, употребляющийся ныне в середине слова, имеет источником указанные звукосочетания *нғ*, *нґ*, *нк*, *нқ*. В качестве примера, демонстрирующего переход звукосочетания *нғ* в середине слова в *ң*, М. Ряснян привел каз. *коңыр* < узб. *кунгир* // карач.-бал. *кьонгур* «коричневый». Но, отмечая исключительную редкость случаев в тюрко-монгольских языках перехода конечного *н* в *ң*, он в отличие от своего предшественника допускал развитие аффикса исходного падежа типа *-нан*, что в тувинском, шорском, алтайском, хакасском языках, из общетюркского *-нан*. (Казахская форма *таудан* «с горы», *ауылдан* «из аула» в хакасском прозвучит *тагдаң*, *аалдаң*).

Противоположное мнение по поводу истории конечного назального в составе родительного падежа было высказано Н. К. Дмитриевым¹. В частности появление родительного подобно турецкой форме на *-ин* он считал явлением поздним, чем *-иң*, что характерно подавляющему большинству современных языков и текстам древних памятников. Об историческом переходе *ң* в галическом диалекте караимского языка в *н* в словах типа *тыңла-тыңда* «слушать» сказано К. М. Мусаевым².

Назальные *н*, *ң* в казахских народных говорах способны чередоваться не только между собой, но и с другими согласными. Такие общеупотребительные слова, как *тынық* «безветрие», *тынды* «затих», *сенген* «чахлый», *ұнтақ* «порошок», *шыңырау* «глухой (о колодце)», *таңба* «отпечаток, клеймо на лошади», *нұра* «подать», *тоған* «запруда» в речи местного населения отдельных районов могут иметь соответствующие фонетические параллели *тымық*, *тымды*, *семген*, *ұмтақ*, *шымырау*, *тамға*, *мұра*, *тоғам*. В этих примерах *н*, *ң* заменены губным назальным *м*, такая замена также не чужда звуковому строю других тюркских языков. Казахское слово *қарын* «живот» в чувашском имеет форму *хiрам*, казахское *жүн* «шерсть» в тувинском — *кум*, в шорском — *жум* «перо», *доңыз* «свинья», в турецком — *домуз*, а у астраханских карашей генетив оканчивается как на *-м*, так и на *-ң*: *бізім* // *бізің* «наш»³.

Этот вид соответствия назальных (*н*, *ң/м*) в казахском языке относится к типу наименее последовательных. К тому же ареал распространения большинства слов с соответствием *н*, *ң/м* у нас еще достаточно не изучен. Из перечисленных фонетических параллелей более или менее отчетливым ареалом отличаются только слова *тамға* и *шымырау*, первое из которых свойственно языку казахских жителей Ташкентской и отчасти Чимкентской областей, а второе — полуострова Мангышлак и Туркмении.

¹ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. С. 155.

² Мусаев К. М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964. С. 73.

³ Арсланов Л. Ш. Формирование и развитие островных языков и диалектов: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Алма-Ата, 1982. С. 22.

Слово *тамга* в таком же варианте встречается в узбекском и киргизском языках, т. е. в языках близких соседей носителей казахских говоров указанных территорий. Узкая локализация здесь ареала *тамга*, видимо, связана с влиянием этих же родственных языков на местную речь казахов. *Таңба*//*тамга* — понятие, тесно связанное с кочевым бытом. В качестве распознавательного знака тамгу (в этнографической литературе так и называют тамгу) раньше казахи способом выжигания печатали на лямке лошади. Все лошади, входившие в определенный табун, носили одну и ту же тамгу. Каждое племя или родовое подразделение, особенно крупное, имело свою собственную тамгу, унаследованную от своих предков и изображающую конкретный знак, принадлежащий только данному племени или роду. Как атрибут, связанный с кочевым и родовым бытом, тамга у тюркских народов существовала в глубокой древности. Возможно, и не случайно, что отдельные штрихи тамги иногда бывают весьма похожими на элементы букв древнетюркского рунического письма. В текстах орхонских надписей и тюркских памятников последующих эпох это слово зафиксировано в варианте тамга. Н. К. Дмитриев¹ в статье о тюркских словах в русском языке наряду с другими тюркскими заимствованиями привел данное слово и указал на наличие его следующих вариантов: *тамга* в орхонских текстах, у Махмуда Кашгарского, в «Кодекс Куманикус», в татарском, крымско-татарском, киргизском и ногайском языках; *дамга* в турецком; *тамка* — чувашском и *тамага* — монгольском языках. В эпоху Золотой Орды это слово имело широкое распространение у русских. Тогда слово *тамга* обозначало знак, который ставился на упаковках товаров, ввозимых из-за границы. Отсюда возникло, как доказал Н. К. Дмитриев, русское название таможня.

Кроме назальных, заднеязычный **ң** в казахской народной речи иногда может соответствовать другим согласным. На востоке и в некоторых местах севера Казахстана в составе таких общеупотребительных слов, как *негіз* «основа», *негізі* «основной», *негізінде* «в основном, на основе» срединный гуттуральный во всех случаях употребления этих одногнездовых производных образований заменяется назальным **ң**: *неңіз*, *неңізгі*, *неңізінде*. Казахы восточной части республики в составе другого общеупотребительного слова *маңыз* «квинтэссенция, суть» производят гуттуральный **ғ**: *мағыз*. А носители казахского говора на юге Каракалпакии слово *төңүрәк* «окрестность» употребляют в фонетическом варианте *төғүрөк*. В межтюркском масштабе соответствие **н/г**, **н/ғ** наиболее последовательно выступает в составе личного аффикса сказуемости второго лица. Так, форма *-сыңыз*, *-сіңіз* (*барасыңыз* «пойдете», *келесіңіз* «придете»), характерная говорам казахов западных областей республики, в татарском и башкирском языках имеет фонетический вариант *-сығыз*, *-сігіз*.

¹ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. С. 545.

Тат. *барасығыз, киләсігіз*. Махмуд Кашгарский¹ отметил, что в диалекте аргу второе лицо глагола прошедшего времени выражается формой на *-дуғ*, что соответствует современной форме глагола в казахском языке на *-дың*. Приведенные древним автором примеры *табындуғ* «[вы] преклонились», *качурдуғ* «[вы] заставили убежать» в современном казахском языке имеют форму *табындың, кашырдың*.

В единственных случаях в народных говорах можно встретить также смену заднеязычного назального *ң* губным *у*. Наиболее характерными примерами этого явления могут служить слова *ау* «охота» и производные от него *аушы* «охотник» и *аушылық* «охотничество», собственные речи казахского населения Ташкентской и Чимкентской областей и употребляющиеся вместо общекзахских *аң, аңшы* и *аңшылық*. Соответственно словосочетание *аң аулау* «охотничать» там имеет форму *ау аулау* (Ср. древнетюркское *аб*² «охота»//узб. *ов*// туркм. *ав*.) В качестве другого примера, характеризующего соответствие *н/у*, можно привести слово *ауаша* «наедине, изолированно от других», записанное из уст казахов, проживающих в Буртинском и Адамовском районах Оренбургской области России, О. Накисбековым³ и являющееся фонетическим вариантом повсеместно распространенного слова *оңаша*. Или просто назовем доступный всем материал — дублирующие друг друга в литературной речи параллели *көңіл/кеуіл* «настроение», где основным различительным признаком этих языковых элементов и является соответствие *н/у*. Хотя при этом надо иметь в виду, что и *көңіл*, и *кеуіл* тоже могут быть территориально мотивированы.

Основной приметой каких бы то ни было звуков, подвергнутых закону фонетического соответствия, является отсутствие у них фонологической значимости. А звуки, не несущие фонологической нагрузки, хотя это для них явление неизбежное, склонны к взаимозамене. Звуки при наличии у них смыслоразличительной функции весьма редко проявляют склонность к упомянутой закономерности. Едва ли возможно, например, соответствие *н/ң* в составе таких слов, как *көн* «кожа кустарной выделки» — *көң* «навоз», *сең* «ты» — *сең* «лед, движущийся по течению во время ледохода», *кен* «руда» — *кең* «широкий», *дін* «вера» — *диң* «вышность», *ен* «различительная пометка на ушах домашних животных» — *ең* «усилительная частица» и др. Ибо здесь семантика каждого слова определяется тем, какой именно из этих назальных согласных употреблен в составе слов, входящих в конкретную сопоставляемую лексическую пару. Иными словами, в

¹ Махмуд Кашгарий. Девону луғотит түрк. Ташкент, 1961. Т. 2. С. 194.

² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 353; Щербак А. М. Сравнительная фонетика... С. 97.

³ Нақысбеков О. Орынбор облысының Адамов, Бөрте аудандарында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір жергілікті ерекшеліктер//КТДМ. Алматы. 4-шығ. С. 108.

составе перечисленных примеров назальные *н, ң* обладают различительной функцией звуковых оболочек слов, поэтому они здесь не подвержены закону фонетического соответствия.

4. Латеральный и смычные дентальные в инлауте

а) Латеральный *л* вместо смычных *д, т*

В числе фонетических черт казахских народных говоров обращает на себя внимание соответствие переднеязычных согласных *л/д, т*. Известно, что данный тип звукового соответствия широко представлен в общей системе фонетики тюркских языков. Поэтому установление его изоглосс одновременно может представлять интерес и с точки зрения общетюркского диалектологического атласа.

Основным местом соответствия *л/д, т* является стык корневых и аффиксальных морфем.

В своем доминирующем большинстве все основные говоры казахского языка, а также казахский литературный язык относятся к той группе языков, где употребление дентальных *д, т* в указанной позиции по сравнению с многими языками тюркской семьи обнаруживает заметную устойчивость. Однако звуковую систему казахского языка нельзя себе представить абсолютно свободной от употребления латерального *л* вместо указанных дентальных смычных. К примеру, возьмем говоры казахского населения южной полосы. Здесь мы как раз наталкиваемся на факты совершенно иного порядка, чем в говорах, расположенных на всех остальных территориях, где искони живут казахи. Большинство говоров южной полосы от других говоров казахского языка отличается более или менее частой заменой смычных *д, т* латеральным *л*. Но по отношению к казахским говорам здесь надо сказать не просто о наличии в них *л*, употребляемого вместо *д, т*, а о его эпизодическом функционировании в известной группе лексики.

Итак, вместо широко распространенных фонетических вариантов слов типа *меңді* «с родимым пятном», *маңдай* «лоб», *шаңдақ* «пыльная местность», *тұлдан* «разгневаться», *оңда* «чинить» на юге часто замечаем варианты слов — *меңлі, маңлай, шаңлақ, тұллан, оңла*. Такие слова здесь настолько привычны, что иногда их употребляют в письменной речи, о чем говорит нередкая встреча с ними в языке местной печати. Так, О. Накисбеков из текстов газет отдельных южных районов приводит ряд слов вроде *теңлік* «равенство», *таңла* «выбирать», *тыңла* «слушать», *қоңлы* «упитанный», которые в литературном языке установились в вариантах *теңдік, таңда, тыңда, қоңды*¹.

¹ *Накисбеков О.* Қазақ тілінің ауыспалы говоры: Шу бойындағы қазақтар тілінен жиналған материалдар бойынша. Алматы, 1972. С. 44.

Есть случаи проникновения л-варианта слов с данным соответствием в текст художественных произведений писателей — выходцев из юга Казахстана. В двухтомнике Р. Раимкулова, уроженца юга, слова *мұңды* «печальный», *аңда* «понимать» последовательно употреблены в форме *мұңлы, аңла*: Жас толы екі көзі тіпті мұңлы екен «Полные слез ее глаза казались еще печальнее», (*Раимкулов Р. Екі томдық, 1981, т. 1. С. 62*). Осыдан кейін ол «тез жетініз, күтіп отырмыз» деген сөздерді ғана аңлап үлгірді. «После того он едва успел уловить его слова «добирайтесь скорее, мы вас ждем» (*там же. С. 406*).

В языке художественного произведения подобное происходит потому, что писатель, в бывшем носитель конкретного говора или диалекта не всегда свободен в выборе слов от объективно приобретенных в детстве навыков своей собственной речи.

Весьма показательно соответствие *д* латеральному *л* в составе личных имен, распространенных в южной полосе Казахстана, вроде: *Оңласын, Меңдігүл, Аслан, Берлібек, Ділләбай, Аллаберген*, которые в говорах противоположного типа непременно прозвучали бы в форме *Оңдасын, Меңдігүл, Арыстан, Бердібек, Діл-дәбай, Алдаберген*. Последнее имя в вышеназванном двухтомнике Р. Раимкулова мы встречаем в л-варианте: Оның айтқанын Құрбан ғана емес, Мөрәлі, Аллаберген мен Сәлім, молла Нұрмандар да екі етпейді (*там же, с. 129*) «Сказанное им беспрекословно выполняет не только Курбан, но и Мурали, Аллаберген, Салим и мулла Нурман».

Исследователями неоднократно отмечено соответствие *л/д* в составе антропонимов как отражение фонетических особенностей диалектной речи местных жителей¹. Зафиксировано несколько случаев употребления фонетического варианта слова *теңлік* «равенство», очень часто встречающегося в южной и юго-восточной частях республики как женское имя и в качестве названия колхозов².

Из этих взаимозаменяющихся согласных *л* употребляется во всех языках огузской, карлукской и кыпчакской групп, за исключением, в последней казахского. Среди фонетических признаков, которыми отличается казахский язык от его наиболее близких родственников — каракалпакского и ногайского, этот вид звукового противопоставления занимает ведущее положение. С. Е. Малов основное различие казахского, с одной стороны, каракалпакского и ногайского, с другой, видел именно в употреблении в последних *л* вместо казахских *д, т*³.

Степень употребления в речи *л* вместо *д, т* в различных говорах юга проявлена по-разному. Наибольшей последовательностью *л* вместо *д, т* отличаются переходные казахские говоры

¹ Жанұзақов Т. Жергілікті тіл ерекшеліктеріне байланысты кісі аттары // ҚД. С. 194.

² Нақысбеков О. Қазақ тілінің ауыспалы... С. 44.

³ Малов С. Е. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966. С. 30.

республик Средней Азии, и особенно Каракалпакки¹ и Узбекистана². А в остальных говорах юга собственно территории Казахстана функционирование *л* вместо *д*, *т* в основном сводится к позиции *л* после носового *ң* основы (см. кар. 18). Поэтому Ж. Досқараев, представлявший позицию этого звукового изменения после указанного носового как единственно возможную в казахских говорах, соответствие *л/д* выделял в виде звукосочетаний *ңд*, *ңл*³. Круг лексики, охватываемой этим соответствием в основной массе южных говоров ограничен. В противовес этому указанные переходные говоры являют собой широкую масштабность охвата языковых фактов; *л* вместо *д*, *т* в говорах данного типа не регламентирован позиционным ограничением, присутствующим, например, остальным казахским южным говорам.

Подлежащие замене *л/д*, *т* как в казахском, так и родственных языках выступают в составе определенной группы аффиксов в качестве их начального согласного. В казахских говорах соответствие это встречается в большей степени в составе аффикса обладания *-лы*, *-лық*, аффикса отыменного глаголообразования *-ла* и в меньшей степени в аффиксе множественности *-лар*.

Вне перечисленных грамматических формантов соответствия *л/д* изредка можно наблюдать в арабо-персидских заимствованиях типа *алла* а. **الله** «бог», *молла* а. **مولا** «мулла», *тіллә-діллә* п. **تاللا** «золото», *аллал* а. **الاحل** «дозволенный», *сәллә-сәлде* п. **الاحل** «чалма, тюрбан», где *л* в подавляющем большинстве говоров и литературном языке переходит в *д*, тогда как он (*л*) на юге сохраняется. Сохранение его благоприятствовало, видимо, обстоятельству, заключающееся в преобладании там *л* над *д* в таких лексических элементах, как *теңле-теңде* «навыючить, уравнивать», *таңла-таңда* «выбирать». Мужские имена, содержащие в своем составе арабо-персидские компоненты типа *Алдаберген*, *Абайділдә//Әбәйділде*, *Сейділдә*, на юге часто употребляются в вариантах *Аллаберген*, *Абайділлә//Әбәйділлә*, *Сейділлә*. Тут не исключена возможность проникновения в казахские говоры юга этих иноязычных лексических элементов через узбекский язык, где те имеют формы, более близкие к языкам-источникам: *оллох*, *мулла*, *тилла*, *халол*, *салла*.

¹ Жүнісов Н. Каракалпак АССР-ының Тактакөпір, Мойнак, Қараөзек аудандарында тұратын қазақтардың тілінде кездесетін фонетикалық ерекшеліктер. // Изв. АН ҚазССР. Сер. общественных наук. Вып. 3. 1965. С. 97; *Его же*. Каракалпак АССР-ында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер // ҚД. С. 250.

² Абдувалиев Ю. Тошкент атрофи козоклари тилига узбек тилининг фонетик таъсири тақиди // Низомий номидаги Тошкент давлат педагогика институтининг илмий асарлар. Ташкент, 1963. Т. 1. Тилшунослик масалалари. С. 492.

³ Досқараев Ж. Кейбір фонетикалық құбылыстар жайында // ҚТДМ. 1963. 5-шығ. С. 144.

Из наиболее ходовых тюркских аффиксов, в составе которых наблюдается соответствие *л/д, т*, в первую очередь назовем аффикс множественного числа. Ибо система парадигмы этого аффикса, как часто встречающегося явления речи, очень доступна для сравнения. Парадигма аффикса множественности по отношению к ее первому согласному против казахских *л, д, т* (*-лар, -тар, -дар*) в узбекском, уйгурском, азербайджанском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, турецком, кумыкском и ряде других языков представлена только в *л*-варианте (*-лар, -ла, -лы, -лык* и т. д.), что в одинаковой степени характерно составу других перечисленных выше аффиксов.

Многовариантность первого согласного в парадигме аффикса множественности мы наблюдаем в киргизском языке и языках севера: хакасском, алтайском, тувинском, якутском, чулым-татарском, шорском, тофаларском. В них многовариантны не только *-лар*, но и другие аффиксы названной группы, что в значительной мере приближает казахский язык к этим родственным языкам.

Позиционное варьирование начального звука упомянутых грамматических формантов в виде *л, д, т* налицо почти во всех казахских говорах «материкового» типа, что проще всего можно продемонстрировать на примере показателя множественного числа, который, за исключением говоров изолированного типа на территориях республик Средней Азии, не допускает замены *д, т* боковым *л*.

Теперь обратите внимание на таблицы, снабженные сравнительными примерами, охватывающими наиболее типичные случаи этого звукового явления (см. табл.).

В таблицах охвачены слова, характеризующие типичные случаи звуковой замены *л/д, т*. Да и нет необходимости подвергать сплошному сравнению с родственными языками весь лексический комплекс, где обнаруживается данная фонетическая примета. Иной раз это представляется просто невозможным ввиду того, что интересующий нас конкретный лексический материал может отсутствовать в языке, привлекаемом к сравнению. Так, широко распространенные в говорах юга слова *маңлайша* «верхний брус дверного косяка», *шаңлақ* «пыльное место», *таңлақ* «пятно, пятнистый», *меңлі* «с родинкой, с родимым пятном», *туңлук* «войлочное перекрытие купола юрты» не вошли в таблицы только по той причине, что они не имеют своих гомогенных лексико-фонетических параллелей в большинстве сопоставляемых языков.

Из всех перечисленных здесь грамматических форм показатель множественного числа во всех казахских говорах, в том числе южных, разумеется, за исключением говоров изолированного типа, обладает исключительной свободой употребления *л* вм. *д, т*. Последовательность функционирования позиционно меняющихся *л, д, т* в составе этого аффикса как типичная и повсеместно распространенная черта фонетической структуры ка-

Сравнительные данные, общие для переходных и большинства южных говоров казахского языка

В переходных и большинстве каз. южных говоров	Ккалп.	Узб.	Туркм.	Уйг.	В большинстве каз. говоров и лит. языке	Значение
тыңла аңла теңле оңла таңла теңлік кеңлік маңлай таңлай мұңлұ шаңлы	тыңла аңла теңле оңла таңла теңлик кеңлик маңлай таңлай мұңлы шаңлы	тингла англа тенгла унгла танла тенглик кенглик манглай танглай мунгли чангли	диңле аңла деңле оңла — деңлик гиңлик маңлай — чаңлы	тинлаш аңла тәңлә оңла талла тәңлик кәңлик маңлай таңлай мунлук чаңлик	тында аңда теңде оңда таңда теңдік кеңдік маңдай таңдай мұңды шаңды	слушай пойми навыучивай наладь выбирай равенство широта лоб небо грустный пыльный

захского языка имела существенное влияние на нормализацию и установление в литературном языке варианта с *д* из фонетических параллелей типа *маңдай//маңлай* «лоб», *оңда//оңла* «чинить, наладить», *меңді//меңлі* «с родимым пятном» и т. д.

**Сравнительные данные,
характеризующие в основном переходные казахские говоры
на территориях республик Средней Азии**

В переходных каз. говорах	Ккалп.	Узб.	Туркм.	В большинстве каз. говоров и лит. языке	Значение
-лар: сізлер кітаптар беглер	сизлер кітаптар беглер	сизлар китоблар беглар	сизлер кітаптар беглер	сіздер кітаптар бектер	вы книги беки
-лы: таслы күмлу атлы жарақлы	таслы күмлы атлы жарақлы	ташли күмли отлик яроғли	дашлы гүмлы атлы ярағлы	тасты күмды [салт] атты жарақты	каменистый песчаный всадник вооруженный
-лық: азатлық сөзлук	азатлық сөзлик	озодлик сузлик	азатлык сөзлук	азаттық сөздік	свобода словарь
-ла: ұйұқла // ұхла сақла демле	уйқыла	ухла	укла	ұйықта	спи
	сақла демле	сақла дамла	сақла демле	сақта демде	храни завари

Взаимозаменяемые *л*, *д*, *т* как в составе показателя множественности, так и в составе других аффиксов в основной массе казахских говоров и литературном языке выступают в качестве позиционных вариантов одной и той же фонемы, которая во многих тюркских языках, как уже было отмечено, представлена в одном единственном фонетическом варианте, т. е. в варианте *л*. И, видимо, на этой основе некоторые исследователи предполагают изначальность *л* в этой звуковой цепи. К. М. Мусаев называет *л* в казахских фонетических параллелях типа *аңла//аңда* «понимать» первичным или просто сохранением древнего *л* в начале аффикса ¹.

Относивший соответствие *л/д* к ярко выраженному звуковому признаку казахских диалектов Н. Т. Сауранбаев, ссылаясь на древние письменные памятники, из этих взаимозаменяющихся первичным тоже считал *л*. В частности, он отмечает, что «употребление *л* после носовых сонорных *ң*, *н* вместо современного *д* является более архаичным. Сочетание *л* с сонорным *ң* отмечено в памятниках VIII—XIV вв. ...в памятнике Кюль-Тегина глагол *тыңда* зафиксирован в форме *тыңла*, как в языке казахов юга и юго-востока. Например, *қатығды тыңла* «внимательно

¹ СИГТЯ. М., 1984. Фонетика. С. 351.

«слушай», в «Кодексе куманикус» глагол *аңда* «понимай» зафиксирован в форме *аңла*. Эти незначительные, но очень характерные формы заставляют предполагать архаичность употребления *л* и новизну *д* в этой позиции¹.» Ж. Доскараев² *л*, заменяющий *д* в составе определенной группы лексики на юге, связывал с признаками древних племенных диалектов, легших в основу языка казахской народности, безоговорочно принимая при этом свойственность *л* текстам орхон-енисейских памятников за его первичность. А процесс перехода *л* в *д* он, имея в виду наличие отдельных слов с *д* вм. распространенного *л* (*аңды* «подстеречь», *ізді* «искать») у М. Кашгарского и в «Кодексе Куманикус», относил к более древним эпохам, т. е. к эпохам, предшествовавшим монгольскому завоеванию. Он небезынтересно полагал, что при Монгольской империи территория Казахстана разделена на улусы Джучи и Чагатая, это обусловило разобщенное существование в течение двух, а то и трех столетий казахских племен, входивших в состав этих улусов. Это обстоятельство в конечном счете привело к тому, что племена, составлявшие Джучиев улус, постепенно стали говорить на *д*-диалекте, а Улус Чагатая — на *л*-диалекте.

При всем этом нам здесь необходимо четко разграничить друг от друга следующие два понятия: понятие о изначальности *л* из этих чередующихся между собой тюркских согласных, о чем говорил Н. Т. Сауранбаев, и понятие о свойственности только одного единственного *л* домонгольскому периоду развития казахских диалектов, что имел в виду Ж. Доскараев. Это разные вещи, так как *л*, употреблявшийся в языке древних тюрков вм. современных *д*, *т*, еще не есть безоговорочное подтверждение тому, что в казахских диалектах первоначально в данной позиции существовал только *л*, а позиционно соответствующие ему *д*, *т* пришли ему на замену в последующие эпохи.

Все многообразие фактов соответствия *л/д, т* в народных говорах, как это нам представляется, нельзя объяснить только с точки зрения сохранения следов древних диалектов или же односторонне применяемой меркой иноязычного влияния. При явном заимствованном характере *л* вм. общеказахского *д* в составе слов типа *сақла-сақт* «хранить», *құллу-құлду* «песчаный» и др. трудно, например, объяснить каракалпакско-узбекско-туркменским влиянием наличие *л* в составе слова *түңлук-түндүк* «войлочное перекрытие на куполе юрты», фонетический вариант которого с *л*, помимо южных и указанных изолированных говоров, широко распространен и в говорах казахов на территориях восточных областей Казахстана (см. кар. 19). Вариант *түңлук* в составе антропонима *Түңлукнай* можно встретить не только на юге и востоке, но и иногда в центральных районах

¹ Сауранбаев Н. Т. Диалекты в современном казахском языке // ВЯ. 1955. № 5. С. 48.

² Досқараев Ж. Кейбір фонетикалық құбылыстар жайында // ҚТДМ. 1963. 5-шығ. С. 146.

республики, о чем красноречиво говорят такие абаевские строки, как:

Қатыны Түңлікбайдың атын Шәріп,
Көрмеген байға жарып сен бір кәріп.
«Ты жена Тунликбая по имени Шарип,
Тебе не пришлось испытать радостей супружеской жизни».

Отсюда и необходимость дифференцированного подхода к каждому из фактов соответствия *л/д*, *т* в народных говорах. Обширность изоглоссы *түңлүк*, особенно присутствие последнего в составе известного в большом диалектном массиве указанного лично-собственного имени, уже предполагает относительную давность здесь истории *л*. И, наоборот, узкая локализация изоглосс фонетических вариантов типа *сақла* вм. *сақта*, *құмлу* вм. *құмдұ* территориями непосредственного соприкосновения с узбеками, каракалпаками и туркменами, типичными носителями рассматриваемой фонетической черты, может быть истолкована с точки зрения иноязычного влияния.

Кроме *түңлүк*, значительной обширностью ареала обладает также фонетический вариант слова *дүүалақ* «дрофа», встречающегося в большинстве диалектных массивов в варианте *дүүадақ*. Вариант с *л* этого слова из соседних языков представлен в каракалпакском языке *тууалақ* // *дууалақ* и некоторых говорах узбекского языка *тувалоқ*. А ногайский, азербайджанский языки и отдельные говоры узбекского языка по отношению к этому слову являют собой несколько иную картину, противоречащую характеру замены *л/д* в них самих, т. е. вместо ожидаемого в положении после гласного *л* мы там обнаруживаем *д*: ног. *дувадақ*, азерб. *довдаг*, узб. *тувдоқ*. По свидетельству Ж. Доскараева¹ это слово морфологически членимо на элементы *дүүа* + *дақ*, где основа *дүүа* тождественна современному казахско-каракалпакскому слову *түйе* «верблюд», которое в других родственных языках выступает в формах: туркм. *түе*, азерб. *дәвә*, уйг. *тога*, кир. *тоо* и т. д., а *-дақ* — аффикс со значением «наподобие, вроде, похожий», имеющий в современных языках также различные фонетические варианты: *-лақ*, *-тақ*, *-дақ* и т. д. Напоминающая одногорбого верблюда внешность степной птицы — дрофа — в ряде тюркских языков в самом деле служила причиной появления данного орнитологического названия.

Из слов с приметой *л*, характерных южным говорам, *теңле* «навьючивать», *Меңлібай* — антропоним от *меңлі* «человек с родинкой» зафиксированы в Агадырском и *аңлы* «подстеречь», *тыңла* «слушать» в Шетском районах Джезказганской области, что можно объяснить более тесной традиционной связью этого региона Казахстана с его югом. Наблюдается также относительная обширность географии у слова *теңлік* «равенство», зафикси-

¹ Доскараев Ж. Кейбір фонетикалық құбылыстар... . С. 144.

рованного в отдельных районах восточной части Казахстана, аборигены которой некогда находились в контакте с уйгурами.

Из множества перечисленных выше лексических элементов с соответствием *л/д, т* только единицы типа *туңлук, дууалақ* в силу обширности их ареала могут быть рассмотрены в качестве фактов, олицетворяющих более архаичную фонетическую приему языка древних этнических компонентов, частью входивших в состав казахского объединения племен. Судя по всему, подобные компоненты в объединении представляли этническое меньшинство, которое впоследствии, оставив за собой лишь некоторые следы своего языка как память о себе, растворилось в гуще племен, видимо, уже тогда говоривших на диалекте с различием в соответствующих позициях слова *л, д, т*. Сохранению *л* в единичных лексических элементах на значительной территории севера и востока Казахстана в определенной мере способствовал также фактор сохранения и функционирования этой приметы в южных говорах (см. кар. 19).

Помимо изолированных говоров республик Средней Азии, где самоочевиден заимствованный характер рассматриваемой звуковой замены, функционирование последней на протяжении всей обширной полосы юга республики нами тоже рассматривается в связи с влиянием родственных языков, прежде всего узбекского и отчасти уйгурского, с носителями которых казахи края в силу своего географического положения как в плане историческом, так и в настоящем находились и находятся в состоянии контакта. С. Аманжолов частую замену *д* согласным *л* в южном диалекте также связывал с близостью последнего к узбекскому и уйгурскому языкам¹.

В период образования Монгольской империи юг современного Казахстана вошел в удел Чагатая², где казахские племена вместе с кочевыми узбеками в XV в. составляли основной остов тюркоязычных аборигенов восточной части этой территории³. И в последующих эпохах при Казахском ханстве население юга не прервало свою прежнюю связь с узбеками. Южные казахи в средние века находились в близком торговом и культурно-просветительном сношении с древними городами Средней Азии — Бухарой, Самаркандом, Хивой и др. В XVIII—XIX вв. территория Семиречья, Каратауских нагорий и земли по среднему и нижнему течению Сырдарьи были подвластными кокандским узбекам. Весь этот край с казахским населением, включая часть современной Узбекской республики, с середины прошлого столетия вплоть до революции существовал в составе единого административно-территориального деления, сначала носившего на-

¹ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С. 240.

² Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 145, 212.

³ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958. С. 16, 35; Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С. 95, 227.

звание Туркестанское генерал-губернаторство, а затем Сырдарьинская область. Словом, юг Казахстана, чем его степные районы, всегда поддерживал связь с узбеками, поэтому неслучайно, что на юге больше лингвистических черт, сходных с узбекским языком, чем в говорах казахов других регионов.

Орхоно-енисейская письменность тюрков не знала *д*, *т*, функционирующих ныне в м. *л* в значительной части современных языков; *л* в м. *д*, *т* широко распространен не только в ней, но и во всех тюркских памятниках последующих эпох. Средневековый исследователь Махмуд Кашгарский, особо обративший внимание на сравнительные данные тюркских языков в своем «Диване», приводит лишь единичные примеры на случай употребления *д* в м. *л*: *ақыңды сув* «стремительно текущая речка», *оқта* «стрелять»¹ и т. д. Среднеазиатская чагатайская литература при изобилии там *л* указанные дентальные употребляла только в редких случаях. В словаре языка среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., составленном А. К. Боровковым, мы находим несколько отыменных образований типа *истә* «искать», *үндә* «подавать голос»². Последнее слово в «Тюрко-арабском словаре XIII в.», относящемся к группе кыпчакских памятников, тоже представлено через *д* против последовательно употребляющегося в словаре в м. него *л*³. А. М. Щербак в качестве аффикса глаголообразования, встречающегося в староузбекских памятниках, наряду с *-ла* (*-лә*) приводит его вариант *-да* (*-дә*), проиллюстрировав последний примерами *үндәдәм* «я позвал», *қолдады* «он повел», *йолдады* «он направился»⁴. Подобные случаи, конечно, не могут заслонить такой бесспорный факт, который состоит в системном употреблении в текстах древних памятников *л* в м. соответствующих ему позиционных вариантов *д*, *т*.

Признание первичности *л* из данной звуковой цепи Н. Т. Сауранбаевым и Ж. Доскараевым, как раз и основывалось на факте, состоящем в широком представлении этой фонетической черты в текстах древних памятников. И действительно, нет сомнений в том, что *д*, *т*, соответствующие согласному *л*, являются следствием позиционного изменения последнего. Однако отсутствие *д*, *т*, заменяющих *л* в древних надписях, еще не значит, что в тюркских языках и диалектах в длительный период их существования, предшествовавший орхоно-енисейской эпитафии, рассматриваемое фонетическое явление совсем не имело места.

Помимо народной речи известны также частичные случаи употребления *л* в м. *д*, *т* в письменно-литературном языке, получившем значительное распространение в прошлом столетии и

¹ Девону луготит турк. Индекс-лугот. Ташкент, 1967. С. 419, 454.

² Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963. С. 120, 339.

³ Курьшижанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата, 1970. С. 213.

⁴ Щербак М. А. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962. С. 184.

именуемым некоторыми исследователями языком книжным¹, который в казахской среде сформировался на основе среднеазиатской литературной традиции, а затем, с оживлением книгоиздательского дела в г. Казани, стал интенсивно подвергаться влиянию татарского языка. Наряду с унаследованными от языка-предшественника среднеазиатскими литературными чертами, впитавший в себя татарские элементы этот язык в своей основе, безусловно, оставался казахским, обслуживая при этом более или менее значительный круг казахского населения, главным образом его грамотные слои. Подобно тюркским литературным языкам того времени этот письменный язык в качестве заметных признаков тоже носил на себе следы арабо-иранского влияния. Особенно сильно проявлялось подражание среднеазиатской и татарской литературным традициям и стремление к неразборчивому введению иноязычной лексики в его непозитическую разновидность². А что конкретно касается соответствия смычных *д*, *т* латеральному *л*, то надо сказать, что эта примета своим вторжением, имевшим место в исключительно редких случаях, в тексты литературных образцов названного языка обязана просто соблюдению там канонов вышеназванных литературно-письменных традиций.

б) Смычные *д*, *т* вместо латерального *л*

Обратную картину звуковой замены *л/д*, *т*, т. е. противоположную той, которая была описана до этого, мы наблюдаем на востоке территории расселения казахов, включающей в себя, кроме расположения восточных областей Казахстана, Кошагачский район Горно-Алтайской области и Баянүлгийский аймак Монгольской народной республики. Данная разновидность соответствия указанных согласных заключается в употреблении в определенной позиции слова дентального *д* вм. латерального *л* в отличие от основной массы казахских говоров и литературного языка. В частности, слова типа *солар* «тог, те», *сөйле* «говорить», *ойлу-қырлы* «пересеченный, неровный (о местности)», *батырлық* «храбрость», *ыйлан* «верить», в доминирующей части казахских говоров и литературном языке имеющие форму произношения через *л*, в речи казахов названного диалектного региона произносятся в виде *содар*, *сөйдө*, *ойдү-қырды*, *батырдык*, *ыйдан*, т. е. через *д* (см. кар. 20).

Впервые слова с подобной фонетической приметой были зафиксированы В. В. Радловым (1870 г.) в «Образцах народной литературы тюркских племен...» Так, слово *зордүк* «насилие»

¹ *Кұрышжанов Ә.* Кітаби тіл материалдарынан // ҚТДМ. 1960. Вып. 2. С. 72; *Сыздықова Р.* Абай шығармаларының тілі. Алматы. 1968. С. 29.

² *Өмірәлиев К.* Қазақ тілінің тарихын қай тұрғыдан зерттеу керек // Қазақстан мектебі. 1963. № 4. С. 81; *Әбілқасымов Б.* ХІХ ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі. Алматы, 1982. С. 17.

(вм. зорлұқ) в третьем томе «Образцов»¹ в нескольких местах передается в варианте с *д*:

...әділ болды, кісіге зұлма қылмады, зордұқ қылмады (с. 65) «...был справедливым, людям не причинял зла, не применял насилия». Жұртүмұзда ұрлұқ, өтүрүк, зордұқ жоқ еді (с. 66) «Среди нашего народа не было [случаев] воровства, лжи, насилия». Анау үшөуу зордұқ қылса, мұнұ өлтүрүндер (с. 88) «Если те трое будут применять силу, то этого убейте».

Слово *сіңді* «младшая сестра» в тех же текстах мы встречаем в форме *сіңді*: Артында апасы жоқ, сіңдісі жоқ қысыңды жалғызыма неге бердің (с. 21). «Зачем выдали замуж за моего единственного сына вашу дочь, у которой нет ни старшей, ни младшей сестры».

В тексты литературных произведений указанные слова попали не случайно: территория тогдашней Семипалатинской области и местности по окрестности Бухгармы, что на востоке Казахстана, оказалась одним из краев насыщенного сбора фольклорных материалов В. В. Радловым².

Весьма богаты также словами, иллюстрирующими разновидность звукового соответствия *л/д*, казахские литературные тексты, которые включает «Турецкая хрестоматия»³, составленная и обнародованная И. Березиным в 1890 г. Судя по характеру языковых материалов, нетрудно определить, что тексты, где присутствует интересующая нас звуковая особенность, записаны изуст типичных носителей диалектных черт, свойственных восточной ветви казахских говоров. К подобным чертам, кроме самого *д*, функционирующего вместо *л*, мы относим ряд сопутствующих этому признаков наподобие аффрикат *дж*, *ч*, которые в текстах четко выделяются своим последовательным соответствием спiranтам *ж*, *ш* в различных позициях слова, в особенности в анлауте. Теперь обратите внимание на следующие выдержки из текстов: *Өзүнүң әр түрдү* (вм. *әр түрлү*) *бақшадары* (вм. *бақшалары*) *бар екен* (с. 173) «У него были разнообразные сады». *Оңү семіртіп төрөдер* (вм. *төрөлер*) *джейді екен* «Откормив ее, питались ею вельможи». *Бұл... кісідер...* (вм. *кісілер*) *қанча алтын-күмүс керек болса берейік [деді]* (с. 175) «Эти люди сказали: сколько золота и серебра надо, столько и дадим». *Рүумнүң ақ сүйөк төрөдері* (вм. *төрөлері*) (с. 176) «Вельможи-сановники Византии».

Из ранних сведений, подтверждающих наличие этой разновидности звуковой замены *л/д* в языке восточных казахов укажем на слово *тұуұрдұқ* «войлочное покрытие остова юрты» и казахский этноним *көзжарды*, которые записаны А. Н. Самойло-

¹ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб, 1870. Ч. 3. Киргизское наречие (страницы, откуда взяты примеры, указываются после примеров).

² Там же.

³ Турецкая хрестоматия, составленная профессором С.-Петербургского университета И. Березиным. СПб., 1890. Т. 3.

вичем¹ в варианте с *д* в его статье о кошагачских казахах, специально не преследующей диалектологической цели. Между тем ясно, что названная деталь юрты во всех уголках республики, разумеется, за исключением ее востока, имеет форму, произносимую только через *л*: *тууурлуқ*, а указанный этноним в других источниках фигурирует в виде *көкжарлы*².

Начиная с данных экспедиции Казахстанского филиала АН СССР, произведшей в 1939 г. первую специальную запись диалектных особенностей речи местных жителей восточного Казахстана, рассматриваемое фонетическое различие встречается буквально во всех диалектологических материалах, собранных в том же регионе в последующие годы, а также в публикациях и исследованиях диалектологов Ж. Досқараева³, Ж. Болатова⁴, Бухатын Базылхан⁵ и др.

Звуковая замена типа *л < д* в восточных казахских говорах встречается в составе тех же аффиксальных морфем, которые отмечены в предыдущем разделе. Располагая всеми данными, которые представлены в известных нам диалектологических работах, насчет описываемой разновидности соответствия *л/д*, мы можем выделить следующие группы слов, в составе которых знакомые уже нам категории аффиксов чаще всего подвергаются рассматриваемому фонетическому изменению:

1. Случаи, характеризующие замену *л* дентальным *д* в показателе множественного числа: *ағадар* «старшие братья», *інідер* «младшие братья», *ойдар* «низменности», *қырдар* «возвышенности», *үйдер* «дома», *таудар* «горы», *атардар* «отары овец», *одар* «они», *содар* «те», *бұдар* «эти» и др. Известно, что в основной части казахских говоров, а также в литературном языке в положении после гласных и согласных *р, у, й* показатель множественности выступает в варианте *-лар*. Соответственно перечисленные слова во множественном числе там имеют форму звучания: *інілер, ағалар, ойлар, қырлар, үйлер, таулар, отарлар, олар, солар, бұлар*.

2. Замена *л* дентальным *д* в составе аффикса глаголообразования *-ла*: *терде* «потеть», *ійде* «месить, выделывать кожу», *бір-бірдеп* «по одиночке, по одному», *өрдө* «подниматься», *бійде* «танцевать», *айғайда* «кричать», *үрдө* «дуть», *үйдөн* «жениться», *айдан* «кружиться», *ыйдан* «верить». Эти слова с данным аффик-

¹ *Самойлович А. Н.* Казаки Кошагачского аймака Ойротской автономной области // Казаки: Сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Л. 1930. С. 303.

² *Маргуланов А. Найманы.* В том же сборнике. С. 330; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. С. 46.

³ *Досқараев Ж., Мұсабаев Ф.* Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері. Алматы, 1951. 1-бөлім. С. 45.

⁴ *Болатов Ж.* Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. Фрунзе, 1970. С. 42; *Его же.* Шығыс Қазақстан облысы Большенарым селолық ауданында тұратын қазақтар тіліндегі жергілікті ерекшеліктер туралы // КТДМ. 1963. 5-шығ. С. 177.

⁵ *Бухатын Базылхан.* Монғолияда тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір жергілікті ерекшеліктер // ҚД. С. 34.

сом во всех говорах, кроме восточных, и в литературной речи звучат в форме: *терле, ййле, бір-бірлен, өрлө, бййле, айғайла, үрле, уйлен, айлан//айнал, ыйлан*.

3. Замена *л/д* в составе аффикса обладания *-лы*. Вместо общепотребительных *қарлы* «снежный», *сорлұ* «убогий», *таулы* «гористый», *жамаулұ* «заплатанный», *жазулұ* «написанный», *байлаулұ* «привязанный», *неғұрлұм...*, *соғұрлұм...* «по мере того как» носители восточных говоров говорят *қарды, сордұ, таудұ, джамаудұ, джазуудұ, байдаудұ, неғұрдым...*, *соғұрдұм*.

Вариант с дентальным *д* этого аффикса сохраняется и в лично-собственных именах *Нүрдүбек, Сырдыбай, Сабырды, Қайырды* и т. д., функционирующих во многих говорах в варианте *Нүрлүбек, Сырлыбай, Сабырлы, Қайырлы*. В этой связи также обращает на себя внимание название одноименной горы и реки на востоке Казахстана Аюды (Айүүдү), в звуковом составе которого мы тоже имеем дело с соответствием латерального *л* смычному *д* в положении после сонорного *у*: *Айүүдү//Айүүлү*. Местность получила название от слова *аю (айу)* «медведь», *Аюды* — это значит «медвежий». Образование топонимов от названия представителей местной фауны путем прибавления к названию-основе аффикса обладания — одна из характерных моделей в казахской топонимике. Указанный топоним, кроме восточной части республики, встречается и в Центральном Казахстане, но там его звуковой состав, подвергаясь рассматриваемой фонетической закономерности, приобретает форму *Айүүлү*. Известна, например, под этим названием река Аюлы на юге Карагандинской области, а в Каркаралинском оазисе, что тоже на территории этой области, небольшая лесистая гора носит название Аюлы. Примечательно то, что здесь мы являемся свидетелями поразительного совпадения ареала Аюды с ареалом тех казахских говоров, которые отличаются преимущественным употреблением *д* вм. *л* в инлауте. Масса географических объектов на территории республики представлена названиями типа *Бұғыты, Ырғайты*, где *-ты* не что иное как вариант аффикса обладания, который А. Искаков считает формой более древней¹.

4. Употребление аффикса *-лық* в варианте *-дық*: *ауүрдүқ* «тяжесть», *қордүқ* «унижение», *бір литрдік* «литровый», *денсаудүқ* «здоровье», *кедейдік* «бедность» вместо общераспространенных *ауүрлүқ, қорлүқ, бір литрлік, денсаулүқ, кедейлік*.

5. Известно, что замена *л/д* как явление, свойственное начальному согласному определенной группы аффиксов, в казахских говорах происходит на стыке морфем. Отклонение от этого правила бывает только тогда, когда этому фонетическому изменению подвергаются звуковые элементы в словах иноязычного происхождения. Обычно у последних к подобному изменению больше склонны те элементы, которые акустически созвучны с теми или иными тюркскими аффиксами указанной группы. На-

¹ Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі: Морфология. Алматы, 1964. С. 246.

пример, в словах *даудет* а. **دولة** «богатство, состояние», *аудие* а. **اوليا** «святой» и антропонимах *Бағдаудет* (*бәхт-даулет*) а. **بعت** «счастье», *Файзолда* (*фаузаллаһ*) а. **فاتر** «победитель» — а. **الله** «бог», *Қайролда* (*хаир-аллаһ*) а.

خير «благодетель» л в говорах восточной части республики заменяется дентальным **д**.

Слова с разновидностью звуковой замены типа *д/л* в наибольшем количестве представлены на перифериях расположения восточных говоров казахского языка, куда мы прежде всего относим говоры за пределами республики: говор казахов Кошагачского района Горно-Алтайской автономной области¹ и говор казахов Баянкульгыйского аймака МНР².

Западный склон Алтая, Зайсанская котловина и верховья реки Иртыш с древнейших времен были основным местом обитания тюркских племен найманов и кереев³. Под натиском чингисханских полчищ значительная часть этих племен в XIII в. вынуждена была передвинуться из Алтая на запад в район Аральского моря и Сыр-Дарьи⁴, где принимала участие в этническом процессе перераспределения и консолидации ряда тюркоязычных племен и народов Средней Азии и средневекового Казахстана. Основная масса найманов и кереев, оставшаяся на своем древнем месте пребывания, впоследствии в качестве крупных этнических компонентов вошла в состав тюркского союза племен, преобразованного потом в казахскую народность. Поэтому этих древних племен с незначительной частью племени уак и поныне живут там, где прежде жили их предки, и относят себя к казахскому объединению племен Среднего жуза, представляя собой в языковом отношении восточную ветвь казахских народных говоров.

В те далекие времена, наверное, еще задолго до формирования казахского союза племен, близкими соседями найманов и кереев на Алтае наряду с другими тюрко-монгольскими племенами были енисейские киргизы — непосредственные предки современных киргизов. Поэтому не случайно, что рассматриваемая разновидность соответствия *л/д* в языке казахов свою полную аналогию находит в киргизском языке, хотя место расположения восточных казахов от территории современной Киргизии отделено довольно внушительным географическим пространством. Только на основе исторических данных, свидетельствующих о

¹ *Болатов Ж.* Кошағаш қазақтарының тіліндегі жергілікті ерекшеліктер //КТДМ. 4-шығ. 1962. С. 53; *Коновалов А. В.* Казах южного Алтая. Алма-Ата, 1986.

² *Бухатын Базылхан.* Указ. статья. С. 34.

³ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 8, 70, 129.

⁴ *Муканов М. С.* Указ. соч. С. 30, 44.

имевшем место в прошлом языковом контакте носителей этих говоров с киргизами, можно объяснить существование данного фонетического признака в речи первых. С тамошними казахами киргизы в близком соседстве жили, по-видимому, вплоть до передвижения их последней массы на Тянь-Шань, т. е. на один из обжитых ими с древнейших времен районов на юге Средней Азии¹. Заметим, киргизы на Енисее были известны еще в XVII в.² Что касается языка киргизов, то надо сказать, что употребление *д* в упомянутой позиции вместо общеказахского *л* является одной из характерных черт киргизской фонетики. Поэтому предполагается, что этот вид звуковой замены суть следствие казахско-киргизского древнего языкового контакта, и, разумеется, ареал его распространения в казахских говорах древнее, чем ареал обратного типа этой замены, т. е. *л/д*.

Теперь обратим внимание на следующие сравнительные данные:

В восточных каз. говорах	Кир.	В основной массе каз. говоров и лит. языке	Значение
1	2	3	4
терде өрдө корда урда дайардан нурдуу сырды кадырды төрдө	терде өрдө кордо уурда даярдан нурдуу сырдуу кадырдуу төрдө	терле өрле корла урла дайарлан нурлуу сырлы кадірлі төрле	потеть поднимись унижай кради готовься лучезарный крашенный почитаемый занять почетное место терпеливый мл. сестра разный добрый воровство насилие унижение тяжесть храбрость все войлочное покрытие юрты
сабырды сінді түрду қайырды үрдүк зордүк кордүк ауүрдүк батырдык бардык тууүрдүк	сабырдуу сінди түрдуу қайырдуу уурдук зордук кордук оордук батырдык бардык туурдук	сабырлы сінлі түрлу қайырлы үрлүк зорлүк қорлүк ауүрлүк батырлық барлық тууүрлүк	

В таблице, как это нетрудно заметить, делается сравнение с киргизским языком всех перечисленных выше аффиксов за исключением одного — аффикса множественности. Из всех аффиксов, составу которых свойственна рассматриваемая разно-

¹ Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961.

² История Сибири. Л., 1968. Т. 1. Древняя Сибирь. С. 303.

видность замены *л/д, т*, он стоит несколько особняком. Как вариант замены *л*, так и вариант с начальным *д* этого грамматического форманта имеется во всех тюркских языках, где ассимиляция согласных на стыке морфем выражена более четко. Таковым, например, является киргизский, якутский, тувинский и ряд других языков, в том числе и казахский (имеется в виду его литературная форма и основная масса говоров). В этих языках показатель множественного числа в зависимости от его занимаемой позиции реализуется одновременно как в варианте с *л*, так и в варианте с другими согласными. В этом отношении восточные казахские говоры, особенно в их составе подговоры изолированного типа, проявляют иную закономерность, целиком отрицающую функцию латерального согласного в начале морфологического показателя множественности. Так, по сведениям Ж. Болатова в языке кошагачских казахов этот аффикс встречается только в форме *-дар, -дер, -тар, -тер: атадар «отцы» бийедер «кобылы», байдар «богачи, богатые», үйдер «дома»*¹. Бухатын Базылхан отмечает, что казахи МНР аффикс множественности после гласных употребляют не в варианте *-лар, -лер, а -дар, -дер: одар «они», қойчудар «чабаны»*².

Трудно сказать, как обстоит дело с данным аффиксом в диалектах киргизского языка, но ясно, что в его литературной форме аффикс множественного числа после гласных имеет форму с начальным *л: аталар «отцы», кишилер «люди»*.

С несколько похожей картиной, которая имеет место с показателем множественного числа в наших говорах, мы сталкиваемся в якутском языке. У Е. И. Убрятовой в ее исследовании по якутским диалектам³ мы встречаем примеры, приведенные ею на соответствие *д/л: баайдар «богачи, богатые», үөрдөр «стада»*, где показатель множественности в варианте с *д (-дар, -дөр)* следует после сонорных, а в восточных казахских говорах изолированного типа *д* не только в составе данного аффикса, а всех рассмотренных выше аффиксов в одинаковой степени употребляется как после гласных, так и после сонорных *р, й, у: эр түрдү «разнообразный», таудар «горы», ийде «месить, выделывать кожу»*. Переход бокового *л* в смычный *д* в указанных примерах из якутского языка Е. И. Убрятова считает следствием диссимилирующего влияния сонорных *р* и *й*. Здесь общность этого фонетического явления с якутским языком налицо, что не может быть объяснено, конечно, лишь на основе позднейших межъязыковых контактов без ссылки на историю развития и изменения начального согласного в составе упомянутой группы грамматических формантов.

В отношении изучения истории этого фонетического явления

¹ Болатов Ж. Восточная группа говоров казахского языка. С. 46.

² Бухатын Базылхан. Указ. статья. С. 48.

³ Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960. С. 93.

зесьма показательны предположения ученых, высказанные ими по поводу этимологии аффикса множественности.

Г. И. Рамстедт выводит тюркский аффикс *-лар* из монгольского *-нар*, который в древнетюркском языке как показатель множественного числа применялся только к лицам (людям), «но в языках более позднего происхождения повсюду (за исключением однако, чувашского) был обобщен в качестве окончания множественного числа всех имен»¹. Кстати, подобный фонетический вариант этого аффикса встречается в некоторых современных тюркских языках, где на стыке морфем соблюдается носовая гармония согласных: шор. *уннер* «голоса», тув. *номнар* «книги», якут. *дьоннар* «люди», чулым. *тынгнар* «белки», хак. *тоңнер* «холмы», *хозаннар* «зайцы» и т. д. А. М. Щербак приводит обратные факты, свидетельствующие о возможности заимствования монгольского аффикса множественного числа *-нар* из тюркских языков².

В. Котвич не только показатель множественности, но и все отмеченные нами в связи с заменой *л/д, т* аффиксы (т. е. *-ла, -лы, -лык*) возводит к тюркскому *-лығ, -лиг* со значением «владеющий чем-нибудь, имеющий что-нибудь, снабженный чем-нибудь», который в свою очередь, по его мнению, возник из тунгусского *л*, до сих пор являющегося признаком множественного числа³. Следовательно, за исходный пункт ученый берет *л*. Б. А. Серебренников и некоторые другие исследователи придерживаются первоначальности в истории этой формы варианта *-ла*, развитого из глаголообразующего аффикса *-ла* и ныне функционирующего в качестве самостоятельного показателя множественного числа в карачаево-балкарском языке, в диалектах туркменского, узбекского и ряда других языков: карач.-балк. *джолла* «до-роги», *ташла* «камни»⁴.

История этой формы интересовала и ряд других ученых. Несмотря на существование на этот счет разных взглядов мы не видим довода, мешающего признать первичность *л* в составе данного аффикса. Факты современных тюркских языков и их письменная история говорят за признание *л* изначальным. Ибо вариант с *л* является общим⁵, а для многих тюркских языков даже единственным вариантом аффикса множественности. Все остальные согласные (т. е. *д, т, н, з*), соответствующие в определенном положении слова боковому *л* в составе аффикса, появились позже в результате позиционного преобразования *л*. То же самое надо сказать применительно к истории указанных со-

¹ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. С. 59.

² Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977. С. 84.

³ Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962. С. 109.

⁴ Серебренников Б. А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-лар* в тюркских языках // СТ. 1970. № 1. С. 51.

⁵ Ряснян М. Указ. соч. С. 190.

гласных в составе тех аффиксов, которые наряду с *-лар* были привлечены здесь для характеристики фонетического соответствия *л/д, т*.

* * *

Насчет ареала распространения обоих разновидностей противопоставления *л/д, т* необходимо обратить внимание на следующие общего характера замечания.

В казахских диалектах выше мы различали два типа этого звукового противопоставления. Для удобства первый из них можно назвать переходом *д, т* в латеральный *л* (*тыңла* вм. *тыңда* «слушать»), а другой — переходом *л* в смычные *д, т* (*сіңді* вм. *сіңлі* «младшая сестра»).

Соответственно величине территории распространения слова с первым типом рассматриваемого звукового изменения можно разделить на две условные группы.

В первую группу входят те слова, у которых изоглоссы охватывают более обширный географический ареал.

Если провести линию с территории Узбекистана и Каракалпакин, выбрав последнюю в качестве исходного пункта, то мы окажемся свидетелями того, что изоглоссы слов данной группы покрывают все основные районы расселения казахов в этих республиках, а затем они распространяются на юго-восток Казахстана, охватывая при этом на западе территорию Кызыл-Ординской области, а на востоке Талды-Курганской. Но слова подобного типа в наших говорах малочисленны. Сюда мы относим ряд слов с соответствием *л/д* в позиции после носового *ң*: *таңдай* (вм. *таңдай*) «нёбо», *өңлү* (*өңдү*) «симпатичный» и т. д. Лишь в единичных случаях изоглоссы слов с *л*, относящихся к данной группе, можно обнаружить в отдельных районах Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей. Среди подобных слов следует особо подчеркнуть *туңдук* (вм. *туңдук*) «войлочное покрытие купола юрты», кроме юга и востока республики, фонетический вариант которого с *л* встречается на севере озера Балхаш, что в центральном Казахстане.

Вторая группа от предыдущей группы отличается тем, что круг слов, охватываемый ею, гораздо шире и богат как по своему объему, так и по позиции, в которой она встречается. Хотя заметим, ареал распространения слов, рассматриваемых в рамках этой группы, обратно пропорционален такому изобилию и разнообразию языковых фактов. Изоглоссы подвергнутых сплошному лингвогеографическому обследованию слов здесь преимущественно локализируются территориями тех районов среднеазиатских наших соседей, где имеется казахское население в качестве одного из основных жителей края. Только изоглоссы немногих из этих слов, охватывая прилегающие к этим территориям районы, едва переходят в пределы южных областей Казахстана. Поэтому слова, относящиеся к этой группе, согласно характеру их изоглосс мы называем словами с узколокальным

ареалом, а слова, входящие в первую группу, с широколокальным ареалом.

Слова с узколокальным ареалом представлены в составе всех перечисленных аффиксов, в числе которых следует особо выделить соответствие этих согласных в составе аффикса множественного числа. Случаи перехода *д*, *т* в *л* в составе данного аффикса вовсе не зафиксированы ни в одном из говоров «материкового» типа, кроме говоров, находящихся в непосредственной близости к территориям республик Средней Азии. Примеры: *сенлер* вм. *сендер* «вы», *бізлер* вм. *біздер* «мы». Применительно к позиции употребления этого вида соответствия можно сказать, что оно (*д*, *т/л*) отмечено здесь не только после носового *н*, как это имеет место в словах первой группы, а после любого согласного. Например: *құмлы* вм. *құмды* «песчаный», *жүзлеп* вм. *жүздеп* «сотнями».

Судя по характеру изоглосс, нетрудно убедиться в том, что этот вид соответствия в языке казахов названных территорий возник в результате каракалпакского, узбекского и туркменского языкового влияния.

В силу географического положения казахи, живущие в республиках Средней Азии и на прилегающих к ним территориях, в своей языковой деятельности испытывали прежде и, безусловно, испытывают в настоящем глубокое влияние ряда родственных языков региона, чем и определяется своеобразие их говоров по отношению к говорам юго-востока Казахстана. Для этого достаточно сослаться на такой любопытный факт, что говоры казахов Красноводской области Туркменистана как в территориальном, так и родоплеменном отношении относятся к западной группе говоров, где замена срединного *л* смычными согласными, как правило, исключена. Однако иногда можно наблюдать просачивание элементов этой замены из туркменского языка в местную речь казахских жителей края, о чем свидетельствует следующая выдержка из газеты, издающейся на казахском языке в Бекдаше, на территории названной области: Олардың мәдени-тұрмыстық әл-ауқатының есуіне ең алдымен *бекдашлық* (нем. *бекдаштық*) құрылысшылардың қосқан үлесі тау-төбе. «Значителен весом вклад, внесенный бекдашевскими строителями в удовлетворение культурно-бытовых нужд рабочих» («Жұмысшы», 1976, 7 августа).

Отличие слов указанных двух групп друг от друга заключается в том, что слова, входящие в первую группу, претерпели данное изменение гораздо раньше, чем слова второй группы. И только этим обстоятельством может быть объяснен обширный ареал их распространения. А слова второй группы как слова, подвергнутые звуковому изменению позже, в отношении своего ареала, наоборот, проявляют узкую локализованность. Примечательно то, что на востоке территории расселения казахов распространены еще другой тип соответствия указанных согласных, который мы выше именовали условно вторым типом соответст-

вия *д/л*. Здесь описанное соответствие согласных переходит в свою обратную противоположность, т. е. *д* переходит не в *л*, как это имело место с говорами среднеазиатского диалектного ландшафта, а, наоборот, *л* переходит в *д*. Значительное количество слов, которое во всех казахских говорах произносится в варианте *л*, в говорах востока обладает вариантом *д*. Так, слова типа *турлу* «разный», *терле* «потеть» произносятся в виде *турду*, *терде*.

Итак, вышесказанное можно резюмировать вкратце в нескольких словах:

1. Географический ареал первого типа, т. е. перехода *д, т* в *л*, охватывает весьма обширный диалектный массив казахского языка. А конкретно: все говоры казахского населения республик Средней Азии и прилегающих к ним районов Казахстана, а также говоры, расположенные на юге и юго-востоке казахской республики.

2. Географический ареал второго типа, т. е. перехода *л* в *д*, отмечен на территориях Восточно-Казахстанской и отчасти Семипалатинской областей. К этому ареалу также примыкают сопредельные с востоком республики говоры казахов, проживающих в Кошагацком районе Горно-Алтайской автономной области и в Монгольской народной республике, где тоже сосредоточена большая масса казахского населения, принадлежащая к племенам найман и керей.

3. Частотность употребления в языке как первого, так и второго типа соответствия в каждом из ареалов неодинакова. Так, конкретные лексические элементы, характеризующие первый тип, на протяжении названного ареала встречаются далеко неравномерно. Переход *д, т* в *л* в говорах казахов Узбекистана, Каракалпакии и Туркмении охватывает значительно большую круг лексики, но этого нельзя сказать применительно к говорам юго-востока Казахстана, где данный вид соответствия представлен незначительным количеством слов.

4. Все данные, характеризующие переход *д, т* в *л*, почти без исключения перекликаются с данными узбекского, каракалпакского и туркменского языков. И известно, что переход *д, т* в *л* является характерной чертой этих же языков. Поэтому есть основание считать подавляющую часть случаев употребления этого вида соответствия результатом контакта с названными языками, имевшим место в более поздний период. Соответственно и ареал этого типа поздний. А что касается случаев употребления *л* после носового *н*, то надо сказать, что материалы, характеризующие их, ввиду обширности ареала не могут быть рассмотрены в качестве заимствованного элемента.

5. Фонетические варианты слов, характеризующие второй тип соответствия, т. е. перехода *л* в смычный *д*, в системе тюркских языков находят свою полную аналогию в киргизском, хотя место обитания восточных казахов от Киргизии отделено внушительным географическим пространством. В историческом прошлом киргизы с носителями названных казахских говоров

жили в непосредственном соседстве вплоть до XVI в. (Здесь имеются в виду енисейские киргизы). Поэтому предполагается, что последний вид перехода звуков суть следствие казахско-киргизского древнего языкового контакта, и ареал соответственно древний. А что касается киргизского языка, то следует сказать, что употребление *д* в упомянутых позициях вместо *л* является одной из характерных черт его фонетики.

5. Спиранты в различных позициях слова

Одной из основных фонетических примет, отличающих казахский язык в числе других тюркских языков, принято считать такое фонетическое явление, которое заключается в употреблении *с* вместо *ш*. Для ясного представления данного фонетического явления достаточно напомнить, что числительное *бес* «пять» казахского языка в уйгурском, туркменском произносится *баш*, в азербайджанском, турецком, гагаузском, кумыкском, киргизском, узбекском и языке крымских татар — *беш*, в башкирском, татарском — *биш* (см. кар. 21).

Если, исключив литературный язык, обратиться к диалектологическим материалам, то можно заметить непостоянство в функционировании *с*, замену его вопреки фонетическим закономерностям казахского языка согласным *ш*. Например, вместо *мошқал* «пожилой», *мосы*, «треножник», *ұйқас* «рифма», *сері* «рыцарь» употребляется *мошқал*, *ұйқаш*, *шері*, что характерно для речи казахов, соседствующих на юге с узбеками, туркменами, уйгурами и киргизами, на западе — с татарами и башкирами. Поэтому разумно диалектный материал, имеющий отношение к упомянутому явлению, рассматривать соотносительно с фактами соседних родственных языков. Тогда как в казахских говорах, территориально отдаленных от названных тюркских языков, слова с вариацией на *ш* отсутствуют. В этом убеждают нас сравнительные данные языка казахов, живущих по соседству с тюркскими народами Средней Азии (см. табл.). Из числа слов, зафиксированных в речи казахов внутренних районов Средней Азии, а также прилегающих к последней территорий Казахстана, мы в таблице привели только те слова, которые соответствуют лексическим данным узбекского, туркменского и киргизского языков. Несомненно, основную массу слов с заменой *с/ш* составляют именно эти слова. Но тем не менее следует заметить, что кроме них в казахском языке наличествуют и другие слова с данным звуковым признаком, бытующие вне названных территорий.

То, что в казахских говорах западных и центрально-северных областей республики слова *ұқшаш//оқшаш//ұқсас* «похожий», *тұрмұш//тұрмұс* «быт», *ауұшқан//ауұсқан* «умалишенный», *мышық//мысық* «кошка», *шайқымазақ//сайқымазақ* «шутник», *машқара//масқара* «кошмар», *мәш//мәсі* «ничиги», *оқұмыш//оқұмыс* «ученый», *қошта//қоста* «поддержать», *қышта//қыста* «принудить»,

В каз. говорах юга	Узб.	Кир.	Туркм.	В южном диал. ккалп. языка	В большинстве каз. говоров и в лит. языке	Значение
таш	тош	таш	даш	таш	тас	камень
машақ	машоқ	машақ	баш	масақ	масақ	колос
түшүн	тушун	түшүн	дүшүн	түсин	түсин	пойми
төшек	тушак	төшек	дүшек	дөшек	төсек	постель
шабаз	шоввоз	шабас	шабаз	шабаз	сабаз	молодец
шаты	шотн	шаты	—	—	саты	лестница
шорпа	шурва	шорпо	чорба	сорпа	сорпа	бульон
мүйүш	муюш	—	—	мүйеш	мүйис	угол
шамал	шамол	шамал	шемал	шамал	самал	ветер
кеуүш	—	кебиш	—	геуиш	кебис	галопи
қышлақ	кншлов	кыштак	гышлаг	қышлақ	кыстак	селение
шор	шур	шор	шор	шор	сор	солончак
аш	ош	аш	аш	аш	ас	пища
шортаң	шуртанг	шордок	шортаң	шортаң	сортаң	солончаковый
тырыш	тириш	тырыш	дырыш	тырыс	тырыс	стремись
бүрүш	буруш	бүрүш	бүрүш	бурис	бурис	ежится
жетпіш	етмиш	жетмиш	етмиш	жетмиш	жетпис	семьдесят

заставить» фонетически вариативны, следует рассматривать в ином аспекте. Обширность их изоглоссы, охватывающей большую территорию, скорее всего наталкивает на мысль о том, что они суть остатки каких-то древних родоплеменных диалектов, входивших в состав казахской народности в период ее образования. Однако не исключена возможность и более позднего появления *ш* в составе некоторых из перечисленных слов в результате языкового сношения казахов на западе и северо-западе с татарами, башкирами и др.¹

В установлении конкретных истоков появления того или иного диалектного явления подобно рассматриваемому здесь (*с/ш*), имеющему совпадение с фактами не одного тюркского языка, а многих, решающую роль призван сыграть географический фактор, хотя и не единственный в своем роде. Современное географическое положение народа не всегда совпадет с местом его обитания в прошлом. Народы в истории подвергались неоднократной миграции. При этом миграция проходила в различных направлениях. Поэтому только в том случае можно за основу брать результаты, полученные методом лингвистической географии, если они берутся в тесной связи со ссылкой на историю.

Б. Бухатын из языка казахов Монгольской народной республики приводит следующие примеры: *ұқшаш/оқшаш* «похожий»,

¹ Арсланов Л. Ш. О ходе работы над дополнительным томом диалектологического атласа татарского языка // VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения: Тезисы докладов, Алма-Ата, 1973. С. 90.

тұрмуш «быт», тийіш «следует, должен»¹. Подобные варианты этих слов имеются также в говорах казахов Горно-Алтайской автономной области и восточной части нашей республики². Но главным образом они отмечены в тюркских языках Средней Азии. На первый взгляд может показаться неуместной мысль о том, что *ш* в составе перечисленных слов — результат влияния одного из среднеазиатских родственных языков, а именно киргизского. Но здесь речь может идти только о влиянии языка древних киргизов, некогда обитавших на Алтай-Саянском нагорье и Енисее, сородичами которых и являются современные киргизы из окрестностей Ала-Тау.

Выше было сказано, что в казахских говорах слова с соответствием *с/ш* оказываются разбросанными в отношении их ареалов. Даже география распространения слов, совпадающих с фактами среднеазиатских тюркских языков, и то не единообразна. В числе слов этой группы обширностью географии отличаются слова типа *шамал* «зефир», *жетпіш* «семьдесят», *байғұш* «бедняга», *оқұмұш* «ученый», *ешек* «осел» и др., ареал которых наряду с местом расположения изолированных говоров на территории Средней Азии охватывает всю южную полосу Казахстана. Правда, такие слова количественно малочисленны.

Изоглоссы основной массы сравниваемых слов компактны и не выходят за пределы Средней Азии. К ним относятся, например, такие, как *шор* «солончак», *башқар* «руководить», *шаты* «лестница», *шорпа* «бульон, солянка», *мүйүш* «угол», *аш* «пища, плов», *түшүн* «пойми», *машақ* «колос», *алтыш* «шестьдесят», *ешіт* «услышать», *шү* «тот», *төшек* «постель» и др. Общность изоглосс последней группы слов с соседне-родственными языками указанного региона свидетельствует о единстве происхождения в их составе рассматриваемой звуковой приметы.

В среднеазиатском регионе значительное влияние узбекского и туркменского языков испытал на себе каракалпакский язык. Замена *с/ш* в речи казахов юга Каракалпакии встречается и в местных каракалпакских говорах³, что, на наш взгляд, объясняется общностью первоисточника данного фонетического явления как для говоров тамошних казахов, так и каракалпаков. Поэтому ареал многих слов, сменивших в своем составе *с* на *ш*, в их речи не случайно часто совпадает с узбекским и туркменским языками. Обратимся к примерам. Б. Бекетов, исследовавший казахский говор юга Каракалпакии, в своих диалектологических материалах приводит следующие слова: *башла* «начинать»,

¹ Бұхатын Б. Монғолияда тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір жергілікті ерекшеліктер // ҚД. Алматы, 1965. 1-шығ. С. 38.

² Болатов Ж. Қошағаш қазақтарының тіліндегі жергілікті ерекшеліктер // ҚТДМ. Алматы, 1962. 4-шығ. С. 73; Его же. Шығыс Қазақстан облысы Большенарым селолық ауданында тұратын қазақтардың тіліндегі жергілікті ерекшеліктер туралы // ҚТДМ. Алматы, 1963. 5-шығ. С. 198.

³ Насыров Д. С. Становление каракалпакского общенародного языка и его диалектная система. Нукус, Казань, 1976. С. 235.

башқа «другой», ташта «бросать», кўрдаш «ровесник», таш «камень», алтмыш//ылтмыш «шестьдесят», бешатар «пятизарядка», ешит «услышать» и др.¹ Подобные же варианты этих лексических единиц мы находим в местном диалекте каракалпаков², узбекском и туркменском языках, что, конечно, нельзя объяснить как явление случайное (см. табл.).

Не все фонетические элементы, пришедшие в язык в составе заимствованных слов в состоянии образовать сколько-нибудь значительную систему. Фактически функция большинства таких элементов ограничивается пределами самих заимствований. И нет основания подобные звуковые черты считать устоявшимися. К примеру, возьмем слова с характерным произношением для казахских изолированных говоров на территориях республик

Средней Азии пақта «хлопок», узб. пахта, п. , этши «горький», узб. ааччик, мўхаббат «любовь», узб. мўхаббат, а.

. Эти слова объединены нами в одну группу отнюдь не потому, что их произношение основано на какой-то общей для всех их фонетической закономерности, а потому, что свойственные им звуковые особенности за исключением единичных случаев в говорах названного региона не встречаются. Так, замена сонорного *m* глухим *n* там представлена только словом пақта (лит. мақта), а замена шипящего *sh* взрывным *t* — словом этши (лит. ащы) и т. д. Наличие таких звуковых разновидностей связывается нами с процессом фонетического освоения. Диалектные варианты приведенных слов, как мы полагаем, возникли не под воздействием какого-то специфического закона соседних родственных языков на звуковую систему говоров указанной группы в целом, а в результате освоения этих слов носителями в таком фонетическом облачении, в каком они бытуют в «отдающих» языках, иногда с незначительным изменением их фонетического состава на свой родной лад. Формы произношения этих слов проникли в местную речь казахов с данными лексическими единицами. Звуковое изменение в составе рассматриваемых слов присуще только им, в остальных же оно очень редко или вовсе не наблюдается. К подобным словам следует относиться не как к фонетическому объекту как таковому, а большей частью как к лексическому.

Звуковой облик каждого фонетического освоения носит сугубо индивидуальный характер. Поэтому по сравнению с фонетическим освоением сфера действия закономерного звукового изменения всегда шире. Отмечая такую активность в действии так называемого закономерного изменения звуков, мы должны

¹ Бекетов Б. Каракалпақстанның оңтүстік аудандарындағы қазақ говору. Алматы, 1969. С. 54—55. (Рукопись кандидатской диссертации, Центральная научная библиотека АН Республики Казахстан, шифр 1372).

² См. словарь Н. А. Баскакова // Каракалпақский язык. М., 1951. Т. 1. Материалы по диалектологии.

оговориться: их необходимо понимать в плане сравнительном с другими видами звуковых особенностей, ибо не все виды закономерного звукового изменения в казахских говорах обладают идеальной последовательностью. Применительно к конкретному виду изменения звуков можно говорить лишь о более или менее распространенных его типах. По степени употребляемости в народной речи соответственно *с/ш* занимает среднее положение.

Многие ученые данный вид звукового изменения в казахских говорах склонны рассматривать как влияние соседних родственных языков¹. Относительно южных казахских говоров в этом плане не может быть сомнений. Однако обширность географии распространения некоторых слов из числа упомянутых выше, видимо, требует иного подхода к пониманию причины появления *ш* вм. *с* в их составе. Например, вариант слова *тышқары* (лит. *тысқары*) «вне, за пределами» характерен многим казахским говорам юга, но вместе с тем он известен и в центральной Казахстане в пословице *шыққан қыз шиден тышқары* «дочь с выходом замуж становится чужой». Если даже отвлечься от обширности ареала распространения этого слова, и то нельзя допустить мысли о том, что соответствие это в составе пословицы является результатом звукового изменения, имевшего место в последующие эпохи. К тому же слово *тышқары* в говорах центрально-северной полосы республики не единственный случай, где можно было бы наблюдать переход *с* в *ш*, а есть и другие: *оқұмұш* (лит. *оқымысты*) «ученый», *тұрмұш* (лит. *тұрмыс*) «жизнь, быт», *ұқша* (лит. *ұқса*) «походить» и др.

Наличие *ш* вм. *с* в составе различной группы слов по отношению к его истокам возникновения следует рассматривать по-разному. Признавая решающую роль в этом языкового контакта, нельзя сбрасывать со счетов и возможности доли пережиточно сохранившихся признаков некоторых древних диалектов, впоследствии растворившихся среди массы казахского этнического общества, что особенно касается говоров «материкового» типа. Соответствию общеказахского *с* согласному *ш*, свойственному составу отдельных слов, по-видимому, способствовали внутренние законы развития фонетической системы казахского языка. Например, в таких лексически тождественных параллелях, как *қышқаш//қысқаш* «щипцы», *башқыш//басқыш* «лестница», *шүй-үншу//сүйінші* «вознаграждение за хорошую весть», *шарша тамыз//сарша тамыз* «август», *шеркеш//серкеш* «холощенный козел», первый *ш* появился под ассимилирующим влиянием второго *ш*.

¹ Досқараев Ж. Байғанин ауданында тұратын қазақтардың тіліндегі фонетикалық ерекшеліктер // ҚТДМ. Алматы, 1960. 2-шығ. С. 12; Құрышжанов Ә. Қарақалпақ АССР-ында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір ерекшеліктер // ҚТДМ. Алматы, 1963. 5-шығ. С. 161; Абдувалиев. Фонетико-морфологические особенности ташкентского говора казахского языка. Алма-Ата, 1967. С. 11; Бекетов Б. Казахский говор южной Каракалпакии. Алма-Ата, 1969. С. 12.

В выборе позиции этой замены нет строгости: она может встречаться в начале, середине и конце слова. Конечный *с* чаще заменяется согласным *ш* в составе определенной группы аффиксальных морфем. В наших примерах замена *с/ш* продуктивнее в аффиксе *-мыс*: *алтмыш* «шестьдесят», *йетмиш* «семьдесят», *түшамыш* «путы» и др.

Литературная форма казахского языка больше предпочитает употребление в ней фонетических вариантов с согласным *с*. Тем не менее литературный казахский язык сочетает в себе из числа конкурирующих в народной речи фонетических дублетов такие их варианты, как *шекер* «сахар», *құмшекер* «сахарный песок», *патша* «царь», *дұшпан* «душман», *нақыш* «инструкция», *мұрша* «возможность», которые в ряде говоров представлены в форме: *секер*, *құмсекер*, *патса*, *дұспан*, *нақыс*, *мұрса*¹.

Не все слова, в составе которых наблюдается этот вид звукового соответствия, являются исконно казахскими. Некоторую часть их составляют иранские и арабские заимствования: *шабаз//сабаз* «молодец, удалой», п. *ساجاز*, *шембі//сембі* «суббота», п. *شنبه*, *мұрша//мұрса* «возможность» а. *ذریه* и др. С. Аманжолов² в числе слов с заменой *с/ш* тоже установил как исконно тюркские, так и заимствованные лексические элементы. Совпадение формы произношения на юге большинства арабо-иранских заимствований указанной группы с некоторыми родственными языками среднеазиатского региона показывает, что подобные слова в южные казахские говоры проникли через посредство этих языков.

Выше упоминалось, что в отличие от подавляющей части тюркских языков в казахском вместо *ш* употребляется *с*. Это своеобразие до некоторой степени приближает казахский язык к языкам северной окраины расселения тюркских народов. Казахские слова с конечным *с бас* «голова», *тас* «камень», *бес* «пять» в якутском прозвучат в форме *бас*, *тас*, *биэс*, в якутском — *пас*, *тас*, *пиес*, языке желтых уйгуров *пас//паш*, *тас*, *пес//пис*, имея тоже в исходе *с*. На основе данных чувашского и монгольского языков В. А. Богородицкий предполагал, что конечный *ш* в тюркских языках имеет двойное происхождение, и эту мысль он продемонстрировал примерами: тат. *баш* «голова» — чув. *пуч'//пос'*, тат. *таш* «камень» — чув. *тул*, монг. *чила-гун*³.

В фонетической системе тюркских языков соответствие *с/ш* в начале слова — явление весьма редкое. В этом отношении ис-

¹ *Қалиев Ғ.* Қазақ говорлары жүйесін зерттеу мәселелері. Алматы, 1977. С. 14.

² *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. Ч. 1. С. 298.

³ *Богородицкий В. А.* Введение в татарское языкознание. Казань, 1953. С. 109.

ключение составляют, в основном, языки кыпчакской ветви, и то в случае, когда начальный *ш* больше сменяется аффрикатой *ч*, чем сибиллянтом *с*. По поводу начального *ш* В. А. Богородицкий отметил редкость употребления его как в тюркских языках, так и монгольских в составе исконных слов, кроме отдельных звуко-подражательных (тат. *шарт* «треск», *шрт* «треск»). Относительно кыпчакско-ногайского, шорского и тувинского начального *ш* А. М. Щербак устанавливает, как было сказано в соответствующем разделе работы, его происхождение из аффрикаты *ч*, которая, помимо *ш*, в различных тюркских языках и диалектах имеет рефлексы в виде *с* (баш., хак., якут.), *с* (чув.), *ц* (аз. диал.) и *ч* (в остальных языках)¹. В свою очередь М. Ряснен подвергал сомнению существование начального *ш* в древнетюркском языке. В частности, он говорит, в форме *шу* «тот», встречающейся там, по всей вероятности, утрачен начальный гласный, а в словах типа *шш* «набухать» *ш* возник вследствие ассимиляции: *с*, *ш* и т. п.²

Согласно преимущественному употреблению того или иного компонента чередующейся между собой звуковой пары *с/ш* среди тюркских языков можно выделить группу языков со свистящей и группу с шипящей приметами. При таком делении казахский язык занимает среднее положение с явным уклоном в сторону языков с свистящей приметой. В якутском же языке и в некоторых хакасских диалектах *ш* в словах тюркского корня не встречается, а вместо него там выступает *с*³. Например, казахские *пш* «кроить», *пшыақ* «нож» в якутском имеют форму *быс*, *пысақ*, казахские *шэш* «волосы», *аш* «открыть», *ағаш* «дерево» в сагайском диалекте хакасского языка — *сас*, *ас*, *ағыс*⁴.

В текстах древнетюркских памятников из соответствующей согласной пары известен большей частью *ш*⁵. Тем не менее языку некоторых из них присущ параллелизм *с/ш*. Так, в орхонских надписях наряду с числительным *биш* «пять» употреблены его фонетические варианты *бес//біс* (*бес түмен* «пятьдесят тысяч», *бес балық* «пять городов»), *бісінч* «пятый»⁶. То же самое наблюдаем и в других словах этого памятника *кісі//кіші* «человек», *күмүс//күмүш* «серебро», *қабыс//қабыш* «воевать»⁷. Несмотря на то, что языку памятника «Кодекс Куманикус» характерен *ш*, в его тексте встречаются слова *масқара* «срам, позор», *тас* «ке-

¹ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 169.

² Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 155.

³ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. С. 325.

⁴ Грамматика хакасского языка. М., 1975. С. 4.

⁵ Әмірәлиев К. VIII—XII ғасырлардағы көне түркі әдеби ескерткіштері. Алматы, 1985. С. 24—25.

⁶ Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971. С. 66, 357.

⁷ Батманов И. А. Некоторые особенности языка памятников орхонско-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. С. 119.

рамническая чашка»¹. В древних письменных источниках, особенно орхоно-енисейских, противопоставление *с/ш* мало отражено, а если отражено, то крайне непоследовательно².

Колебание, наблюдаемое в написании *с*, *ш* в рунических памятниках, В. Томсен, В. В. Радлов связывали с орфографической особенностью, а Э. Р. Тенишев с влиянием иноязычного окружения³. А. Н. Кононов же настаивал на исконности этого явления для тюркских языков. В частности, он писал: «перебой *с/ш*, известный современным тюркским языкам (*с*-языки: казахский, каракалпакский, ногайский, сарыг-югурский, хакасский, якутский; *ш*-языки: киргизский, уйгурский, узбекский, туркменский, азербайджанский, турецкий и др.), является одним из ярких, может быть, самым ярким проявлением диалектных признаков, нашедших отображение в тюркских рунических памятниках»⁴. Этот разнобой в текстах С. Е. Малов, И. А. Батманов и А. С. Аманжолов также считали отражением диалектных различий разговорного языка древних тюрков⁵.

¹ Құрышжанов Ә. Қ., Жұбанов А. Қ., Белботаев А. Б. Куманша-қазақша жиілік сөздік. Алматы, 1978. С. 123.

² Аманжолов А. С. К вопросу о диалектной классификации памятников древнетюркской письменности // ВЯ. 1986. № 1. С. 79.

³ Тенишев Э. Р. Перебой *с/ш* в тюркских рунических памятниках // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 293—294.

⁴ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 55.

⁵ См. подробнее: там же. С. 64; Аманжолов А. С. К вопросу о соответствии *с/ш* в древнетюркских диалектах // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970. Т. 2. С. 169.

Глава III. ИЗМЕНЕНИЕ ЗВУКОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЕСЯ ЯВЛЕНИЯМИ ОПЕРЕДНЕНИЯ, НЕУСТОЙЧИВОСТИ, ОГЛУШЕНИЯ, ОЗВОНЧЕНИЯ И УДВОЕНИЯ

1. Конечные гуттуральные в производных основах

Общепринято считать, что современный конечный основы *y* (с его вариантами *yu, yu*), что характерно фонетике кыпчакских языков,— результат закономерного перехода древнего конечно-го *ɣ* (тоже с вариантами *g, k, k*). Для объяснения эволюции развития этого звукового перехода исследователи обычно прибегают к примерам типа *taɣ* < *tau* «гора», *suɣ* < *su* «вода», *baɣ* < *ba* «веревка» и т. д. В этих примерах замена *y* < *ɣ* происходит в составе непрямых основ. Однако, обращаясь к фактам современных языков, а конкретно казахского, мы подчас обнаруживаем, что подобный фонетический переход является не только достоянием корневых основ, но и производных. В частности, звуковое изменение, которое имеет место в конце основ типа *байақ-бойау* «краска», *түнөк-түнөу* «ночлег, ночевка», нельзя объяснить иначе как данный звуковой переход, а производность видимых основ очевидна.

Существование конечного *ɣ* в качестве первоначального варианта *y* в древности отнюдь не предполагает отсутствие его в современных языках. Обе группы звуков и звукосочетаний ныне параллельно существуют как в казахской народной речи, так и в литературном языке. Но несмотря на историческую общность их происхождения на современном этапе развития казахского языка каждая из указанных двух групп представляется вполне самостоятельной языковой величиной. Конечный *ɣ* в современном языке в виде звуков *z, k* и звукосочетаний *аz, ек, үz, үk* и др. выступает как аффикс словообразования (образует имена, в основном, от глагольных основ), а *y, yu, yu* — аффикс словообразования образует инфинитивную форму глагола. И, разумеется, казахскому языку также не чужда замена конечных *y* < *ɣ* в составе корневых основ. Но нас здесь больше всего интересует замена этих звуков в составе производных основ.

В казахском языке мы находим немало слов, образованных от одной и той же основы и имеющих в своем составе один и тот же аффикс *y*, но в равной степени употребляющихся как в качестве инфинитива, так и в качестве существительного. Здесь имеются в виду такие глагольные формы, как *егеу* «пилить»,

қашау «долбить», *сабау* «бить, трепать шерсть», *тұсау* «путать ноги лошади», которые одновременно выступают в роли имени существительного, обозначая название конкретных предметов-инструментов: *егеу* «напильник», *қашау* «долото», *сабау* «палка для трепания шерсти», *тұсау* «путы». Принадлежность этих глаголов-имен «близнецов» к какой-либо части речи распознается, наподобие омонимов, благодаря контексту.

Язык как системное образование в процессе своего развития всегда стремится к тому, чтобы довести до минимума в его лексическом фонде количество слов, несущих разную семантическую нагрузку, но внешне обладающих одинаковым фонетико-морфологическим обликом. Возможно поэтому мы нередко наблюдаем параллельное сохранение одновременно и древнего, и современного вариантов широко известного фонетического перехода конечных *y < F//қ//к* в составе отдельных производных слов, образованных от одной и той же основы. Так, наряду с *жыртуу* «разорвать», *тесуу* «продырявить» в казахском языке также функционируют *жыртық* «порванное место», *тесік* «дыра».

Сосуществование обоих вариантов этой языковой величины здесь обусловлено последующей дифференциацией ее функции в языке. О чем более наглядное представление можно получить, обратившись к фактам казахских говоров пограничных зон, т. е. смежных территорий с Узбекистаном и Туркменией: *жамақ* «заплата» — *жамау* «латать», *шабық* «пора сенокоса» — *шабыу* «косить», *түнөк* «место ночлега» — *түнөу* «ночевать», *алық* «заем» — *алуу* «брать», *берік* «долг» — *беруу* «отдать», *шақырық* «приглашение» — *шақыруу* «пригласить» и т. д.

Примечательно то, что некоторые из приведенных слов в «материковых» говорах, а также в литературном языке представлены только в однотипной форме, т. е. в форме на *у*. Там, например, наличие производных основ *жамақ*, *бойақ*, *шақырық* не наблюдается. Именно лексическое значение последних в «материковой» группе казахских говоров, а также в литературном казахском языке совпало в глагольной форме этих основ на *-у*. Следовательно, слово *бойау* употребляется как в значении существительного «краска», так и в значении глагола «красить». Фактором, способствовавшим исчезновению древней формы рассматриваемых языковых элементов и замещению ее более новой, служила, видимо, тенденция, имевшая место в развитии фонетики тюркских языков в прошлом, которую С. Е. Малов назвал опереднением¹. Хотя трудно судить о причинах сохранения значительного количества производных слов в казахском языке и в ряде тюркских языков, где элемент *қ-к* в качестве словообразующего аффикса наличествует в составе ряда имен типа: *қалақ* «совок», *елек* «сито», *тілек* «желание» и т. п. В казахском языке аффикс *қ* будучи непродуктивным ныне почти

¹ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 141.

не участвует в образовании новых слов. Поэтому производные основы с данными показателями в нем относятся к застывшей категории лексики. Между функционированием подобных имен и инфинитивной формы, образованной от общих с ним основ, нет такой зависимости, которую мы имеем в функционировании в языке *бойау-бойақ, жамау-жамақ*. Как видим, доминирующее большинство казахских говоров и литературный язык здесь как бы отрицают существование *бойақ, жамақ* в качестве самостоятельных лексических единиц, отдавая при этом предпочтение лишь их инфинитивной форме.

Интересно также отметить своеобразную дифференциацию семантики некоторых слов, подвергшихся действию рассматриваемого звукового закона. В казахском языке обе формы от глагольных производных основ *жабық* и *жабыу* (<жап «закрывать») употребляются в качестве существительного: *жабық* — это «стык кошмы, обхватывающей остов юрты», а *жабыу* «попона». Помимо того, мы хорошо знаем, что *жабық* в роли прилагательного означает «закрытый», а *жабыу* — глагол «закрывать».

Таковую же картину наблюдаем в употреблении фонетических параллелей *ұрұу//ұрұқ*, из них *ұрұу* в казахском литературном языке стабилизировалась в той же семантике, в которой она функционирует в основной массе казахских говоров, т. е. в значении «род, племя», а *ұрұқ*, хотя она в своем локальном употреблении имеет то же самое значение, осталась лишь достоянием народной речи¹. Кроме того, имеется однозвучное и родственное с отмеченными параллелями слово — тоже *ұрұқ*, которое в подавляющем большинстве казахских говоров употребляется в значении «семья, зернышко». Встречающееся в тексте «Кодекс Куманикус» слово *уруғ* употреблялось как в значении «род», так и в значении «семья»², что и обнаруживаем в некоторых современных языках³ (см. кар. 22).

В консервации древней формы в составе некоторого пласта диалектной лексики казахских говоров периферийных зон имело определенное место и влияние соседних родственных языков, где сравниваемые лексические образования с аффиксом *-қ* находят свое полное совпадение с данными узбекского, туркменского и уйгурского языков⁴.

¹ Досқараев Ж. Қазақ тілінің құрама сөздері // Қазақ тілінің тарихы туралы зерттеулер. Алматы, 1965. С. 124; Аралбаев Ж., Бектұров Ш. Марқакөл және Қотанқарағай экспедициясының материалынан // КТДМ. 1965. 5-шығ. С. 279.

² Құрышжанов Ә. Қ., Жұбанов А. Қ., Белботаев А. Б. Куманша-қазақша сөздік. С. 136.

³ Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 41.

⁴ Шерматов А. Проблема исторического развития и современного функционирования узбекских диалектов: Автореф. дис... док. филол. наук. Ташкент, 1978. С. 4.

В каз. говорах периферийных зон	Узб.	Туркм.	Уйг.	В большинстве каз. говоров и лит. языке	Значение
сыбак бойак отак қышлақ ұруқ жамақ ұтұқ	сувоқ буёқ утоқ қишлоқ уруғ ямоқ ютуқ	суваг бояг отаг гышлаг уруг яма —	сувак бояк отак қишлақ урук ямак утук	сыбау бояу отау қыстау ру жамау ұту	обмазка краска прополка зимовье род заплата вынгрыш

Сопоставление с фактами родственных языков, конечно, не единственный подход, с помощью которого можно было бы уяснить все случаи функционирования сравниваемых элементов без исключения. Едва ли мы найдем, например, такие лексические параллели как *күзек-күзеу* «стойбище, кочевье» в узбекском языке. Ибо эти слова, отражая своеобразный атрибут кочевого быта, большее распространение имеют среди казахов, нежели в речи их оседлых сородичей. Ныне в казахском литературном языке из этих параллелей укоренился вариант *күзөк*, имеющий широкую географию распространения, за исключением территории восточных областей Казахстана. Однако великий мастер слова Абай предпочел не *күзөк*, а *күзеу*:

Ерте барсам, жерімді жеп қоям деп,
Ықтырмамен күзеуде отырар бай.
«Чтоб не топтать окрестные луга до снега,
Бай держит стадо у осеннего стойбища».

Древняя форма этого перехода на территории Казахстана изредка встречается и в топонимике. На юге республики есть небольшая гора Кантағы (ср. Копетдаг, Небитдаг в Туркмении, Аюдаг, Чатырдаг в Крыму). Нетрудно заметить, что во второй части этого известного сочетания слово «гора» сохранилось в форме *тағ*. В противовес этому во многих топонимических названиях рассматриваемый звуковой переход все-таки совершился: ряд гор в Казахстане носит одинаковое название Қаратау (на юге и юго-западе Казахстана), а не Қаратағ. Хотя название это, относящееся к тем географическим объектам в некоторых средневековых тюркских памятниках зафиксировано именно в последней форме. Наряду с ним нынешние названия гор в Центральном Казахстане Ұлұтау, Кішітау в «Родословной» Абулгази также имеют форму *اولغ تاغ*, *كچيك تاغ*¹. На востоке Казахстана местное население птицу «горная дрофа» называет *дағ-дұуадақ*, где вместо ожидаемого *тау* в составе этого сложного

¹ Кононов А. Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 12 текста.

слова мы опять-таки сталкиваемся с древней формой *даг*, которая здесь указывает на местообитание вида.

Небезынтересно также обратить внимание на существующий ныне параллелизм в употреблении топонима Маңғышлак, который зафиксирован в древних письменных источниках в форме:

منغلاق (Мангышлак) у Махмуда Кашгарского¹, у арабских географов средневековья². Возможно и потому, что во всей дореволюционной литературе на русском языке, касающейся географии и истории Средней Азии и Казахстана, полуостров на востоке Каспийского моря именуется также Мангышлак. Каждые из аборигенов края называли этот полуостров по своему: туркмены до сих пор его называют на древний лад Маңғышлак, а казахи — Маңғыстау. Это вполне закономерно, ибо в туркменском языке зимовье это — ғышлак, а в казахском — қыстау. Маңғышлак — сложное слово, состоит из Маң-ғышлак. Тут переход *ғ-у* в казахском языке налицо.

Указывая на порочность универсального подхода к изучению истории рассматриваемого нами здесь звукового явления, Э. В. Севортян предостерегал: «Между тем, нельзя... доказать, что конечные *ғ*, *г* и *қ*, существовавшие в некоторых формах языков енисейско-орхонских и уйгурских памятников, существовали и в древние периоды всех современных тюркских языков, не имеющих сейчас конечных *ғ*, *г* и *қ* в тех же формах... Точно так же нельзя и на основании того, что многие корни и основы турецкого, киргизского и некоторых других языков исторически имели ныне уже утерянные конечные *ғ*, *г* и *қ*, приписывать историческое существование тех конечных согласных в соответствующих и других корнях остальных тюркских языков. Известно, например, что конечные *ғ* и *қ* сохраняются в азербайджанском, туркменском языках. Какие же имеются серьезные основания утверждать, что в названных языках этот согласный в древности мог исчезать, как в турецком, киргизском и других языках?»³.

Применительно к данному звуковому изменению вопрос о принадлежности казахского языка к той или иной группе тюркских языков раньше никем не ставился, хотя никогда не было предметом спора то, что конечный *у* в словах типа отмеченного выше *тау* соответствует древнетюркскому *ғ*, современно-уйгурскому *қ*, *ғ*, современно-киргизскому *о* и т. д. Но совершенно мало имели мы представления о том, что конечный *қ* в словообразующем аффиксе *-қ* (имеются и другие фонетические варианты) есть древняя форма современного конечного *у*, скажем, хотя бы

¹ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк. Тошкент. 1960. Т. II. С. 432.

² Материалы по истории туркмен и Туркмении VII—XV вв. М.; Л., 1939. Т. 1. Арабские и персидские источники. С. 424.

³ Севортян Э. В. Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР // Координационное совещание по вопросам методов изучения истории тюркских языков: Тезисы докладов. Ашхабад, 1959. С. 23—24.

в словах знакомого уже нам типа *жабуу* < *жабық*, *кузеу* < *кузек*, *қыстау* < *қыстақ* и т. п. О возможных случаях этого вида звуковых соответствий в глагольной форме, тем более производной, в литературе упоминается за редким исключением. На наличие данного перехода (приведенное в нашей таблице слово *бойақ*) в кыпчакских диалектах узбекского языка указано Х. Данияровым¹. Известные классические примеры, которые приводятся исследователями для иллюстрации данного соответствия, главным образом, касаются исхода корневых основ именных слов. Помимо этих, из наиболее популярных примеров, характеризующих присутствие этого звукового изменения в середине именных основ, мы можем назвать такие, как *бауыр* // *бағыр* // *баар* // *боор* «печень», *ауыз* // *ағыз* // *ааз* // *ооз* «рот» и т. д.

Итак, если исходить из вышеизложенных нами данных, то не остается места для сомнения в том, что казахский язык относится к той же группе тюркских языков, где конечный *ғ* в ряде случаев в нашем языке перешел в *у*, а в других сохранился в своих глухих вариантах в составе названного словообразующего аффикса.

Междиалектный переход *қ* в губной *у*, наподобие описываемых здесь случаев, — закономерная примета узбекских джекающих диалектов. Язык произведения А. Навои «Мухакаматал луғатайн», в противовес литературному узбекскому языку того периода, отличался также употреблением *у* вм. *ғ* в конце слова².

Ш. Шоабдурахманов приводит две формы слова «теленек»: *бузов* — *бузоқ*, которые им зафиксированы в различных кишлаках, находящихся в пределах кокандского говора³.

Нередки также случаи в казахском языке утраты конечного *ғ*: *сары* < *сарығ* «желтый», *кіші-кішіг* «меньший, младший». Полные формы таких слов мы часто обнаруживаем в казахских пословицах и поговорках: *қағанағы қарық*, *сағанағы сарық* «жить вольготно», *ұлық болсаң, кішік бол* «простота украшает человека». Конечный *ғ* в составе *сарығ* по мнению Х. Жубанова сохранился в казахском глаголе *сарғай* «желтеть», образованном от данного прилагательного⁴. В словах типа *байла* < *бағла*⁵ «завязать», *түйін* < *түгін* «узел», *байқа* < *бақ*⁶ «смотреть» *ғ*, *г* в казахском языке дает *й*. Соответствие *й/ғ/у* отмечено и в других родственных языках: каз. *ауыл* «аул», кир. *айыл*, кум. *ағыл*⁷ (в значении «семья»).

¹ Данияров Х. Опыт изучения джекающих диалектов... . С. 47—48.

² Там же. С. 47.

³ Шоабдурахманов Ш. Куқон шевазининг баъзи бир фонетик хусусиятлари хақида // МУД. 1957. Т. I. С. 318—319.

⁴ Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966. С. 250.

⁵ Ражстедт Г. И. Указ. соч. С. 27; Малов С. Е. К истории казахского языка... . С. 98.

⁶ Томанов М. Основные вопросы исторической морфологии казахского языка: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Алма-Ата, 1975. С. 14.

⁷ Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975. С. 266.

Необходимо также иметь в виду, что ни в древних памятниках, ни в современных языках нет формы на *ɣ*, которую можно было бы квалифицировать в качестве самостоятельной грамматической категории инфинитива и из которой можно было бы последовательно и без оглядки выводить современный инфинитив на *-y*. Соотношение конечного *y* в казахском инфинитиве с древней формой нами устанавливается лишь по аналогии таких живых параллелей, как рассмотренные выше *бойау//бойақ, жамау//жамақ, қыстау//қыстақ* и т. п.

2. Неустойчивость согласных в инлауте (синкопа)

а) Синкопирование латерального

Неустойчивость *л* — одно из часто наблюдаемых явлений тюркской фонетики. Больше всего оно распространено в языках кыпчакской и карлукской групп. Отдельные его случаи отмечены в чувашском, в диалектах огузских языков и некоторых языках севера¹. В казахском — неустойчивость плавного *л* в середине слова является характерной чертой говоров южной группы², хотя от случаев этого звукового изменения не совсем свободна система других говоров и литературная речь. В казахском языке к выпадению чаще склонен конечный *л* в глагольных корнях *бол* «будь», *ал* «брать», *қал* «остаться», *қыл* «делать», *біл* «знай», *сал* «класть», *кел* «прийти», *әкел* «принести», подвергающихся различным грамматическим видоизменениям.

В плане общеупотребительном данный фонетический признак менее характерен письменной речи, орфографическая норма больше предпочитает полную форму названных глаголов, чем их форму без *л*. В масштабе подавляющей массы казахских говоров известны случаи факультативного употребления слов с *л* и без него из указанного разряда глаголов в таких сочетаниях, как: *байқамай қап* вм. *байқамай қалып* «не заметив»; *солай босын* вм. *солай болсын* «ладно, так и быть»; *боса бомаса да* вм. *болса болмаса да* «разумеется, конечно»; *айта сап* вм. *айта салып* «едва успев сказать»; *кім бісін* вм. *кім білсін* «может быть, кто знает»; *сөйлейді-ай кеп* вм. *сөйлейді-ай келіп* «говорил с возмущением».

Неустойчивое положение *л* в устной речи в таких формах, как *босайшы* вм. *болсайшы* «давай же», *асайшы* вм. *алсайшы* «бери же» отмечено С. К. Кенесбаевым³.

¹ Дмитриев Н. К. Неустойчивое положение сонорных *p, л, н* в тюркских языках // ИСГТЯ. С. 279; Ряснен М. Указ. соч. С. 182; СИГТЯ. С. 353.

² Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. С. 250; Досқараев Ж., Мұсабаев Ф. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері. 1-бөлім. Алматы, 1951. С. 18; Сарыбаев Ш. О неустойчивом положении сонорного *л* в казахских говорах // Местные особенности в казахском языке. Алмата, 1973. С. 38.

³ Кенесбаев И., Мұсабаев Ф. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1962. Лексика, фонетика.

Как мы видим, присутствие *л* в составе глагольных основ, которые включают приведенные нами примеры, непостоянно, да и территория распространения самих основ, вернее грамматических форм глагола, когда они употребляются в варианте без *л*, здесь тоже неопределенно обширна и расплывчата. Поэтому подобные формы в данных конкретных случаях реализации их в речи не могут быть рассмотрены в качестве ареальных черт. Однако сфера реализации этих основ в речи не ограничивается указанными примерами — она гораздо шире их и довольно многообразна.

Степень подверженности звуковому изменению — выпадению *л* различных грамматических форм, упомянутых выше глагольных основ в казахской народной речи проявлена по-разному. Так, нам не известны другие случаи утраты *л* — в основе *біл* «знать» вне состава единственной пока, но повсеместно распространенной конструкции *кім бісін* «может быть». Наоборот, утрата *л* часто встречается в различных грамматических преобразованиях глагола *бол* «быть, стать»: *ботты* — *болыпты*, *боса* — *болса*, *босын* — *болсын*. Территория распространения этих преобразований неравномерна. Отдельные из них, как уже мы знаем, обладают значительно большим ареалом. Среди них более южным региональным признаком отличается форма *ботты*, выполняющая функцию частицы в значении утверждения, согласия, что нередко имеет место в диалогической речи. Более узким ареалом, чем *ботты*, обладает форма этого глагола *боса* в сочетании со словом *мәйлі* «пусть»: *мәйлі бомаса* «так и быть», что особенно характерно речи казахов окрестности Ташкента.

Случаи колебания, которые имеют место в географии распространения отмеченных форм глагола, не означают отсутствия в казахских говорах системных типов выпадения *л* с более или менее четко выраженным лингвистическим ареалом. Вряд ли, например, возможно функционирование таких причастных форм, как *боған* в.м. *болған* «побывавший», *аған* в.м. *алған* «взявший», *қаған* в.м. *қалған* «оставшийся», за пределами юга и юго-востока Казахстана. Еще менее вероятно встреча с деепричастными формами этих глаголов с синкопированным *л*, скажем, на западе или на севере территории расселения казахов. К подобным относятся следующие деепричастные формы: *амай* в.м. *алмай*, «не беря»: *ала амай* «не доставшись», *қамай* в.м. *қалмай* «не отставая»: *қыр соңымнан қамай қойды* «неотступно преследовал меня», *қымай* в.м. *қылмай* «не делая»: *айтқанымды қымай жүр* «не следует моему совету» и пр. (см. кар. 23, 24).

Фонетический процесс выпадения *л* в казахских говорах обусловлен употреблением указанного разряда глагольных основ в определенных грамматических формах. Не поддается такому изменению *л* в составе утвердительной формы глагола изъявительного наклонения прошедшего времени третьего лица, хотя вполне возможно выпадение его в отрицательной форме того же

глагола: *кемеді* «он не явился», но *келді* «он явился». О. Накисбеков¹ в речи казахов Чуйской долины отмечает следующие формы глагола, где наиболее часто наблюдается рассматриваемый звуковой признак.

1. Форма условного наклонения: *аса* вм. *алса* «если берет», *қаса* вм. *қалса* «если останется».

2. Деепричастная форма на *-п*: *кеп* вм. *келіп* «придя», *қап* вм. *қалып* «оставаясь».

3. Отрицательная форма на *-май, -мей*: *амай* вм. *алмай* «не беря», *әкемей* вм. *әкелмей* «не принося».

4. Императивная форма третьего лица: *сасын* вм. *салсын* «пусть кладет», *қасын* вм. *қалсын* «пусть останется».

5. Императивная форма второго лица множественного числа: *кеңдер* вм. *келіңдер* «идемте».

6. Причастие на *-ған*: *қаған* вм. *қалған* «оставшийся».

Ш. Сарыбаев², возражая С. Аманжолову, установившему выпадение *л* в основах глагола перед сонорными и звонкими аффикса, утверждает, что неустойчивость *л* в данном положении наблюдается не всегда. По его мнению, например, незыблем *л* перед звонкими в глагольных формах типа: *болғам* «я был», *болғай* «пусть будет», *келді* «пришел».

Объем охватываемых языковых фактов рассматриваемым явлением и частотность их употребления неодинаковы не только в общей системе народной речи, но и в различных регионах самого юга республики. Явление это во всем многообразии фактов и более регулярно представлено в языке казахов на территории Узбекистана и прилегающих к нему районов Чимкентской области. В частности, кроме отмеченных случаев, оно проявлено в таких грамматических формах глагола, как:

1. Отрицательная форма инфинитива: *бомау* вм. *болмау* «не оказаться»: *олай бомау керек* «так нельзя делать»; *қамау* вм. *қалмау* «не остаться»: *шақырса, қамау керек* «раз пригласили, надо пойти».

2. Отрицательная форма: *ама* вм. *алма* «не бери»: *бергенін ама* «не бери то, что он дает».

3. Форма прошедшего времени изъявительного наклонения первого лица: *ағам* вм. *алғам* «взял»: *өз қолұмнан ағам* «я сам получил из его рук», *таңлап ағам* «сам выбрал», *қығам* вм. *қылғам* «сделал»: *біз саған түк қығамыз жоқ* «мы против вас ничего не делали».

Явление синкопирования *л*, где бы оно ни встречалось в тюркских языках имеет распространение почти на одни и те же области лексики. В этом отношении во всех языках регулярным выпадением *л* отличается та же самая лексическая категория глагола за исключением огузских, которым мало свойственны

¹ Накисбеков О. Қазақ тілінің оңтүстік говорлар тобы. Алматы, 1982, с. 18.

² Сарыбаев Ш. О неустойчивом положении *л*. ... С. 38.

формы *кесе* вм. *келсе* «если придет», *боса* вм. *болса* «если будет»¹.

В основах данной группы глаголов часты случаи выпадения этого плавного в узбекском², уйгурском³, киргизском⁴, тофаларском⁵ и кыпчакском языках⁶, особенно в системе их диалектов, что в известной мере отражает ниже приводимое частичное сравнение.

В родственных языках	В южных говорах каз. языка	В каз. лит. языке	Значение
1	2	3	4
<i>В узбекском языке:</i>			
кыб кыған кыса аб асақ боп босын бома	кып кыған кыса ап асақ боп босын бома	кылып кылған кылса алып алсақ болып болсын болма	сделав он сделал если сделает взяв если берем будучи пусть будет не будь
<i>В уйгурском языке:</i>			
кеп кеп боп кәмиди амидим еп берди кымаймән	кеп қап боп кемеді амадым ап берді кымаймын	келіп қалып болып келмеді алмадым алып берді қылмаймын	приходя оставаясь будучи он не явился я не взял он подал не сделаю
<i>В башкирском языке:</i>			
амай һамай һаһа киһә	амай самай саса кесе	алмай салмай салса келсе	не беря не кладя если кладет если придет

¹ Севортян Э. В. Выпадение согласных в южных тюркских языках//ИСГТЯ. С. 290.

² Решетов В. В. Узбекский язык... С. 260; Данияров Х. Опыт изучения джекающих диалектов... С. 124.

³ Кайдаров А., Садвакасов Ф., Талипов Т. Һазирки заман уйғур тили. С. 219.

⁴ Абдулдаев Э., Мухамбаев Ж. Кыргыз диалектологиясынын очерки. Фрунзе, 1959. С. 83.

⁵ Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ. 1971. С. 34.

⁶ СИГТЯ. С. 353; Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. С. 44; Насыров Д. С. Становление каракалпакского общенародного языка... С. 320.

1	2	3	4
<i>В каракалпакском языке:</i>			
кымады аса кеген бомады боса қасын	қымады аса кеген бомады боса қасын	кылмады алса келген болмады болса қалсын	не делал если берет прибывший не получился если будет пусть остается

Наряду с перечисленными грамматическими формами глагола в уйгурском языке ¹ *л* внутри слова выпадает перед залоговым аффиксом *-ғыз*: *кәгуз* в м. *кәлгуз* «заставь прийти», *аағыз* в м. *алғыз* «заставь взять». Утраченный *л* в последнем компенсируется удлинением предшествующего ему гласного. Э. В. Севортян для турецкого языка ² привел примеры типа *китле* в м. *китле* «запирать на замок». В отдельных случаях возможно выпадение *л* внутри неразложимых основ: чув. *кин* ³ в м. каз. *келін* «невеста». К этой категории можно также отнести исчезновение *л* в словах иноязычного происхождения: уйг. *па : ван* в м. *палван* «борец» гаг. *беки* в м. казахского *бәлки* «может быть».

По таблице нетрудно проследить, что выпадение *л* во всех привлеченных к сравнению языках представлено аналогичными грамматическими формами тех же глагольных основ, что и в казахском языке. Ф. Абдуллаев на основе материалов хорезмских говоров узбекского языка дал перечень характерных типов, подвергающихся этому фонетическому изменению глагольных форм, которые одновременно совпадают с фактами казахских говоров. Но здесь нельзя сказать об исчерпывающем охвате этим перечнем всех глагольных форм, в составе которых в казахских говорах наблюдается это явление.

Помимо глагольных основ в казахском языке отмечено выпадение *л* в склоняемых формах личных и указательных местоимений, оканчивающихся на *-л*: *содан* «от того» < *сол* «тот»; *бұған* «этому» < *бұл* «этот»; *оның* «его» < *ол* «он» и т. д. В устной речи возможна утрата *л* даже в именительных формах этих местоимений: *өйер* — *бүйер* // *о жер* — *бү жер* // < *ол жер* — *бұл жер* «там и сям, кое-где». На юге республики, ближе к узбекской территории зафиксированы случаи неустойчивости *л* в по-

¹ Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970. Ч. 1. Очерк фонетики: Тексты и словарь. С. 24, 54.

² Севортян Э. В. Выпадение согласных в южных тюркских языках // ИСГТЯ. М., Ч. 1. Фонетика. С. 290.

³ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков: Перевод с немецкого А. А. Юлдашева. М., 1955. С. 182.

ложении перед гласными в местоимении *бұл* «этот»: *бұ ас* «эта еда», *бұ ешек* «этот осел». В общеупотребительных образованиях *оғұрлы* «не хуже чем он», *соғұрлы* «не хуже чем тот», *соғұрлым* «по мере того, как» *л* выпал в составе тех же местоимений *ол* «он»; *сол* «тот», но превратившихся уже в морфологические элементы. Согласно классической формуле *отыр* «садиться» <*ол+тұр* плавный *л* выпал в составе местоимения *ол*. Основываясь на таких фактах, Н. К. Дмитриев полагал, что неустойчивость *л* относится к древним признакам языка ¹.

Наши материалы отражают синкопирование *л* в корнях слова. Однако не исключена возможность встречи с этим явлением в аффиксальных морфемах, в чем нас убеждает наличие в казахском языке литературной формы глагола *барайық* ² «пойдем-ка». Имеющийся прежде в ее составе *л* ныне утрачен, на что намекает существование в казахской народной речи таких живых параллелей этой формы, как *баралы*//*баралық* «пойдем-ка». Ср. узб. *борайли*//*борайлик*, уйг. *барайли*//*барайлуқ*.

Позиции, подвергающиеся выпадению *л* во всех тюркских языках, удивительно сходны. Типичное положение, в котором происходит данное звуковое явление, это — стык корневых и аффиксальных морфем ³. Такая стабильность в позиции явления связана с тем, что инлаутный *л* в тюркских языках бывает либо конечным согласным основы, либо начальным согласным аффикса. Поэтому К. М. Мусаев *л*, выступающий в середине не только обычных морфологических образований, но и неразложимых в современном понятии основ типа каз. *қылыш* «сабля», *ұлы* «великий, большой», считает показателем стыка корня и аффикса ⁴.

В казахских говорах *л* выпадает только в случае, когда он оказывается первым из стыкующихся согласных на границе морфем, что и свойственно другим близкородственным языкам. Но в отдельных языках могут встречаться нетипичные факты неустойчивости *л* в положении между гласными: тув. *бооп*//*пооп* в м. каз. *болып* «будучи», *кээп* в м. каз. *келіп* «приходя», *кээр* в м. каз. *келер* «придет». Выпадение *л* в подобных глагольных образованиях в тувинском языке, как это явствует из примеров, создает долгий гласный вторичного характера, соответствующий по качеству и артикуляции гласному корня ⁵. Выборочные случаи долготы гласных, вызванной утратой *л* в глагольных корнях типа казахского *кел* «прийти», имеют место и в тофаларском языке ⁶: *кеер* в м. каз. *келер* «придет», *біір* в м. каз. *білер* «узна-

¹ Дмитриев Н. К. Неустойчивое положение сонорных... С. 279.

² Об аффиксе этой формы см.: Сауранбаев Н. Т. О категории лица повелительного наклонения // Изв. АН КазССР. Сер. филологии и искусствоведения. 1954. Вып. 1—2. С. 36; Котаич В. Указ. соч. С. 255.

³ Носиров Ш. Ем шеvasи хакида // МУД. 1961. Т. 2. С. 232.

⁴ СИГТЯ. С. 348.

⁵ Пальмбах А. А. Долгне и полудолгне гласные тувинского языка // ИСГТЯ. С. 176; Исхаков Ф. Г. Долгне гласные в тюркских языках // Там же. С. 173.

⁶ Рассадин В. И. Указ. соч. С. 34.

ет». Ср. уйг. *аағыз* вм. *алғыз* «заставь взять» (см. выше). В казахских говорах начальный гласный аффикса при подобной фонетической ситуации подвергается исчезновению вместе с конечным *л* корня: *бол* вм. *болып* «будучи», *қап* вм. *қалып* «оставаясь».

б) Синкопирование гуттуральных

Значительное число фактов звукового изменения, которое имеет место в казахских народных говорах, связано с неустойчивостью гуттуральных *ғ, ғ, қ, қ* внутри слова. Н. К. Дмитриев¹, отметивший утрату в современных тюркских языках эи (срединных согласных, засвидетельствованных в исторических письменных источниках в словах типа *кергек* «нужда», *құлғақ* «ухо» (ср. каз. *керек*, *құлақ*), причислял их к древним признакам языка. Опускание указанных гуттуральных характерно языкам огузской группы, но в известной мере этому процессу подвержен звуковой строй кыпчакских языков, в том числе казахского. Факты, отражающие сохранение перечисленных инлаутных согласных в казахских говорах, представлены, разумеется, не в равных соотношениях. Наибольшее число случаев сохранения *ғ, ғ* наблюдается в говорах южной группы, особенно оно значительно в говорах узколокализованного типа на территории Узбекистана и близлежащих к нему районов Чимкентской области. Соотношение случаев проявления этой звуковой черты в казахских говорах можно проследить по следующему перечню примеров (см. перечень).

Сравнивая примеры, которые включает наш перечень, с данными отдельных родственных языков среднеазиатского тюркоязычного региона, мы обнаруживаем ряд моментов, характеризующих общность этого явления с казахскими говорами, особенно говорами периферийной зоны юга (см. кар. 25—27).

Основная масса привлеченных к сравнению слов, в составе которых проявлена рассматриваемая звуковая примета, отличается более или менее узкой локализацией своих ареалов. Особенно узок ареал фонетических вариантов слов *жығын* «толпа», *тұғру* «прямой». Относительная узость ареала также отмечена у вариантов *егә* «хозяин», *егәр* «седло», *бігіз* «шило», изоглоссы которых главным образом размещены в районах наибольшего сосредоточения казахского населения в Узбекистане. Переходная зона изоглосс этих фонетических дубликатов расположена в районах Чимкентской области, примыкающих к узбекской территории. Поэтому в отношении сохранения *ғ, ғ* в составе названной группы лексических элементов вполне допустимо влияние со стороны соседних диалектов узбекского языка, так как фонетический облик этих слов, кроме их географической

¹ Дмитриев Н. К. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках // ИСГТЯ. М., 1955. Ч. 1. Фонетика. С. 286.

Диалектные фонетические варианты	В большинстве говоров и лит. языке	Значение
<i>В южных говорах:</i>		
кўмған сууғар жығын тўғру жегде бірденке дәненке ештенке төгүрөк шаңғарақ бүлгүншілік еге//егә егесіз егелен егер//егәр бігіз	құман суар жынын тура жиде бірдене//бірдеме дәнене//дәнеме ештене//ештеме төнірек шанырақ бүліншілік ие иесіз иелен//немден ер біз	кувшиннообразный руко- мойник поить, поливать сборище, толпа прямой рубашка что-то, что-либо ничего (нет) ничего окрестность верхний обод юрты смута хозяин, владелец без хозяина обладай, занимай седло шило
<i>В центрально-северных говорах:</i>		
кйгіз сүгүрөт	киіз сурет	войлок рисунок
<i>В западных говорах:</i>		
аңызғак біткер емгіз	аңызак бітір еміз	сухovej заканчивай дай сосать
<i>В восточных говорах:</i>		
жігірмә//жығырма жүүүн кішігірек көзгөлдүрүк еміркен	жиырма жуын кішірек көзілдірік емірен	двадцать мойся маловатый очки проявляй чувство неж- ности

соотнесенности с узбекской территорией, весьма созвучен с их узбекским произношением. В форме слова *тўғру* в местной речи тамошних казахов ударение, как в некоторых узбекских говорах, падает на первый слог, что не характерно составу общераспространенного *туўра*. Фонетические варианты *егә* «хозяин», *егәр* «седло», т. е. с конечным гласным *ә*, при полном соответствии их с узбекским произношением отсутствуют в других говорах юга. Инлаутные гуттуральные в карлукских языках сохранены больше чем в кыпчакских. Поэтому говорить здесь о влиянии узбекского языка не противоречит положению дел в нем.

В каз. говорах юга	Узб.	Уйг.	Кир.	Значение
шаңғарақ	чаңғароқ	чаңғирик	—	обод юрты
құмған	қумғон	қумған	қумған	рукомойник
сұуғар	сугор	сугар	сугар	напой, поливай
жығыш	йиғиш	жиғиш	жыйын	толпа
тұғрұ	туғри	тоғра	туура	прямой
еге//егә	эга	егә	эге//ээ	хозяин
егесіз	эгасиз	егсиз	эгесиз	без хозяйина
егелен	эгаллан	егәллә	ээле	обладай
егер//егәр	эгар	егәр	эгер//ээр	седло
егерле//егәрла	эгарла	егәрлә	ээрде	седлай
бігіз	бигиз	бегиз	бигиз	шило
жігірма	йигирма	жигирмә	жыйырма	двадцать

Значительно сложнее обстоит дело с истолкованием изоглосс *суғар* «поить, поливать», *құмған* «кувшинообразный рукомойник», *шаңғарақ* «верхний обод юрты», распространенных наряду с узбекской территорией на протяжении всей южной полосы Казахстана. Объединяющий характер изофон говоров довольно обширного диалектного массива непременно наводит на мысль о возможности рассматривать срединные гуттуральные в составе указанных лексических единиц в качестве следов диалекта каких-то исторических этнических компонентов, входивших в союз тюркских племен, сложившийся на юге древнего Казахстана. Но при всем этом необходимо иметь также в виду ту консервирующую роль, которую сыграли в продлении жизни этого признака родственные языки среднеазиатского лингвистического региона, с которыми южные говоры казахского языка постоянно находились в состоянии тесного сношения. И не случайно, что названная группа слов с описываемой фонетической приметой объединяет не только собственно казахские говоры юга, но и последние одновременно с узбекским, уйгурским и отчасти киргизским языками, что до некоторой степени отражено в сравнительной таблице.

Неустойчивость рассматриваемой группы гуттуральных в наших материалах представлена в основном на стыке морфем. Сопоставляя звуковой состав глаголов *сұуғар* «поить, поливать», *біткер* «заканчивать» с их общеупотребительными параллелями *суар*, *бітір*, легко можно установить, что здесь неустойчивое положение *г*, *к* связано с начальным согласным аффиксом *-ғар*, *-кер*. В общеказахском масштабе известен ряд слов, образованных по моделям *сұуғар*: *басқар* «управлять», *өткер*, *бастан өткер* «испытать на себе». Наличие дублирующих друг друга *сұуғар//сұуар*, *біткер//бітір* говорит об общности происхождения указанного аффикса *-ғар* с другим, но впоследствии приобретшим новую морфологическую функцию, аффиксом *-ар* (*-ер*), который мы имеем в казахских глагольных образованиях типа *қызыр* «становиться красным», *көгер* «становиться голубым».

Э. В. Севортян¹, сравнивая подобную глагольную форму с производным образованием *саргар* «становиться желтым» отметил, что в киргизском, алтайском языках показатель *-ар* генетически восходит к его более полной и древней форме *-гар*. Аналогичное предположение он высказывал насчет генезиса *г* в составе *егер//егар* «седло», имеющего в других тюркских языках, кроме отмеченных выше, дополнительные варианты: *ейгер//еңер//ейер*. Таким образом, морфологическая часть *-гер* в застывшей форме *егер//егар* имеет единую этимологию с названным аффиксом; *г* в составе *суугар* может быть истолкован еще по-другому, т. е. как конечный согласный основы: *сүу//сү//сүв* < алт. *сүг*.

Подвергающиеся в литературном языке выпадению *г*, *г* в словах *құмған* «рукомойник», *еміркен* «проявлять чувство нежности» есть начальные согласные аффикса *-ған*, *-кен*. Ныне активно участвующий только в глагольном формообразовании этот аффикс в историческом прошлом имел способность присоединяться в одинаковой степени и к именным основам, что может продемонстрировать производный глагол *сескен* «бояться», где указанный грамматический показатель выступает с именным словом *сес* «угроза, звук», часто встречающимся в синтаксических конструкциях *сес көрсет*² «угрожать», *сес бер* «выдавать звук, откликаться».

Слово *еге//егә* «хозяин» Э. В. Севортян³ считал отглагольным производным, развившимся из глагола *ед- /ей-*, который в таком виде пока не отмечен в тюркских языках. Однако он лежит в основе производного, известного во многих языках *едгу//ейгу//ейгі* и входящего в семантический круг слов, означающих понятие «добро, благо, имущество». В казахском языке последнее имя представлено в форме *ййгі іс* «доброе дело», *ййгі жақсылар* «добрпорядочные люди», *ййгілік* «добро, благо». Если согласиться с указанным взглядом, то правомерна мысль о позднем появлении *г* в составе *еге//егә*.

г в составе *бігіз* «шило» тоже соотнесен с начальным согласным аффикса *-гіз*, что позволяет предположить наличие производных образований *біле* «точить», *білеме* «нож» (букв. режущий), встречающихся в образцах казахского фольклора в качестве эвфемизмов, замещающих табуированные слова *қайра* «точить», *пышақ* «нож»: *білемені білемес пе* «как следует наточить нож»⁴. При морфологическом расчленении *біле*, *білеме* выделяется корень *-бі-*, функционирующий как самостоятельное слово в якутском языке в значении «лезвие, острие». А *біле* «точить, заострять» и его производное *білэгу* «оселок, точильный

¹ Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. С. 249, 253, 259.

² Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы, 1966. С. 174.

³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 242.

⁴ Мусабаяев Г. Г. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959. Ч. 1. Лексика. С. 26.

камень» зафиксированы в словаре М. Кашгарского¹, где семантическая общность корня с якутским налицо. Корневую часть в среднетюркском *бічак* каз. *пышақ* «нож» М. Ряснен² видел *бі-*. С. Аманжолов³ для анализа этимологии *біз//бігіз* «шило» привлекал слово *мүйүз//мүгүз//мігіз* «рог», откуда и выводит *біз//бігіз*. Возможность такого истолкования вполне вероятна, если учесть, что казахское *біз//бігіз* в алтайском языке имеет форму *мис*, киргизском — *миз*, употребляющуюся в значении «острие, лезвие», а в карачайском — *миз* «шило».

Инлаутный *г* в составе *кішігірек* «маловатый» является конечным согласным основы *кішіг*, а *-ірек* — аффикс сравнительной степени прилагательного. Форма *кішіг* «маленький», активно употребляющаяся в других родственных языках (уйг., узб.: *кичик*), в казахском утратила исходный *г*, и как окостенелую форму мы встречаем ее только в языке фольклора: *ұлық болсаң, кішік бол* — «у всякого мудреца довольно простоты». И надо полагать, что в другой поговорке *қостың кішісі болғанша, иттің құшігі бол* «лучше стать щенком собаки, чем быть щенком у людей» слово *кішісі* «тот, который младше» первоначально тоже имело форму *кішігі*, на что указывает рифмующееся с ним в тексте *қушігі* «его щенок».

В словах типа *жігірма//жығырма* «двадцать», *жегде* «рубашка», *жығын* «сборище» гуттуральные *г*, *ф* в большинстве казахских говоров и литературном языке переходят в *й*. Это происходит потому, что в звуковом строе казахского языка срединные звонкие *г*, *з* весьма склонны к ослаблению, которое обычно сопровождается заменой их другим согласным с менее отчетливой артикуляцией или даже выпадением. Потому фонетические формы *сығыр//сігір* «корова, скот», *әгір//әгір//ігір* «прясть», *түгүн* «узел», *бүгдай* «пшеница», свойственные некоторым языкам карлукской и огузской группы, в казахском языке прозвучат как *сыйыр*, *ійір*, *түйүн*, *бійдай*. Реальное положение дел, связанных с подобным звуковым изменением тюркской фонетики, хорошо отражает следующее высказывание М. Ряснена: «Слабо артикулированный согласный, находящийся между двумя гласными или в конце слога, имеет тенденцию к редукции и к последующему исчезновению. При этом гласные после выпадения согласного могут слиться в долгий гласный или дифтонг; может измениться и окраска (тембр) гласного»⁴. Такая интерпретация случаев, кроме описанных, в равной степени относится и к *егер//ер* «седло», *еге//егә//ііе* «хозяин», *түғрү//түура* «прямой», *бігіз//біз*.

Другую группу слов с данной звуковой приметой составляют местоимения *бірдеңке* вм. *бірдеңе//бірдеме* «что-то, что-либо»,

¹ Девону луғатит турк: Индекс-луғат. Тошкент. 1967. С. 68.

² Ряснен М. Указ. соч. С. 118.

³ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С. 152.

⁴ Ряснен М. Указ. соч. С. 98.

ештеңке вм. *ештеңе*//*ештеме*//*еждеме* «ничего», *дәнеңке* вм. *дәнеңе*//*дәнеме* «ничего», которые имеют широкое распространение на юге республики. Гуттуральный *к* в составе этого разряда местоимений строго соблюдается в речи коренного населения Чуйской долины¹ и Семиречья, обитающего недалеко от киргизской территории. Между тем аналогичные формы местоимения в среднеазиатском тюркоязычном регионе больше известны в киргизском языке, поэтому их совпадение с казахским не может быть оценено как явление случайное. Ср. кир. *бирдеке* «что-то, что-либо», *аштеңке*//*эштеңке* «ничего».

Наряду с сохранением инлаутных гуттуральных в народной речи отмечаются частые случаи их опущения. В центральной части Казахстана общераспространенное слово *аракідік* «изредка» употребляется без *г*: *аредік*. На юге зафиксированы случаи выпадения гуттуральных в середине слов *ұса* вм. *ұқса* «быть похожим», *шылғый*//*шілғій* вм. *шылғый* «слишком, сплощь», *ұуала* вм. *ұққала* «мять, растирать»: *Қой көрмеген қуалап өлтіреді, Ұл көрмеген ұуалап өлтіреді*. «Не имевший скотины досаждает ей уходом, не имевший сына досаждает ему ласками».

В казахских говорах абсолютное большинство лексических элементов с неустойчивостью рассматриваемых согласных в инлауте составляют исконные тюркские слова. Однако на юге мы нередко сталкиваемся со словами арабского происхождения типа *оқұйа* «происшествие» **واقعة**, *табийат*//*тәбийәт* «природа» **طبيعة**, *тәбийий* «естественный» **طبیعی**, в середине

которых утрачен арабский гортанный **ع** айн, передаваемый в основной массе казахских говоров и литературном языке через заднеязычный **ғ**: *оқиға*, *табиғат*. Здесь выпадение срединного согласного обусловлено освоением этих арабских слов в южных говорах в их узбекском произношении. Ср. узб. *оқиа*, *табиат*, *табий*. В этой связи интересно также отметить слово *сүгурәт* лит. *сурет* «рисунок, рисование», которое в местной речи казахов центральных и северных областей приобрело срединный **г**, отсутствующий в арабском оригинале.

3. Девокализация и соноризация гуттуральных

В казахском языке явлению озвончения и оглушения подвержен ряд парных согласных. Однако число случаев, которые охватывает этот звуковой процесс, не так велико. Большую склонность в народных говорах к оглушению проявляют звонкие гуттуральные **ғ**, **з**.

Озвончение согласных, функционирующих в гентервокальной позиции, а также в положении между гласными и сонорны-

¹ *Нақысбеков О.* Қазақ тілінің ауыспалы говоруы. Алматы, 1972. С. 60.

ми, характерно большинству северных тюркских языков и чувашскому. Подобная позиционная изменчивость согласных в той или иной степени наблюдается и в других языках тюркской семьи, в том числе казахском. Но в последнем эта закономерность не соблюдается в строгой последовательности. В казахском возможна форма как *көгөн* «овцевязь», так и *көкө* «дядя», где срединный гуттуральный, выступающий в равных условиях, т. е. между двумя *о*, в одном случае озвончен, а в другом нет. Можно привести целый ряд фонетических противопоставлений, внешне отличающихся друг от друга в зависимости от того, какой из глухих и звонких компонентов парных согласных, находящийся в одном и том же звуковом окружении, употреблен в их составе: *ақын* «поэт» — *ағын* «течение», *шапан* «пальто» — *шабан* «медлительный», *шықыр* «шорох» — *шығыр* «водоподъемное колесо», *тақым* «внутренняя сторона бедра» — *тағым* «женское украшение на национальном костюме», *жақын* «близкий» — *жағын* «угодничать», *шекер* «сахар» — *шегер* «вычитать» и пр.

Во всех этих примерах смыслообразующая роль звонкости и глухости согласных самоочевидна; тут каждый из компонентов парных звуков наделен фонематической значимостью. Но изучение таких случаев звукоупотребления не входит в задачу описываемого здесь фонетического процесса, представляющего собой по сути дела разновидность звукового соответствия. А звуки, подвергающиеся фонетическому закону соответствия, обычно не несут фонетической нагрузки. Поэтому приводимые нами ниже материалы будут касаться лишь тех моментов оглушения указанных звонких гуттуральных, где подобное изменение не влечет за собой изменения семантики слова.

Конечные глухие *қ, к, п* при присоединении к основе аффиксов, начинающихся с гласных, в тюркских языках обычно подвергаются озвончению: *қабақ* «веко» — *қабағы*, *қап* «мешок», «чехол» — *қабы*. Исключение из этого правила составляет аффикс *-қы*, встречающийся в составе первого члена немногочисленной изафетной конструкции типа *қалмақы ер* «калмыцкое седло», *қазақы адам* «человек с казахским характером», *сарттақы мінез* «ревнивый характер». Здесь неподвержение к позиционной изменению, по всей вероятности, вызвано фонологической дифференциацией внешне созвучных, но образованных разными аффиксами грамматических форм. Ср. вышеназванные *қалмақы*, *қазақы*, *сарттақы* с притяжательной формой третьего лица тех же основ: *қалмағы* «его калмык», *қазағы* «его казах», *сарттағы* «у сарта». На такое предположение должно пролить свет функционирование *қ/ғ* в составе общеупотребительных гомогенных образований *бақан* «жердь с раздвоенным концом» и *баған* «столб», имевших прежде одну и ту же форму, наверное, идентичную с *бақан*, впоследствии размежевавшихся семантически благодаря фонологической дифференциации названных парных. С подобной функцией связано также изменение *к-г* в составе

Диалектные фонетические варианты	Фонетические варианты, устоявшиеся в лит. языке	Значение
1	2	3
<i>В восточных говорах:</i>		
астыңқы бұруңкү шекара ұрқү кереқар торқұн	астыңғы бұрынғы шегара ұрығы кереғар торғын	нижний прежний граница его семена далековатый шелк
<i>В южных говорах:</i>		
оқұйқа шықып шықын қылқыт тоққүз секкіз әуөлкү	оқиға шығып шығыңыз қылғыт тоғыз сегіз әуелгі	происшествие выходя выходите проглоти девять восемь начальный
<i>В западных говорах:</i>		
жүкүр ылақып тостақан жұрақат ақа үкүт жауункер алакөз адамгершілік қылқын	жүгір ылағып тостаған жұрағат аға үгіт жауынгер алағөз адамгершілік қылғын	бегай бесцельно бредя деревянная чаша родичи старший брат агитация боец пучеглазый человечность задушись

Слова, общие для южных и западных говоров:

бөтөкө жоқары жоқарыла	бөтеге жоғары жоғарыла	желудок птицы верх поднимись
------------------------------	------------------------------	------------------------------------

Слова, общие для восточных и западных говоров:

үстүнкү қараңқы сөкүс	үстінгі қараңғы сөгіс	верхний темный брань
-----------------------------	-----------------------------	----------------------------

общераспространенных омонимов типа *көрік* «кузнечный мех» — *көрік* «красота»: *көрігі* «его мех» — *көркі* «его красота».

Казахи Ташкентской области глухой *к* в составе *бөтөкө* применяют только в сочетании *бөтөкөң түскүр*, означаящем проклятие, а при обозначении желудка птицы, т. е. *бөтөгө*, этот согласный переходит в звонкий *г*. Такой же фонематической значимостью обладают *п/б* в составе существительных *қалпы* «его состояние», *қалыбы* «его колодка». Ср. *баяғы қалпы* «прежнее состояние», но *етіктің қалыбы* «колодка».

Поскольку процесс озвончения глухих согласных, выступающих в интервокальном положении, а также в положении между гласным и сонорным, является результатом позиционного изменения звуков, то надо полагать, что срединные глухие в тюркских языках появились раньше, чем их звонкие варианты. Однако первичность глухих, функционирующих в описанной позиции, перед их звонкими вариантами вовсе не означает первичность тех лексических элементов, внутри которых выявлены неподверженные закономерному озвончению *қ, к* в казахских говорах. При бесспорном признании унаследованного характера диалектных слов типа *үстүңку* «верхний», *астыңқы* «нижний», *қараңқы* «темный», *үкүт* «агитация», *жүкүр* «бегать», *ақа* «старший брат», *қылқын* «задушиться» и т. п. от древнего состояния языка мы не можем утверждать подобное по отношению к таким словам, как числительные *секкіз* «восемь», *тоққуз* «девять», которые были зафиксированы Б. Бекетовым¹ в изолированном казахском говоре юга Каракалпакии, где местные казахи живут попеременно не только с коренным населением края, но и узбеками, отчасти туркменами. В языках обоих соседей-носителей говора в составе названных числительных интервокальные гуттуральные не подвергаются озвончению: узб. *саккиз, туққиз*, туркм. *секиз, доккуз*, что позволяет предполагать заимствованный характер процесса оглушения указанных гуттуральных. Ср. также: уйг. *сәккиз, тоққуз*, азерб. *сәккиз*, тур. *докуз*, чув. *таххар* «девять». Но в этих числительных указанные согласные в доминирующей части родственных языков встречаются в звонком варианте². Удвоенное произношение срединных согласных в составе числительных А. М. Щербак понимает как признак, берущий свое начало из тюркского праязыка, что, в свою очередь, тоже согласуется с предположением о первичности интервокальных глухих, подвергнутых озвончению позже в большинстве современных языков³.

В казахских говорах, расположенных вблизи туркменской и узбекской территорий, были обнаружены слова *жоқары* «верхний», *шықар* «площадка перед входом в помещение, юрту», наличие неозвонченного *қ* в составе коих, по-видимому, тоже связано с влиянием, имевшим место со стороны соседних языков. Ср. туркм. *еқары*, узб. *юқары*, ккалп. *жоқары*; туркм. *чыкалга* «площадка перед входом в помещение», *чықар* «выводить», узб. *чиқиң* «выходите».

По М. Иряяну слово *жоқары* // *йоқары* // *жоғары* образовано от основы *йоқ*, употреблявшейся в среднетюркской эпохе в значении «верхний», а морфологический элемент *-қары*, который

¹ Бекетов Б. Каракалпақстанның оңтүстік аудандарындағы қазақ сөздері. С. 66.

² Исхаков Ф. Г. Числительные // ИСГТЯ. М., 1955. Ч. 2. Морфология. С. 117.

³ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977. С. 140.

мы пишем теперь в составе *жокары* в то время придавал основе значение императива. Если это так, то изменение срединного гуттурального здесь произошло по схеме *йоққары//жоққары > йоқары//жоқары > йоғары//жоғары*.

Среди материалов, которые отражают данное явление, немало слов, совпадающих с фактами не только указанных, но и других тюркских языков. Однако мы не склонны все случаи подобного совпадения считать плодами процесса позднейшего заимствования. Скорее всего, такие лексические элементы с приметой срединных глухих в своей большей части у нас относятся к древнему периоду развития казахских диалектов. Совпадение срединного *қ* в словах, отмеченных в речи казахов востока республики, с данными языка их прежних близких соседей — киргизов свидетельствует о значительно раннем появлении там рассматриваемого признака. Ср. *астыңқы* «нижний», кир. *астынкы, үстүнкү* «верхний», кир. *үстүнкү, бүрүнкү* «прежний», кир. *мурунку*.

В таблице в более крупном масштабе отражена причастность каждого из случаев оглушения срединных гуттуральных к тем или иным диалектным массивам казахского языка, что дает возможность получить хотя бы в общих чертах, но довольно осведомляющее представление о географии распространения изучаемого явления в казахских говорах. Вместе с тем надо иметь в виду, что отдельные из лексических элементов с рассматриваемым звуковым признаком в приведенном нами перечне слов включены в ту или иную группу говоров лишь условно. Так, упомянутые выше числительные *секкіз, тоққуз*, в казахском языке характерны только изолированному говору, находящемуся на стыке границы трех среднеазиатских республик Каракалпакии, Узбекистана и Туркменистана. Потому эти числительные не могут быть безоговорочно приняты нами как примета, свойственная всем южным говорам, хотя в названном перечне они значатся наравне с другими южными формами слов с срединными гуттуральными *к, қ*. А также было бы не совсем точно говорить о характерности фонетической формы *ақа* «старший брат» всей западной полосе расселения казахов, поскольку эта форма, будучи широко употребительной в районе на западной стороне реки Урал, в некоторых говорах, расположенных восточнее ее, образуя зону вибрации, почти отсутствует. В остальных казахских говорах это слово представлено в варианте со звонким *ғ*: *аға*. Как последний вариант, так и вариант с глухим гуттуральным *ақа//аққа//ақ* занимает обширный ареал не только в тюркском, но и так называемом алтайском лингвистическом мире, охватывая при этом географию распространения монгольских и тунгусо-маньчжурских языков¹. Вариант с *қ*

¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные, М., 1974. С. 122.

(ақа) зафиксирован в уйгурских текстах средневековья¹. Диалектное употребление ақа известно также в ногайском, татарском, уйгурском, турецком, алтайском языках и ряде других.

Совпадение рассматриваемых срединных глухих в составе основной массы описанных здесь лексических элементов с фактами широкого круга языков непременно наводит нас на мысль об общности и наличии исторического единства в лингвистическом процессе, породившем данную фонетическую примету в подвергаемых сравнению языках. Однако такое мнение мы вправе предположить только применительно к словам тюркского корня. Приведенный нами список примеров наряду с исконными словами содержит, хотя и незначительно, иноязычные заимствования наподобие *журақат* «потомок» а. *فرصة*, *оқұйқа* «проис-

шествие» а. *واقیه*. Изменение, которое мы наблюдаем в произношении таких ранних заимствований, связано с фонетическим освоением их в местной речи населения определенного диалектного региона. У слова *журақат*, помимо этого, в казахских говорах известны формы произношения *зүрүйт//журағат//жүрағат*, а у *оқұйқа* — *оқұйға//оқұйа*. Процесс проникновения арабских заимствований в казахский язык имеет свою давнюю историю, протянувшуюся на несколько веков. Наши диалектологи нередко сталкиваются с тем, что в тех или иных диалектных регионах прослеживаются некоторые элементы более или менее твердо сложившейся системы в произношении ранних заимствований из арабского языка, что хорошо видно на примере того же самого *оқұйқа* и подобных ему *рақат* «удовольствие» а. *راحت*, *сағат* «часы» а. *ساعة*, где срединный согласный в противовес другим говорам (на юге) последовательно опускается: *оқуйа*, *рағат*, *сәғат*.

Начальный согласный *ع* 'айн в составе арабского *ғали* *على* «высокопоставленный», очень часто встречающегося в качестве второго компонента сложных имен — антропонимов, в речи местных жителей Жангельдинского р-на Тургайской области в положении после сонорного *р*, в противовес установившейся в подавляющем большинстве говоров нормы произношения, может переходить в *қ*: *Мырқали* вм. *Мырғали*, *Нұрқали* вм. *Нұрғали*. В казахском языке известны фонетические параллели этого заимствования: *ғали*, *қали*, *эли*, *элі*, *алы*, используемые как самостоятельно, так и в составе сложных личных имен. Употребление почти каждого варианта из этих параллелей в казахском языке территориально мотивировано. Для за-

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследование. М.; Л., 1951. С. 210, 359.

падных говоров более характерна форма с элементом *ғали-қали*, а для южных — *әлі-алы*. Широко распространенные в западной части республики личные имена *Өмірғали*, *Кенжеғали*, *Құрманғали*, *Айтқали*, *Оспанғали*, *Сапарғали*, на юге прозвучат как *Өмірәлі*, *Кенжәлі*, *Құрманәлі*, *Айтәлі*, *Оспанәлі*, *Сапаралы*. Форма произношения последней группы имен значительно близка к узбекскому и уйгурскому произношению, что говорит об освоении указанного арабского элемента местной речью южан через посредство этих же языков.

Наблюдая диалектную роль местного населения различных районов, мы иногда становимся свидетелями обратного перехода интер. окальных глухих гуттуральных в звонкие. Тамдинские казахи, проживающие компактной массой в Бухарской области Узбекистана, слово *бұқа* «бык» произносят в виде *бұға*, что созвучно с формой этого слова в языке их каракалпакских соседей. Озвончение срединного согласного отмечается также в повсеместно распространенном сложном названии рыбы *алабұға* «окунь», имеющем в своем составе указанное слово: *ала+бұға* букв. «пестрый+бык». А в речи рыбаков Зайсана, что на востоке Казахстана, в данном названии глухой *қ* озвончению не подвергается: *алабұқа*¹. Кроме каракалпакского вариант названия «бык» с срединным звонким, типичен многим родственным языкам²: баш., азерб., гаг. *бұға*, тур. *боға*, хак. *пуға* и т. д. Упомянутое выше арабское заимствование *рақат* «блаженство» в некоторых казахских поселениях восточнее Алма-Аты установлено в форме *рағат*. Кстати, там имеется и местечко под названием «Рағат», берущее свое начало, видимо, от ранее существовавшего колхоза.

Озвончение *к* в положении между гласным и сонорным зафиксировано в казахских говорах, расположенных в окрестности Ташкента: *Бегмырза* вм. *Бекмырза* (имя человека), *беглер* «беки».

Более последовательному озвончению подвергается *к*, выступающий на стыке морфем перед сонорным *м* в сложных собственных именах, типа названного *Бегмырза*, в языке казахов, населяющих северо-западную окраину Джамбулской области, в частности там, в устах народа исторический топоним *Ақмола* носит форму *Ағмола*, а женские имена *Ақмарал*, *Ақмаржан*, мужские *Ақмырза*, *Ақмолда* произносятся как *Ағмарал*, *Ағмаржан*, *Ағмырза*, *Ағмолла*. Однако нередко бывает и наоборот. В антропониме *Аймақан* вместо закономерно ожидаемого интервокального *ғ*, к нашему удивлению, мы наталкиваемся на глухой *қ*, а звонкий *ғ* оказывается характерной приметой северного произношения этого имени.

¹ *Айтазин Қ.* Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана. Алма-Ата, 1973. С. 11.

² *Шербак А. М.* Названия домашних и диких животных // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 99.

4. Геминация согласных

Явление геминации согласных до недавнего времени оставалось вне поля зрения казахских диалектологов, хотя материалы диалектологических экспедиций разных лет в той или иной степени отражали присутствие этого весьма интересного фонетического признака в ряде говоров южной полосы республик, к которым прежде всего надо отнести изолированные говоры внутренних районов Средней Азии. Во всяком случае все диалектологические данные, которыми мы располагаем на этот счет и которые нами включены в приводимые ниже таблицы, были зафиксированы из речи носителей казахских говоров указанных территорий. В частности, геминация согласных там обнаружена в составе следующих слов:

В изолированных каз. говорах на территориях республик Средней Азии	В каз. говорах «материкового» типа и лит. языке	Значение
1	2	3
<p>туллан у́ллу жыллы доллы тіллә сәллә//селле әлле қайдан әлле кім әлле қашан</p> <p>буннан соннан сеннен меннен мұннан оннаған жаманнық еккі йетті секкіз тоққұз меккер//мәккәр мәккә тікке жекке беккем//меккем аппар әппер ыссық//ыссығ қассап нешше аччы//әччі ғарры//қарры тәуүррек дәрруу//дәрреу өрре</p>	<p>тулдан у́лы жылы долы ділдә сәлде әлде қайдан әлде кім әлде қашан// алда қашан</p> <p>бұнан сонан сенен менен мұнан ондаған жамандық екі жеті сегіз тоғыз мекер — тіке жеке бекем апар әпер ыстық касап неше ащы кәрі//қары тәуірірек дереу өре</p>	<p>разолись великий теплый вспыльчивый золото чалма неизвестно откуда: кто-то, некто давным-давно</p> <p>отсюда от того от тебя от меня отсюда десятками: зло два семь восемь девять коварный кукуруза прямо отдельно прочный отнеси подай горячий мясник сколько горький старый лучший быстро дыбом</p>

1	2	3
гүрре	—	осленок
аррағырақ	әрегірек//арағырақ	подальше
зәрре	зәре	кроха
әууәлу	әуелі	сначала
әйемгі	—	древний
кәллә//келле	келде	голова
мілләт//міллет	—	нация
жіңні	жіңды	сумасшедший
кәттә	—	большой
шәдді	—	вспыльчивый
ғаззап	кеззеп//кеззап	пройдоха

Удвоение согласных на стыке морфем — очень распространенная закономерность в фонетическом строе тюркских языков¹, в том числе казахского. Под словом стык здесь имеется в виду не только стык корневых и аффиксальных морфем, но и место соединения компонентов сложных слов. Ибо компоненты последних в тюркских языках соединяются друг с другом непосредственно, т. е. без участия каких-либо вспомогательных морфологических элементов, к примеру, русских соединительных гласных. Иногда образование геминат может охватить даже область соприкосновения непрерывно следующих друг за другом в речевом потоке двух самостоятельных слов.

Основная масса геминированных согласных в казахском языке вызвана позиционным изменением согласных, выступающих на стыке морфем. Зависимость начала аффиксов от характера конечного звука основы, так называемая прогрессивная ассимиляция, — положение общеизвестное. Подвергнутые этому фонетическому изменению начальные согласные аффиксов нередко могут совпадать с конечными согласными основы, что и служит причиной образования геминат типа *тт, кк, сс, шш*: *қатты* «твердый» — *қат* «твердеть, мерзнуть», *қаққыз* «заставить встряхнуть» — *қақ* «встряхнуть, трясти», *тассыз* «без камней, некаменистый» — *тас* «камень», *шәшізіз* (орфог. *шашсыз*) «без волос» — *шаш* «волос». В своей доминирующей части подобные геминаты в казахском языке глухие, что связано с преобладающим глухим концом казахского слова.

Значительная часть геминат, которая имеется в составе слов, включенных в наш список, образована действием закона уподобления согласных на стыке морфем: *ыссық* «жаркий, горячий», *жаманнық* «зло, неблагополучие», *оннаған* «около десяти, десятками», *келмегенні* «того, который не явился». Эти слова в говорах «материкового» типа и литературном языке произно-

¹ Дмитриев Н. К. Двойные согласные в тюркских языках // ИСГТЯ. М., 1955. Ч. 1. Фонетика. С. 261; Садвакасов Г. Двойные согласные в современном уйгурском языке // Изв. АН КазССР. Сер. общественная. 1968. № 5. С. 48.

сятся как *ыстық, жамандық, ондаған, келмегенді, келмегенні* — отрицательная форма причастия, образованного от основы *кел* «прийти» и выступающего в винительном падеже. Аффикс этого падежа *-ны, -ні*, употребляющийся независимо от характера конечного согласного, свойствен многим тюркским языкам: узб. *китобни* «книгу», кум. *атны* «коня», тат. *ташны* «камень» и т. д.

Наличие двойного *ни* в составе рассмотренных выше слов и подобных им говорит о имеющих место в изолированных говорах указанных территорий элементов назальной гармонии согласных. При признании изначальности *л* картину появления геминаты *ни* в составе наших примеров можно схематично показать следующим образом: *жаманнық < жамандық < жаманлық, оннаған < ондаған < онлаған* и т. п.

Как проявление закона прогрессивной ассимиляции также следует рассмотреть геминату *ши* в составе общелитературных *ашыы* (орфог. *ащы*) «горький, соленый», *түшшү* (орфог. *түщы*) «пресный, негорький», о чем свидетельствует бытование на юге их диалектных вариантов *ашты, түшту*. Ж. Доскараев обнаружил у южных казахов (ближе к узбекской территории) другой вариант первого слова — *аччы/эччи*, т. е. с двойной аффрикатой, которую он связывал с влиянием узбекского языка¹. К этому ряду примыкает *пн* в составе *эппер* лит. *эпер* «подать», *аппар* лит. *апар* «отнести», где первый элемент геминаты есть *п*, имеющийся в первом компоненте глагольных конструкций *алып бер* «подать», *алып бар* «отнести», от которых образованы и эти глаголы, а другой ничто иное как подвергнутый оглушению вариант *б*, выступающий в анлауте вторых компонентов конструкций: *эпер < эппер < ап бер < алып бер; апар < аппар < ап бар < алып бар*.

Точно такой же механизм наличествует при удвоении *н*, функционирующего в середине местоименных форм *соннан* «от того», *буннан* «от этого, отсюда», *муннан* «от этого, отсюда», *сеннен* «от тебя». Переход дентального *д*, свойственного аффиксу исходного падежа (в данной форме его реализации в речи), в носовой *н* тоже вызван позиционным изменением согласных. Допустимо, что указанные местоимения на определенном историческом этапе развития казахского языка в исходном падеже могли иметь форму *сондан, бундан, мундан, сенден*, поскольку такая же падежная форма местоимений имеется в ряде современных языков: кир. *мындан* «от этого, отсюда», *сенден* «от тебя»², туркм. *мундан* «от этого», «отсюда», *менден* «от меня», *сенден* «от тебя», *ондан* «от него»³. Форма эта чужда и местоимениям в турецком, узбекском, уйгурском и некоторых других языках. А

¹ Доскараев Ж., Мұсабаев Ф. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері. Алматы, 1951. С. 14.

² Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтар. Фрунзе, 1960. С. 78.

³ Гурбанов А. А., Күррәев Н. Түркия диалект грамматикасы: Фонетика, морфология. Ашгабат. 1956, 1-бөлүм. С. 82.

что касается явления удвоения *н* в аффиксах некоторых падежных форм указанной категории местоимений, то надо отметить, что оно тоже имеет распространение в отдельных тюркских языках и диалектах: кум. *меннен* «от меня», *муннан* «от этого, отсюда», ног. *сеннен* «от тебя», *оннан* «от него», в диалектах турецкого языка *уннан* «от него», *онна* (местный падеж) «у него, там».

В наших примерах, конечно, отсутствуют геминаты, образование которых можно было бы объяснить с позиции действия звукового закона регрессивной ассимиляции. Однако это обстоятельство вовсе не исключает возможности наличия геминированных согласных в общей системе казахской народной речи, возникших путем регрессивной ассимиляции, в чем нас убеждают имеющие место формы произношения в литературной речи таких производных имен, как *атқошышы* < *атқосшы* «стремянной», *ташиша* < *тазша* «плешивый».

Позиционное изменение звуков в казахских диалектах составляет основной способ геминирования согласных, но отнюдь не единственный. Очевидность подобной оговорки нам хорошо продемонстрируют следующие заимствования, которые содержит наш список:

мүттәйім «мошенник», «плут» а. متهم , *мак-*

кам//меккем «прочный» а. مكتم , *маккә* «кукуруза» а. مكته

(город Мекка), *милләт* «нация, национальность» а. ملت

зәррә «кроха, пылинка» а. ذرة , *газзат* «жулик, пройдоха» а.

кәдәп , *жіллі* «дурной, сумасшедший» а. جئي , *тіллә* «зо-

лото» п. كلا , *кәллә//келле* «голова» п. كله , *шәдді* «вспыль-

чивый» п. قادى и пр. Многие из этих слов в языках, откуда

они были заимствованы, имели в своем составе двойные или очень близкие по артикуляции смежно расположенные согласные, которые впоследствии в одних казахских говорах типа указанных локализованных с незначительным видоизменением сохранились как отражение первоначальных звуковых примет, свойственных языкам-источникам, а в других подвергались существенному фонетическому преобразованию, приведшему в конечном счете к утрате заимствованными согласными моментов геминативности. Последний процесс связан с той общей тенденцией, наблюдающейся в фонетическом строе казахских народных говоров, которая заключается в склонности к нейтрализации геминат, немотивированных стыковым положением морфем. Даже геминаты на стыке морфем ряда собственно тюркских слов, неподпадающих морфологическому членению с точки зрения современного уровня развития казахского языка, и то были утрачены в основной массе казахских говоров. Так, слова *жіллі* «теп-

лый», *қарры* «старый», *өррө* «дыбом, торчком», уже знакомые нам из вышеприведенного списка, во всех диалектных массивах, за исключением территории внутренних райсов Средней Азии и в литературном языке, ныне известны только в форме *жылы*, *кәрі*, *өре*. О возможных с двойными согласными прежних вариантах этих слов мы можем сейчас судить, только ссылаясь на показания диалектов и некоторых современных тюркских языков. Например: ккалп. *ғарры* «старый», *жыллы* «теплый», туркм. *гарры* и т. п.

Н. К. Дмитриевым¹ отмечена соотносительность основ *ғарры*//*қары* «старый», *қарт* «старик», *қарчық* «старуха». Последней пример, видимо, взят из татарского языка, где тот употребляется именно в этой роли. В значении «старуха, старая баба» с оттенком пренебрежения в языке некоторых произведений казахского фольклора отмечено слово *қар*. В версии Жусупбека Шайгул Ислам народного эпоса «Алламыс» это слово обнаруживаем в следующих стихотворных строках²: *Тіләмді бер сақау қар* «Отдай мою золотую монету, баба картавая»; *Өңкей кәне сақау қар* «Все вы сплошь, бабы картавые»; *Ай, ант ұрған сақау қар* «Эй, проклятая баба картавая». Оттенок презрения в значении *қар* до некоторой степени его объединяет с персидским

غَر *гәр* «женщина легкого поведения». Второй компонент геминаты *рр* в составе *гарры* относится к предполагаемой аффиксальной морфеме *-ры*. У Н. А. Баскакова³ *қары* «стареть» — основа глагола, в казахском языке *қары*//*кәрі* выступает как в значении имени «старый, старуха», так и в значении глагола: *Айналайын тарланым, Мінбей-түспей қарыдың, Арқанда тұрып арыдың*. «Мой любимый сивый конь, состарился ты от утомительного покоя, похудел ты, будучи на привязи»⁴. В производных формах *қартай*//*кәртәй*//*кәртеі* «стареть», *қария*//*кәрия*//*қарт* «старец» и *қары*//*кәрі* легко выделяется основа *қар*//*кәр*.

Переход геминат в простые согласные в казахской народной речи можно наблюдать не только в морфологически неразложимых в современном понятии основах, но и в основах, вполне членимых на составные части. Слово *аттас* «тезка», распространенное на юге и западе, в говорах центральной части Казахстана представлено в форме *адас*, где налицо переход геминаты *тт* в *д*. Озвончение последнего здесь вызвано его интервокальным положением. Форма этого имени с одинарным согласным в значении «тезка» и «друг, товарищ» имеется в ряде тюркских языков и памятников. В частности, это слово в узбекском, татар-

¹ Дмитриев Н. К. Двойные согласные в тюркских языках // ИСГТЯ. М., 1955. Ч. 1. Фонетика. С. 262.

² Алламыс батыр. Алматы, 1961. С. 559, 561.

³ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 209.

⁴ Ер Тарғын. Алматы, 1957. С. 25.

ском, турецком языках, уйгурских диалектах в варианте *адаш* и ногайском — *адас* отмечено в значении «тезка» и в памятниках: в енисейских надписях¹, Кутадгу билиг², Бадаи ал-лугат³, у Махмуда Кашгарского⁴ (тоже в варианте *адаш*, но в значении «друг, товарищ»). Последним значением также наделен его якутский вариант *атас*. В. В. Радлов⁵ форму *адаш//атас* отождествляет с киргизским *атташ* «тезка», казахским *аттас*, выводя их от *ат (ад) + гаш*.

Э. В. Севортян допускал возможность образования *адаш* от какого-то исчезнувшего глагола *атда//адда*. При этом он имел в виду каракалпакскую форму «тезки» *атглас*⁶. Как в том, так и в другом понимании этимология этого слова не противоречит идее о возможности перехода древних геминированных согласных *тт* или *тд*, *дд* в наших говорах в простой *д*. Бесспорно, что простой *л* в каракалпакском *атглас* как согласный, причастный к аффиксу *-ла-с*, соответствует казахским *т*, *д*. Превращение в простой звук ранее существовавших геминат в казахском языке может быть лучше продемонстрировано глаголом *бақыла* «присматривать», «следить», изначальная форма которого образована от корня *бақ* «смотреть» при помощи аффикса множественности действия *-қыла*: *баққыла*. Утрата геминаты последним в настоящее время устанавливается по наличию аналогичных с ним конструкций наподобие *соққыла* «ударять», *тыққыла* «всоставлять, втыкать» и пр.

За исключением отмеченных выше *еккі* «два», *йетті* «семь», *секкіз* «восемь», *тоққұз* «девять», которые мы в основном извлекаем из диалектологических записей Б. Бекетова⁷, произведенных им у казахов на юге Каракалпакии, зафиксированных случаев геминат в составе числительных в говорах неизоллированного типа пока не было. Числительные, пожалуй, являются одним из самых популярных пластов тюркской лексики, где — больше всего проявлено функционирование геминат, немотивированных стыковым положением морфем с точки зрения современного состояния тюркских языков. Здесь достаточно привести такие примеры, как узб. *етти* «семь», имеющие варианты в азерб. *йедди*, уйг. *йэттә*, якут. *сэттэ* или узб. *туққуз*⁸ «девять»,

¹ Малов С. Л. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 101.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 9.

³ Боровков А. К. Бадаи ал-лугат. Словарь Тали и мани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961. С. 62.

⁴ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Тошкент, 1980. Т. 1. С. 92.

⁵ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1898. Т. 1. С. 457, 484.

⁶ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 204.

⁷ Бекетов Б. Каракалпақстанның оңтүстік аудандарындағы қазақ гозоры. Алматы, 1969. С. 66 (Рукопись кандидатской диссертации, Центральная научная библиотека АН КазССР, шифр 1372).

⁸ Числительные 2, 7, 8, 50 в староузбекских текстах нередко встречаются и без геминат. См. Абдурахмонов Ф., Шукуров Ш. Узбек тилининг тарихий грамматикаси: Морфология ва синтаксис. Тошкент, 1973. С. 76.

имеющие варианты в азерб. *доггуз*, уйг. *тоққуз*, туркм. *доккуз* и т. д. Явлению геминации в тюркских языках часто подвержены согласные в составе числительных, обозначающих понятия два, семь, восемь, девять, тридцать, пятьдесят. Среди них частые случаи геминации известны в составе «пятьдесят». Последнее имеет распространение в некоторых наиболее близких к казахскому языкам: ккалп. *елли*, ног., кбал. *элли*.

Закономерность существования геминат в указанной категории числительных в одних тюркских языках и равно их отсутствия в других пока еще не нашла своего разрешения в тюркологии. Известно, что геминированные согласные не характерны корню тюркского слова. Между тем, в отдельных тюркских языках: азербайджанском, кумыкском и марыйском диалекте туркменского языка удвоение согласных наблюдается в неразложимых основах за пределами числительных: азерб. *саггал* «борода», кум. *гиччи* «маленький», *итти* «острый» (каз. *жіті*), туркм. в его марыйском диалекте *аррық* «худой»¹.

Способы образования двойных согласных, звуковые закономерности, порождающие их, и область лексики, в которой они распространены, весьма похожи друг на друга почти во всех тюркских языках, исключая чувашский. В системе языков тюркской семьи чувашский язык резко выделяется последовательной функцией геминат, где помимо стыка морфем и основы числительных процессом удвоения согласных охвачен широкий круг корневых слов: *кукка* «дядя со стороны матери», *суккар* «слепой»². В отличие от других тюркских языков здесь количественные числительные от одного до десяти имеют параллели с двойными согласными и без таковых. Удвоение согласных в составе числительных в чувашском языке имеет фонематическую значимость, проявляющуюся в дифференциации субстантивной и атрибутивной функций каждой из этих групп числительных в отделимости³. Случаи функциональной дифференциации геминат и одинарных согласных отмечены также в башкирских собирательных числительных: *беррау* «в одиночку», *иккау* «двое», *өсәу* «трое» и т. д. Процесс удвоения согласных в составе подобных числительных происходит только тогда, когда эти числительные применяются для обозначения счета предметов. При этом геминация сопровождается переходом ударения с последнего слога на первый, что придает эмоционально-экспрессивную окраску акту счета⁴. В остальных речевых ситуациях башкирские собирательные числительные употребляются без геминат: *берау*, *икәу*, *өсәу* и т. д.

¹ Дмитриев Н. К. Двойные согласные... С. 262.

² Там же. С. 263.

³ Левинская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. С. 45.

⁴ Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981. С. 161.

Механизм появления геминат вследствие стечения согласных на стыке отчетливо выделяемых морфем понятен. А на вопрос о том, как в древности происходил процесс, вызывавший к жизни двойные согласные в неразложимых основах, у ученых нет решительного ответа. По поводу фактов удвоения согласных в составе числительных Н. К. Дмитриев говорил, что «является ли это результатом эмфатической речи или других причин — не установлено»¹.

А. М. Щербак², выделив геминацию, встречающуюся внутри основы от их других видов в качестве собственной геминации, считает ее явлением, появившимся «как вспомогательное средство, обеспечивающее качественную устойчивость — сильных согласных, выступающих в интервокальной позиции, — а геминированные согласные более сильные и более устойчивые в качественном отношении, чем обычные согласные». Он также не исключает здесь момент редукции узких гласных второго слога, так как процесс геминации во многих тюркских языках происходит в положении перед узкими гласными.

По некоторым соображениям можно также допустить, что фактором, сопутствующим явлению геминат в основах числительных типа узб. *саккиз* «восемь», уйг. *тоққуз* «девять», до известной степени служило передвижение ударения с последнего слога на первый, когда те наподобие башкирских собирательных числительных употреблялись при произведении счета предметов, а не их количества.

Мы знаем, что двойные согласные встречаются в казахских говорах изолированного типа некоторых внутренних районов республик Средней Азии. Поэтому здесь к сравнению должны быть привлечены факты прежде всего тех языков, в окружении которых исторически оказались эти говоры.

Из материалов Ж. Болатова³, собранных им на востоке республики, на двойные согласные находим пример *жаттық* «складный», представляющий собой относительное прилагательное, который повсеместно распространен в форме только с одним *т*. (Эту форму нельзя, конечно, смешивать с ее грамматическим омонимом, личной формой глагола *жаттық* «мы легли», тоже имеющей в своем составе геминату и вместе с первой образованной от одной и той же глагольной основы *жат* «лежать»). В таких словосочетаниях, как *тігісі жаттық* «складный шов», *жаттық сөз* «складное выражение», эта форма в речи носителей восточных говоров казахского языка употребляется в форме *жаттық*, т. е. с двойным *тт*, что абсолютно недопустимо в других говорах и с точки зрения литературного языка. *Жаттық* — первоначальная полная форма этого производного имени. Гемина-

¹ Дмитриев Н. К. Двойные согласные. С. 263.

² Щербак А. М. Сравнительная фонетика... С. 104.

³ Болатов Ж. Семей облысының Абай, Шұбартау аудандарында тұратын қазақтар тіліндегі жергілікті ерекшеліктер туралы // КТДМ. Алматы, 1960. 2-шығ. С. 134.

В изолированных казахских говорах на территории республик Средней Азии	Қкалп.	Узб.	Туркм.	Значение
1	2	3	4	5
меннен *	меннен	—	—	от меня
соннан	соннан	—	—	от того
меккер//мәккәр	мәккар	маккар	—	коварный
жекке	жекке	якка	—	отдельно
тікке	тикке	тикка	—	прямо
жыллы	жыллы	—	—	теплый
ұллы	уллы	—	—	великий
міллет	миллет	миллат	миллет	нация
доллы	доллы	—	—	упрямый
зәрре	зәрре	зарра	—	кроха
ғарры	ғарры	—	гарры	старый
қассап	—	қассоб	гассап	мясник
нешше	нешше	—	—	сколько
аччы//әччі	ашшы	аччиқ	—	горький
әййемгі	әййемги	—	әййәмки	древний
аппазы	—	—	апбасы	монета
әппер	әппер	—	—	подать
аппар	аппар	—	—	отнести
шаппат	шаппат	—	—	ладонь
шәдді	—	шаддод	—	вспыльчивый
ыссық	ыссылық	нссиқ	ыссы	горячий
кәттә	—	катта	кетде	большой
мүттәйім	—	муттахам	—	мошенник

та в ее составе, сохранившаяся в небольшом диалектном регионе, впоследствии перешла в обычный звук. Двойной *тт* здесь возник путем слияния конечного согласного основы с начальным согласным аффикса *-тық*, что хорошо видно из общеупотребительной формы *артық* «излишний, с излишком», образованной по этой же модели от глагольной основы *арт* «превосходить, иметься в излишке». Утрата геминированного согласного современной формой *артық* сейчас устанавливается присутствием ее полной формы *арттоқ* в древнетюркских рукописях¹.

* Прочерк ставится при отсутствии фонетических вариантов сравниваемых слов с геминированным согласным.

¹ Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 122.

Заключение

В порядке краткого заключения считаем необходимым обратить внимание на следующие узловые моменты в работе.

1. Казахские диалекты, складывавшиеся в отдаленном прошлом на основе языков и диалектов древних племен и родоплеменных объединений, вошедших впоследствии в состав казахской народности¹, в силу различных политических, исторических, социально-экономических обстоятельств, имевших место в последующие эпохи, и особенно миграции многочисленных азиатских народов, неоднократно проходившей по обширным равнинам средневекового Казахстана, претерпели существенное изменение, теряя при этом былой племенной характер, что хорошо видно на примере дифференцирующих фонетических признаков, ареалы распространения которых не всегда совпадают с пространственными пределами этнического расселения казахов. Такие глобальные фонетические приметы казахских говоров как чеканье и джекканье в одинаковой степени встречаются и в Семиречье, и на Алтае, где представлены племена различной жузовской принадлежности. А говор казахов некоторой части племен и родов Среднего жуза, обитающих на востоке республики, относится к чекающе-джекающему типу, тогда как основная масса представителей племен Среднего жуза говорит на шекающе-жекающем диалекте. Эти факты и подобные им свидетельствуют о постепенном стирании племенных примет казахских диалектов и приобретении ими черт территориального диалекта. Однако сейчас преждевременно говорить об окончательном завершении этого процесса, поскольку факты совпадения ареалов значительного числа диалектных явлений с территорией расселения племен все еще сохраняются. Так, изоглосса *ж*, заменяющего *ш* в грамматической форме *болажақ* «будущее», *бережақ* «долг» вм. *болашақ*, *берешек*, в основном, характеризует территорию расселения казахов Младшего жуза; сохранение *г* в слове *кйгіз* вм. *кййіз* «войлок» — Среднего жуза, а переход среднеязычного назального *ң* в переднеязычный *н* в форме генетива *біздің* вм. *біздің* «наш» — Старшего жуза. Именно со-

¹ *Аманжолов С. А.* Некоторые сведения о древних племенных диалектах казахского языка // Изв. АН КазССР. Сер. филологии и искусствоведения. 1954. Вып. 1—2. № 135. С. 83—100.

хранение таких фактов и обуславливает именование казахских диалектов не просто территориальными, а территориально-племенными.

2. Как было указано выше, особенно велика была роль миграционных процессов в изменении этнического состава казахских племен и родов. В связи с различными политическими, социально-экономическими обстоятельствами и историческими событиями казахские племена и роды в прошлом меняли свои исконные места обитания и традиционные маршруты летней перекочевки. В соответствии с этим нередко менялся и состав того или иного родового объединения и племени. Значительную часть крупного родового подразделения Среднего жуза туртуларгынов, проживающих в отдельных районах Павлодарской и Целиноградской областей, одновременно можно встретить в составе племени найман, под несколько видоизмененным названием *дортул*, что обитает, в основном, на территории КНР и частично на Зайсане. Но каждая из этих разобщенно живущих частей одного и того же рода ныне относится к разным группам казахских говоров: первая к шекающей, а вторая к чекающей. Мало того, этнический компонент *туртул* встречается в составе других тюркских народов. А роды каракесек, телей имеются как в составе казахов Среднего, так и Младшего жузов. Примеров такого позднего смешения и перераспределения казахских родов и племен очень много. Следы миграционных потоков племени найман, как об этом свидетельствует А. Маргулан, можно встретить ныне в низовьях Сырдарьи, на Улутауском и Алтайском нагорьях. Следы эти располагаются в направлении с запада на восток. Исходя из этих сведений, можно предположить, что центр распространения весьма типичного для говора восточных найманов джеканыя когда-то находился на берегах Аральского моря и реки Сырдарьи, т. е. в его возможном древнем ареале. Однако, как мы видим теперь, ни там и ни в районе Улутау эта примета не сохранилась, хотя значительное число найманов продолжает жить в этой местности и донныне. Подобные факты и отмеченные уже выше смешение и перераспределение родов в составе более крупного этнического объединения, безусловно, способствовали стиранию бывшего родоплеменного характера казахских диалектов и постепенному приобретению ими характера территориального.

Одна из крупных поздних миграций казахского населения имела место в первой четверти XVIII в., когда часть казахских родов, спасаясь от натисков джунгарских завоевателей, массами вторглась на территорию современных среднеазиатских республик. Известен также значительный наплыв туда казахов в послереволюционный период в начале 30-х годов. Передвижение населения, бесспорно, внесло свои коррективы в этнический состав и языковое развитие казахских родов и племен, подвергнутых миграции, и способствовало образованию впоследствии ряда говоров изолированного типа на территориях республик

Средней Азии, что в свою очередь, оказало ощутимое влияние и на активизацию функции жекающего фонетического признака среди местных узбекских говоров¹.

3. Дифференцирующие фонетические признаки казахских народных говоров сводятся к различным видам звукового противопоставления, к числу наиболее распространенных и последовательно встречающихся его разновидностей надо прежде отнести соответствие начальных *ч/ш*, *дж/ж*. Противопоставлением именно этих аффрикат и спирантов обусловлено признание в диалектной системе казахского языка чекающих и шекающих, джекающих и жекающих типов говоров.

В числе различительных фонетических признаков необходимо также отметить противопоставление начальных согласных *б/п*, *т/д*, *к/г*, *к/г*, *с/з*, *ц/н* и равным образом противопоставление, связанное с синкопированием *л* и гуттуральных согласных, геминацией и переходом звуков.

Сфера действия соответствия анлаутных *ч/ш*, *дж/ж* в фонетической системе казахских народных говоров по существу распространяется на все лексические элементы, начинающиеся с аффрикат и спирантов данной группы, остальные же виды звукового противопоставления ограничены определенным кругом слов и грамматических формантов, которые по отношению к конкретным разновидностям противопоставления представлены в одном случае количественно больше, в другом — меньше.

О характере употребления в речи, ареале распространения и истории возникновения наиболее системных видов фонетического противопоставления в казахских говорах можно заключить следующее.

а) Согласно тому, который из взаимозаменяемых шипящих *ч*, *ш* свойствен звуковому строю народной речи, особенно анлаутной позиции слова, казахские говоры делятся на чекающие и шекающие. Из этих двух групп как по величине географии распространения, так и в количественном соотношении носителей, шекающая группа в системе казахского общенародного языка занимает доминирующее положение. Шеканье как примета, характеризующая исключительное множество казахских говоров, легла в основу литературного произношения.

Употребление *ч* в различных чекающих говорах проявлено по-разному. Наиболее последовательным функционированием отличается *ч* в говорах юго-востока и востока республики. Менее регулярное употребление *ч* отмечено в казахских говорах Туркмении, Каракалпакии и прилегающих к ним районов.

б) Простой начальный спирант *ж*, свойственный фонетическому строю подавляющей массы казахских говоров, одновременно является типичной чертой анлаута слова кыпчакских языков, особенно их кыпчакско-ногайской ветви. Основная причина свойственности жеканья доминирующей части казахских говоров

¹ Решетов В. В. Узбекский язык. Ташкент, 1959. Фонетика. Ч. 1. С. 61.

кроется в явном преобладании этнического компонента — носителя данной звуковой приметы среди прочих тюркоязычных компонентов, вошедших в состав казахской народности в период ее образования. Этот предполагаемый этнический компонент в древности составлял, очевидно, основное ядро диалектов племен и родов, которые ныне у казахов встречаются, главным образом, в составе Младшего и Среднего жузов. Однако среди родоплеменных групп Старшего жуза тоже немало носителей жекающего признака. Это прежде всего касается говоров казахов, проживающих на территориях некоторых районов Чимкентской, Кызыл-Ординской и Ташкентской областей. Следовательно, упомянутый этнический компонент имел участие в установлении жекающей черты и среди известной группы казахов Старшего жуза, хотя надо думать, что ни этот компонент, ни его диалект сейчас на казахской почве не сохранился в первоначальном, не подвергнутом изменению виде.

Признание ведущей роли указанного жекающего этнолингвистического компонента в процессе образования казахской языковой общности нельзя представить себе как отрицание той лепты, которую достойно внес в развитие этого процесса другой этнолингвистический компонент с джекающим звуковым элементом. Есть основание предполагать, что казахская языковая общность в период своего зарождения включала в себя как жекающие, так и джекающие родоплеменные диалекты, но с совершенно очевидным превосходством первых. Приблизительно такое же соотношение в распределении начальных *ж*, *дж* между казахскими говорами сохранилось до наших дней. Казахский диалектный ландшафт, отличающийся наиболее ярким проявлением фонетического признака джеканыя, в родоплеменном отношении не являет собой единообразия.

На основании неоднотипности родоплеменных признаков, характеризующих ареалы рассматриваемого звукового противопоставления, можно предположить, что дифференциация фонетических явлений жеканыя и джеканыя на почве казахских народных диалектов происходила еще задолго до того, как казахское общество было разделено на три жуза.

в) В звуковой системе казахских диалектов на себя обращает внимание также противопоставление срединных согласных *л/д*, *т*. Оно широко представлено в общей системе фонетики, тюркских языков. Поэтому установление его ареалов одновременно может представлять интерес и с точки зрения общетюркского атласа.

В казахских диалектах отмечены два типа соответствия срединных *л/д*, *т*: первый из которых можно назвать переходом смычных *д*, *т* в боковой *л* (*маңлай* вм. *маңдай* «лоб»), а второй, — наоборот, переходом *л* в смычные *д*, *т* (*сіңді* вм. *сіңлі* «младшая сестра»).

Географический ареал первого типа, т. е. перехода *д*, *т* в *л*, охватывает весьма обширный диалектный массив казахского

языка: все говоры казахского населения республик Средней Азии и прилегающих к ним районов Казахстана, а также говоры, расположенные на юге и юго-востоке Республики Казахстан. Географический ареал второго типа, т. е. перехода *л* в *д*, *т*, охватывая районы Восточно-Казахстанской и отчасти Семипалатинской областей, локализован более узкой территорией, чем ареал первого. К последнему ареалу также примыкают сопредельные с востоком республики говоры казахов Қошағачского района Горно-Алтайской автономной области, а также МНР.

Переход *д*, *т* в *л* в говорах казахов Узбекистана, Каракалпакии и Туркмении представлен значительно большим кругом лексики, чем в говорах юга собственно территории Казахстана. Известно, что употребление *л* вм. *д*, *т* из среднеазиатских тюркских языков является типичной чертой узбекского, каракалпакского и туркменского. Поэтому не случайно, что все данные, характеризующие переход *д*, *т* в *л*, почти без исключения перекликаются с данными этих же языков. На этом основании можно считать, что значительное число фактов этого вида звукового изменения своим появлением и устойчивым сохранением в местной речи обязаны контакту с названными языками, имевшему место в сравнительно поздний период. Соответственно и ареал этого типа поздний.

Фонетические варианты слов, характеризующие второй тип перехода *л/д*, *т*, в системе тюркских языков находят свою полную аналогию в киргизском, хотя место обитания восточных казахов от Киргизии отделено внушительным географическим пространством. В историческом прошлом киргизы с носителями названных казахских говоров жили в непосредственном соседстве. Поэтому предполагается, что этот вид перехода звуков суть следствие казахско-киргизского древнего языкового контакта, и ареал его соответственно древний. А употребление *д* в упомянутых позициях вм. *л* является одной из характерных черт киргизской фонетики.

Следовательно, ареалы сходных, однотипных фонетических явлений не всегда проявляют единообразие. Они порою бывают совершенно различными не только в пространственном, но и временном отношении.

4. Ареальные фонетические черты казахских говоров, подвергнутые нами картографированию, в основном, сводятся к бинарному (двучленному) противопоставлению. Соответственно размещение в пространстве каждой пары лексически тождественных элементов, отличающихся друг от друга по тем или иным звуковым приметам, на лингвистических картах представлено двумя противопоставленными между собой ареалами. Иными словами, любой из ареальных фонетических признаков при нанесении его на лингвистические карты разделяет территорию распространения казахских говоров на две географические зоны. Так, изоглоссы фонетических параллелей *еге-йге* «хозяин» на территории расселения казахов образуют два ареала, первый из

которых с вариантом *еге* охватывает почти весь юг Казахстана, своим западным краем глубже вторгаясь в расположение Ташкентской и Сырдарьинской областей Узбекистана, а другой ареал, т. е. с вариантом *йге*, размещен на территории с казахским населением за пределами первого.

Бинарное противопоставление языковых явлений, преимущественно фонетических, было положено в основу классификации казахских диалектов, выдвинутой Н. Т. Сауранбаевым¹, который различает в казахском языке две группы диалектов: северо-западную и юго-восточную, первую из коих он называет *ш, д*, а другую *ч, л* диалектами. Двучленным противопоставлением определена и деление казахских говоров на те же группы Ж. Доскараевым², который наряду с фонетическими признаками в свою классификацию привлекал данные грамматики и лексики. Даже в тех концепциях ученых, по которым в казахском языке устанавливаются не две, а три или четыре группы говоров³, при характеристике их звуковых различительных черт объективно соблюдается принцип бинарного противопоставления.

5. Различительные фонетические черты, свойственные тем или иным казахским диалектам, в своем абсолютном большинстве, выходя за рамки собственно казахского языка, носят общетюркский или по меньшей мере межтюркский характер, что может быть истолковано двояко, в первую очередь, как признаки, указывающие более древние генетические связи между тюркскими народами и их языками, а далее как признаки, появившиеся в результате длительного и непосредственного языкового контакта казахских диалектов пограничных зон с соседними тюркскими языками. Однако поставить резкую грань между этими двумя типами общих с родственными языками фонетических черт не всегда удается. При бесспорном признании огузского происхождения звонкого *г*, употребляющегося в начале известной группы слов (*генже* вм. *кенже* «последний») в отдельных казахских говорах, особенно в говоре изолированного типа юга Каракалпакии, нельзя говорить без соответствующей оговорки, например, о срединном латеральном *л*, заменяющем смычные *д, т* в ряде южных и юго-восточных говоров казахского языка, хотя и здесь налицо совпадение данных, характеризующих это явление с соседними родственными языками. Некоторые из фактов этой звуковой замены (*дүүалақ* вм. *дүүадақ* «дрофа») обладают довольно обширным ареалом распространения и не могут быть объяснены, разумеется, с позиции иноязычного влия-

¹ Сауранбаев Н. Т. Диалекты в современном казахском языке // ВЯ. 1955. № 5. С. 49.

² Доскараев Ж. Некоторые вопросы диалектологии казахского языка // Вестн. АН КазССР. 1953. № 7. С. 44.

³ Аманжолов С. А. О диалектах казахского языка // ВЯ. 1953. № 6; Сауранбаев Ш. Көркем әдебиет тіліндегі диалектизмдер // Қазақ әдебиеті. 1958, 14 қараша; Ево же. К вопросу о диалектном членении казахского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3. С. 45.

ния. Зато самоочевиден заимствованный характер такого узко-локального вида как *л-д*, который встречается в составе аффикса множественного числа *-лар* (*бізлер* вм. *біздер* «мы») в казахских говорах, бытующих в пределах республик Средней Азии.

6. Состав лексических элементов, характеризующих тот или иной вид звукового изменения, неоднороден. В их числе наряду с исконно тюркскими словами нередко встречаются и слова иноязычного происхождения. Отдельные виды звуковых примет иногда больше представлены заимствованиями, чем словами тюркского корня. Так, среди лексических элементов с противопоставлением анлаутных гуттуральных преобладают слова иранского происхождения. Такими, например, являются слова, свойственные казахским говорам на территориях республик Средней Азии, типа *гілем* «ковер» п. **گلم** , *гарагат* «чудесный»

п. **هرات** , *гауурт* «спички, сера» п. **گوروت** . Независимо от того, как звучит начало этих слов в языке-источнике, в массе казахских говоров и литературной речи эти слова произносятся с глухим началом, т. е. в форме *кілем*, *керемет*, *күкірт*. Посредническая роль, которую сыграли среднеазиатские тюркские языки, особенно туркменский и каракалпакский, в установлении звонкого анлаута у подобных слов, очевидна. Ибо в этих языках большинство таких заимствований в своем начале имеет звонкий согласный, очень близкий к оригиналу.

Ввиду древности процесса заимствования у некоторой части этой группы лексики фонетический облик слов настолько преобразован, что порою трудно признать в них иноязычность происхождения. Аналогичная судьба постигла в говорах названного типа не только иранские, но и ряд арабских заимствований: *алым* лит. *ғалым* «ученый» **عالم** , *асық*//*ашық* лит. *ғашық* «влюбленный» **عاشق** . Общая тенденция замены непривычных звуковых элементов элементами родной речи вовсе не является беспорядочной.

Иногда наблюдается своего рода установившаяся система в ряде говоров, которая выражается в последовательном подчинении характера звучания заимствованных слов местным канонам произношения. Например, в некоторых южных говорах в словах типа *полат* «сталь» п. **پولات** , *палуан* «борец, силач» п. **پهلوان** , *пата* «благословение» а. **فاتحة** анлаутный губной реализуется в виде *п*, тогда как в данной позиции этих слов на севере мы обнаруживаем последовательно употребляющийся звонкий *б* (*болат*, *балуан*, *бата*), что совпадает с литературной формой произношения анлаута этих слов.

7. Изоглоссы ареальных фонетических черт казахских гово-

ров обычно объединяют их с соседними близкородственными языками и диалектами. В самом деле нет различительных фонетических признаков, изоглоссы которых замыкались бы только территорией распространения конкретного казахского диалекта или говора. Ареал одного из компонентов любого звукового противопоставления, свойственного определенному диалектному массиву казахского языка, как правило, выходит за пределы расселения носителей последнего, охватывая при этом то или иное сопредельное пространство с тюркоязычным населением, что может быть проиллюстрировано примерами типа *маңдай* // *маңдай* «лоб», где изоглосса фонетического компонента с *л* наряду с югом и юго-востоком Казахстана пронизывает сплошной линией территории расположения не одного, а ряда соседних тюркских языков Средней и Центральной Азии, т. е. узбекского, каракалпакского, туркменского и уйгурского.

Фонетические изоглоссы, которые объединяют различные тюркские языки и диалекты, позволяют судить не только о межъязыковом контакте, имевшем место в последующие эпохи, но и о более древних формах лингвистической связи, восходящей к тюркскому языковому единству.

8. Конфигурация изоглоссной линии каждого парно противопоставленного фонетического явления казахских диалектов сугубо индивидуальна. Однако это вовсе не означает отсутствия точек соприкосновения между очертанием изоглосс однотипных ареальных черт. Наоборот, сопоставляя изоглоссы ряда звуковых примет, мы устанавливаем на лингвистической карте некоего рода совмещение их контуров. Область совмещающихся контуров на карте называют «пучками изоглосс». Обычно эти «пучки» совпадают с пограничной зоной, образующейся на стыке диалектов. Границы, проводимые на картах между фонетическими ареалами казахских говоров, во многом условны, так как у диалектных ландшафтов не бывает скачкообразного резкого перехода. Обычно один диалект переходит в другой постепенно, через промежуточную между диалектами зону, так называемую зону вибраций. Для такой зоны характерно колебание в употреблении противопоставляемых ареальных черт. Так, аффриката *дж*, весьма устойчиво функционирующая на протяжении всего юго-востока республики, в речи местных жителей каркаралинского оазиса, что в центральной части Казахстана, подвергается колебанию, представляя в акустико-артикуляционном отношении то аффрикативный, то обыкновенный несложный звук *ж*. А зона вибрации южного *л* и северного *д*, чередующихся в составе лексической параллели *туңдук-туңдук* «войлочное перекрытие купола юрты», находится на территории севернее озера Балхаш.

9. В формировании нормы произношения, обогащении лексики, усовершенствовании выразительных средств и стилистических приемов литературной речи деятельное участие принимали все диалекты казахского языка. Однако степень участия в этом

процессе разных диалектов и говоров проявлена по-разному, что обусловлено рядом объективных обстоятельств, связанных с особенностью существования и развития каждого конкретного диалекта или говора. Взаимоотношение говоров, образовавшихся и бытующих в условиях интенсивного контактирования с другими родственными и неродственными языками, с казахским литературным языком установилось совершенно по-иному, чем, скажем, взаимоотношение с ним говоров «материкового типа». Языковые черты говоров данного типа благодаря территориальной отдаленности расположения последних от контактных зон и связанной с ней относительной чистотой их диалектной системы от иноязычного влияния, а также количественному превосходству численности своих носителей, бесспорно, имели больше шансов по сравнению с чертами говоров пограничного типа быть достоянием литературного языка.

10. Самобытные черты народных диалектов и говоров служили неиссякаемым питающим источником не только общенародно-разговорной, но и литературно-письменной формы казахского языка на всех этапах его развития. Если, согласно утверждениям специалистов, сейчас можно считать частично остановившимся процесс заимствования слов русским литературным языком из лексики народных диалектов¹, то этого нельзя сказать применительно к казахскому языку. Все мы являемся свидетелями непрекращающихся живых процессов обогащения и пополнения лексического фонда казахского литературного языка за счет лексики народной речи. Раньше употреблявшиеся в речи жителей юга республики такие слова, как *сүдігер* «язьба», *мердігерлік* «подрядная работа», за последние несколько лет стали достоянием казахского литературного языка. Таких примеров очень много.

11. В силу географического положения казахи, живущие в республиках Средней Азии и на сопредельных с ней территориях, в своей языковой деятельности испытывали прежде и, безусловно, испытывают в настоящем глубокое влияние ряда родственных языков региона, чем и определяется своеобразие их говоров по отношению к говорам «материкового» типа. Характер проявления следов контактирования в диалектной системе казахских говоров указанной зоны хорошо демонстрируют отдельные виды звуковых изменений.

12. Местные признаки речи менее свойственны текстам широко распространенных в различных концах Казахстана фольклорных произведений. Произведения же фольклора с узкой локализацией распространения сравнительно больше носят следы диалектов. Насколько подвержен язык того или иного фольклорного текста местному языковому влиянию в известной степени зависит от индивидуальных особенностей речи сказителя. Например, в версии героического эпоса «Алпамыс», изданного

¹ Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967. С. 305.

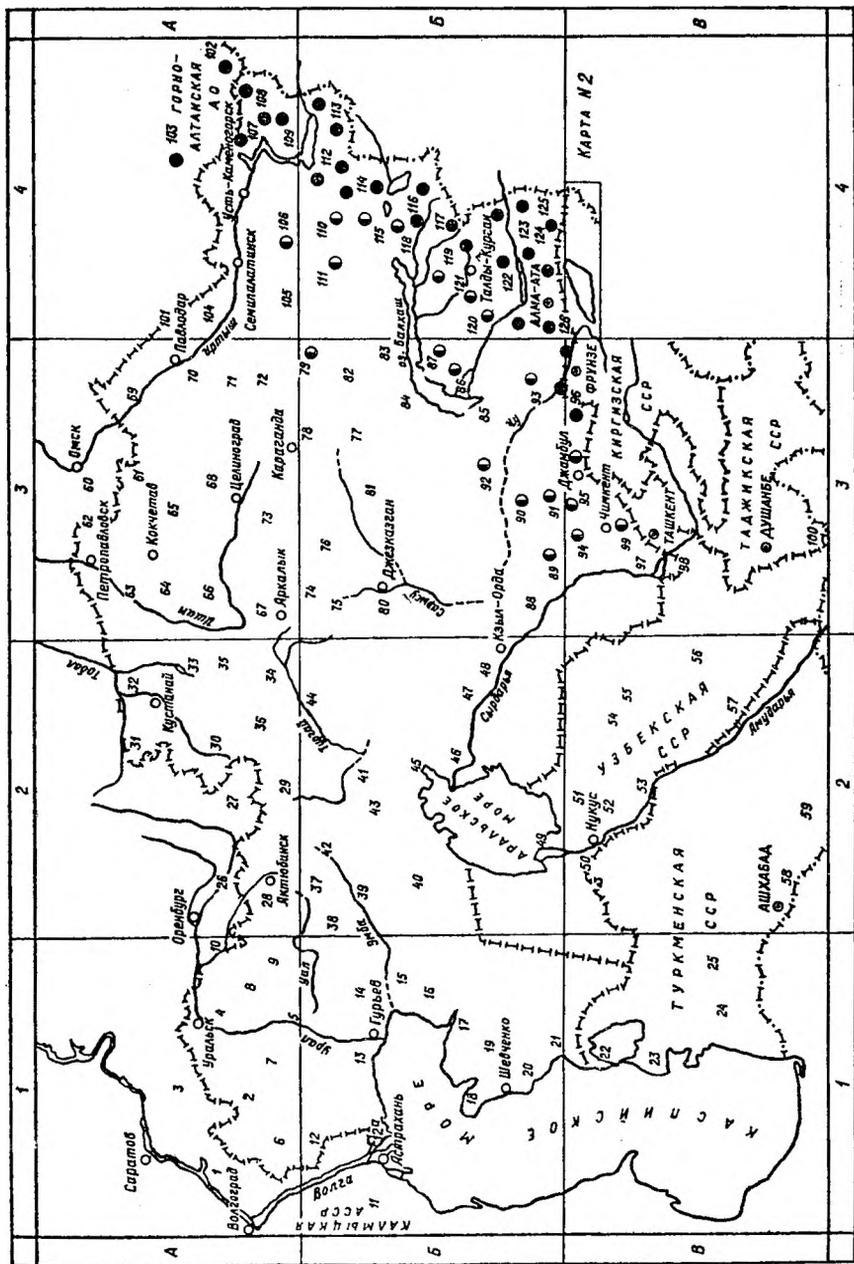
в 1899 г. в Казани известным собирателем Жусупбек-кожа, немало фонетических примет, характерных для юга Казахстана, откуда родом сам собиратель: *құлақлары* вм. *құлақтары* «уши», *таңла* вм. *таңда* «выбирай», *мекем* вм. *бекем* «прочный» и т. д.

13. В установлении принципов диалектного членения казахского языка звуковая сторона является не менее важным структурным звеном, чем грамматический строй языка. Именно расхождение в звуковой форме тождественных лексических элементов, которые представлены в народной речи такими наиболее заметными фонетическими явлениями, как чеканье-шеканье, джекание-жекание, соответствия *л, д; с, ш; б, п; н, ң*; неустойчивость латерального и гуттуральных и ряд других противопоставлений, составляет основной остов территориальной дифференциации и, следовательно, классификационной характеристики казахских диалектов и говоров.

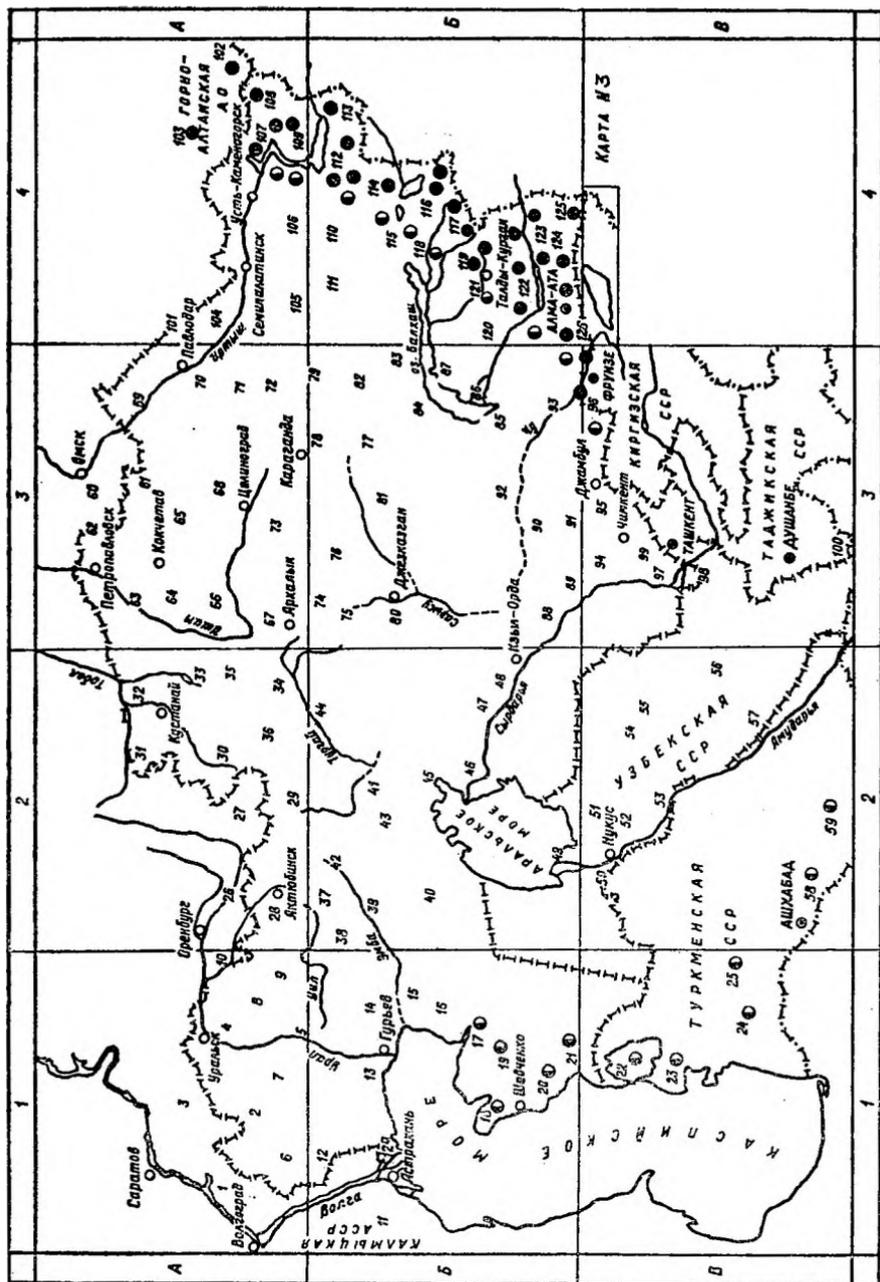
14. В нашем исследовании выявлены ареалы наиболее характерных фонетических черт, но ареалы эти не всегда совпадают с реальными границами диалектов и говоров. А что конкретно касается таких глобальных фонетических противопоставлений, как шеканье-чеканье, жекание-джекание, то следует иметь в виду, что изоглоссы их в своих основных контурах за некоторыми исключениями отражают двучленную классификацию Н. Сауранбаева и Ж. Доскараева: изоглоссы шекающе-жекающего типа в целом соответствуют северо-западной группе говоров, а изоглоссы чекающе-джекающего типа — юго-восточной группе.

15. Рекомендуются дифференцированный подход к толкованию истории возникновения параллельных ареалов¹, образуемых одним и тем же изоглоссным явлением. Так, нетипичная для казахского языка форма числительного *дөрт* лит. *tört* «четыре» согласно полученным нами данным отмечена двумя ареалами, расположенными на двух противоположных концах территории расселения казахов. Эти ареалы действительно разобщены друг от друга довольно обширным географическим пространством. Западный ареал *дөрт* размещен в относительной близости к местам сосредоточения тюркских языков Поволжья и Закавказья, где это числительное представлено тоже начальным *д*. На основе общности ареала можно судить и об общности истока появления этой черты в казахских говорах запада и тюркских языках указанных регионов. В восточной группе казахских говоров это числительное, кроме своего обычного употребления в речи, говорит выражение еще в составе этнонима *дөртул найман*, что говорит о длительной истории фонетического варианта *дөрт* в данном регионе.

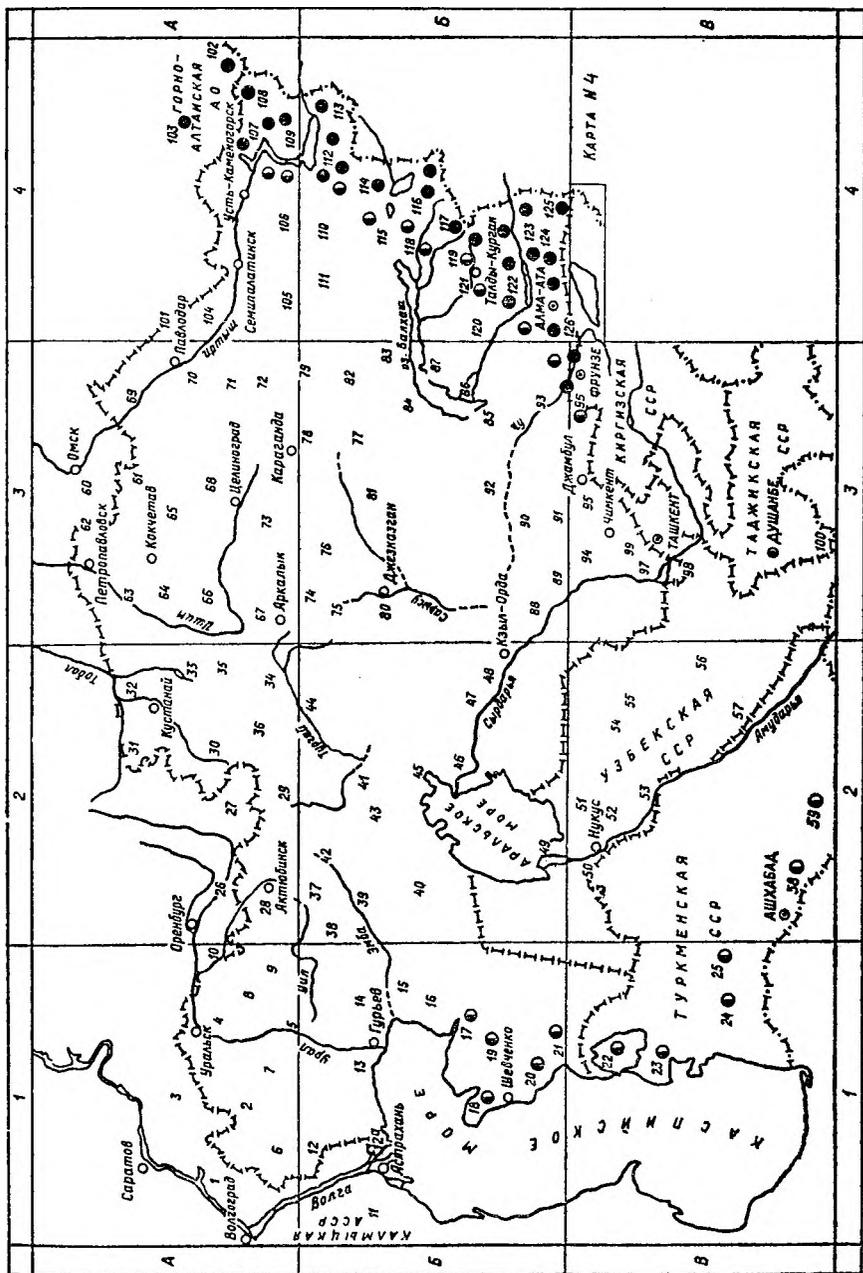
¹ См. приложение. Лингвистические карты — результат многолетних исследований автора. В них сохранены прежние границы и названия республик. По техническим причинам полузаштрихованный кружок заменен знаком ⊙.

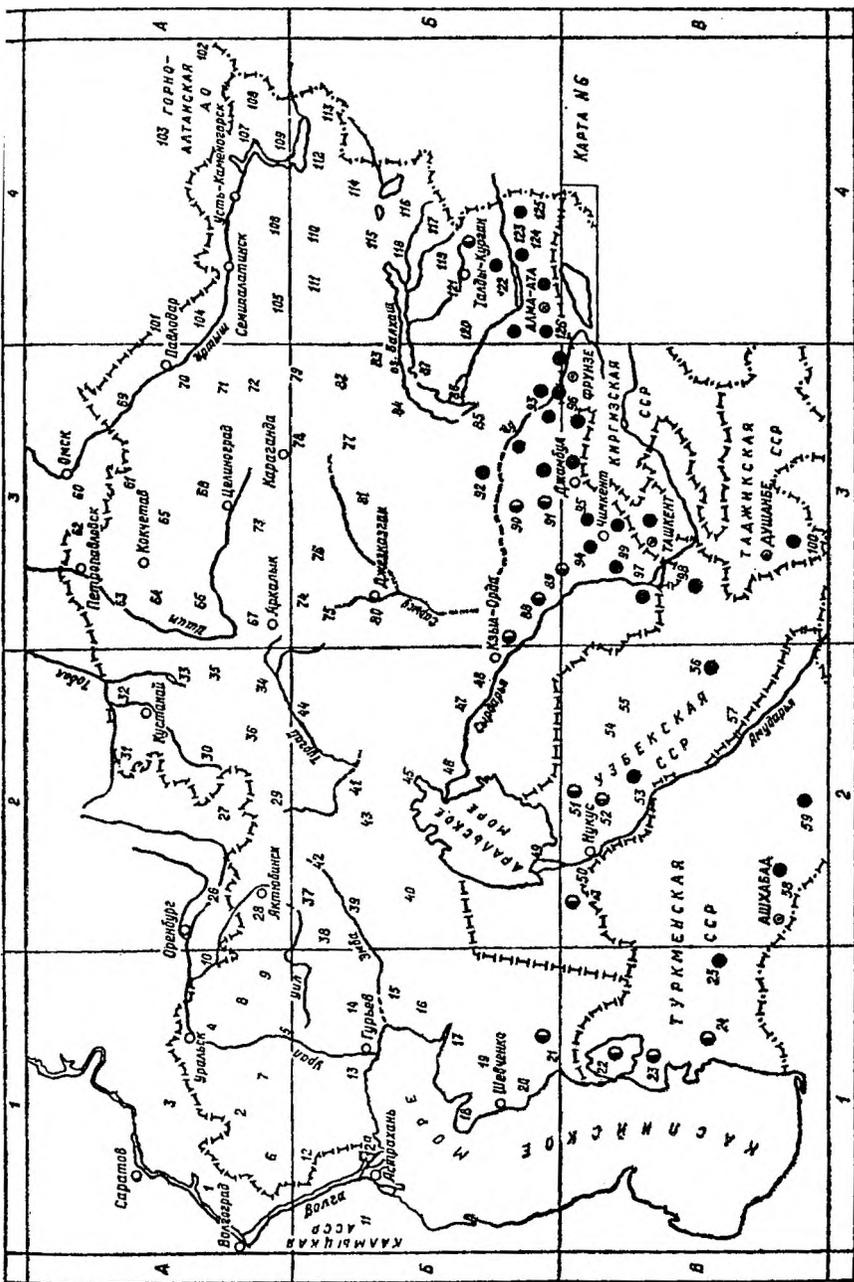
Карта 2. Распространение фонетических параллелей: джок «нет» ●, джок с нерегулярным и слабо выраженным дж ⊕, жоқ — против номеров индекса условный знак отсутствует.

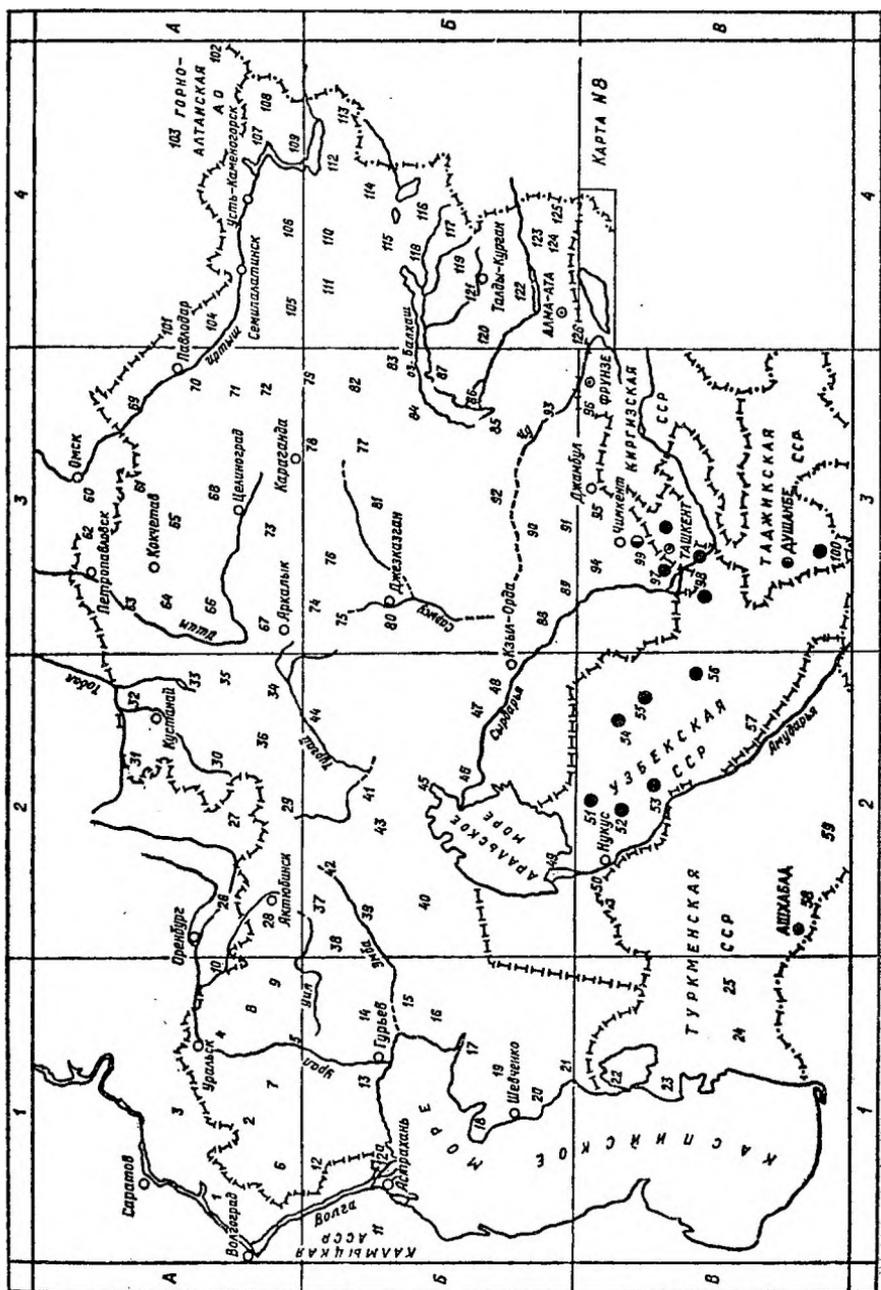
Карта 3. Фонетические параллели: чет «край» ●, чет с нерегулярным и слабо выраженным дж ⊙, чет — против номеров индекса условный знак отсутствует.

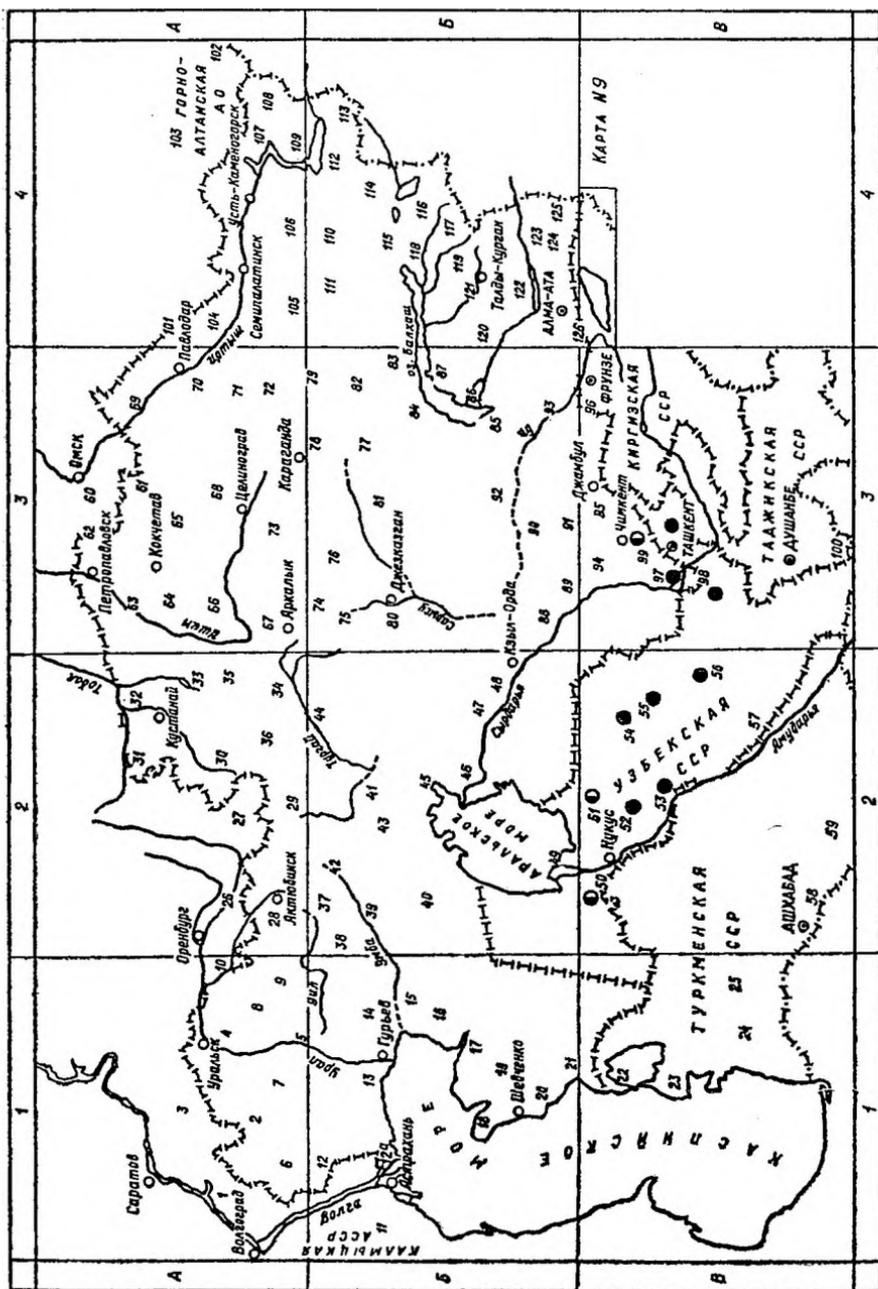
Карта 4. Фонетические параллели: чык «выходи» ●, чык — с нерегулярным и слабо выраженным ч ⊙, шык — против номеров индекса условный знак отсутствует.

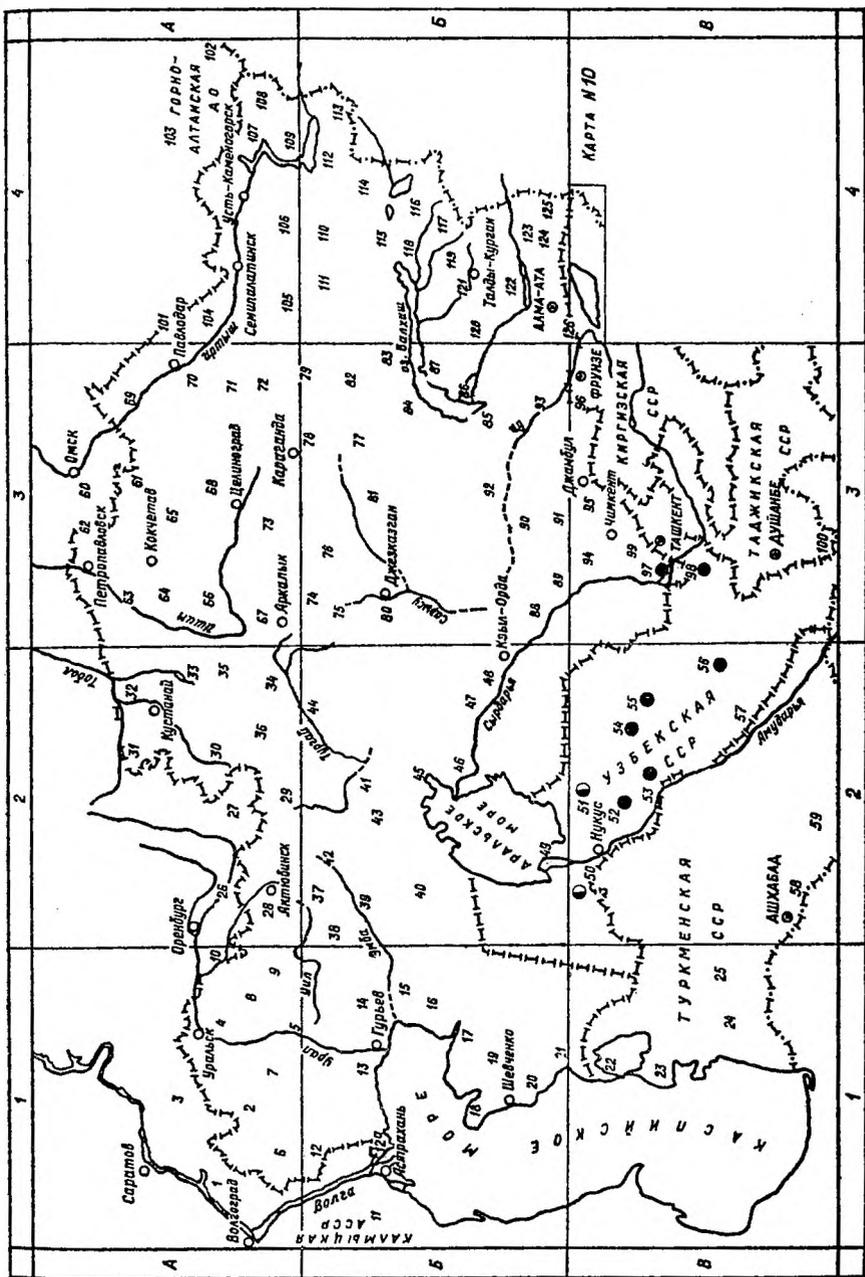
Карта 6. Фонетические параллели: палуун «борец, силач» ●, палуун//балуун ⊙, балуун — против номеров индекса условный знак отсутствует.

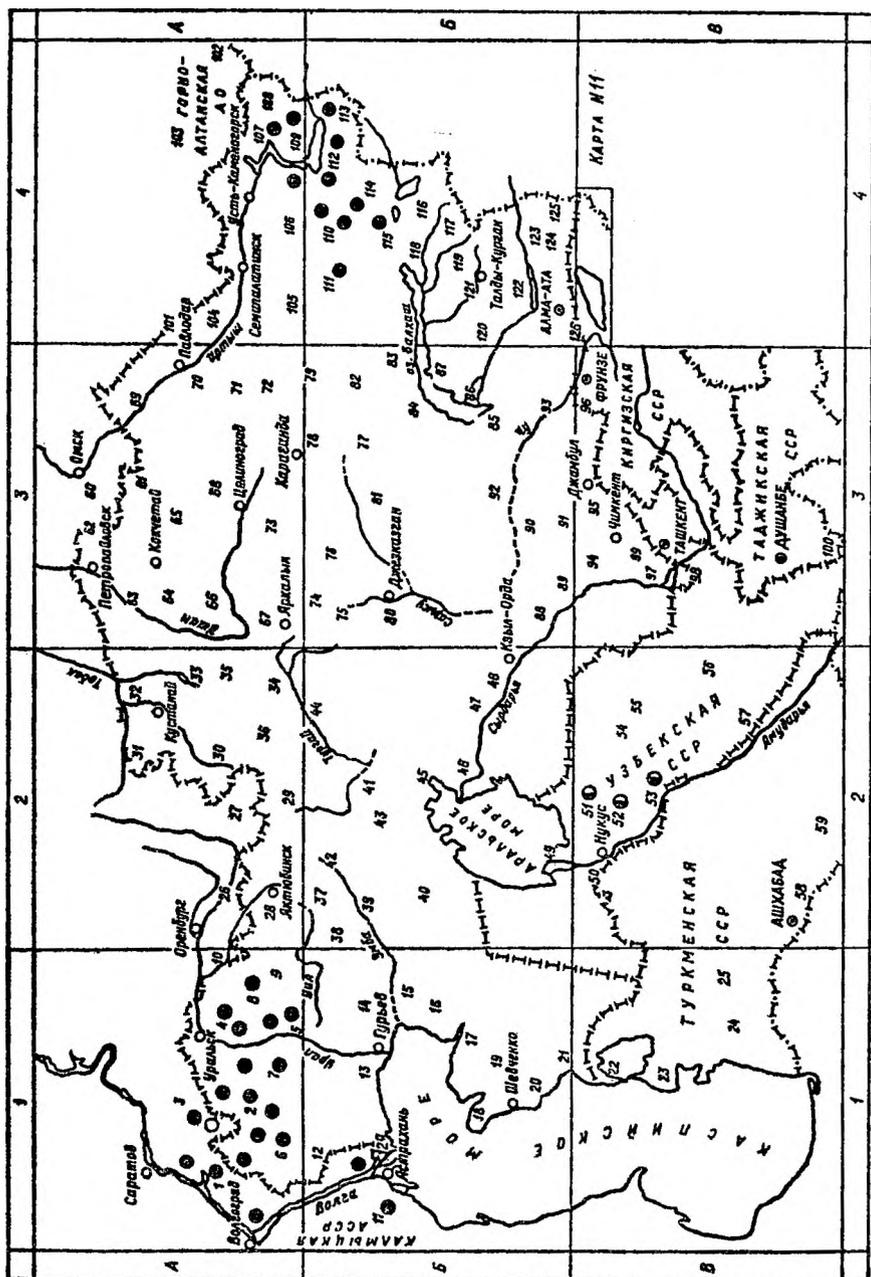
Карта 8. Фонетические параллели: гүрүш «рис» ●, гүрүш//күрүш ○, күрүш—
 против номеров индекса условный знак отсутствует.

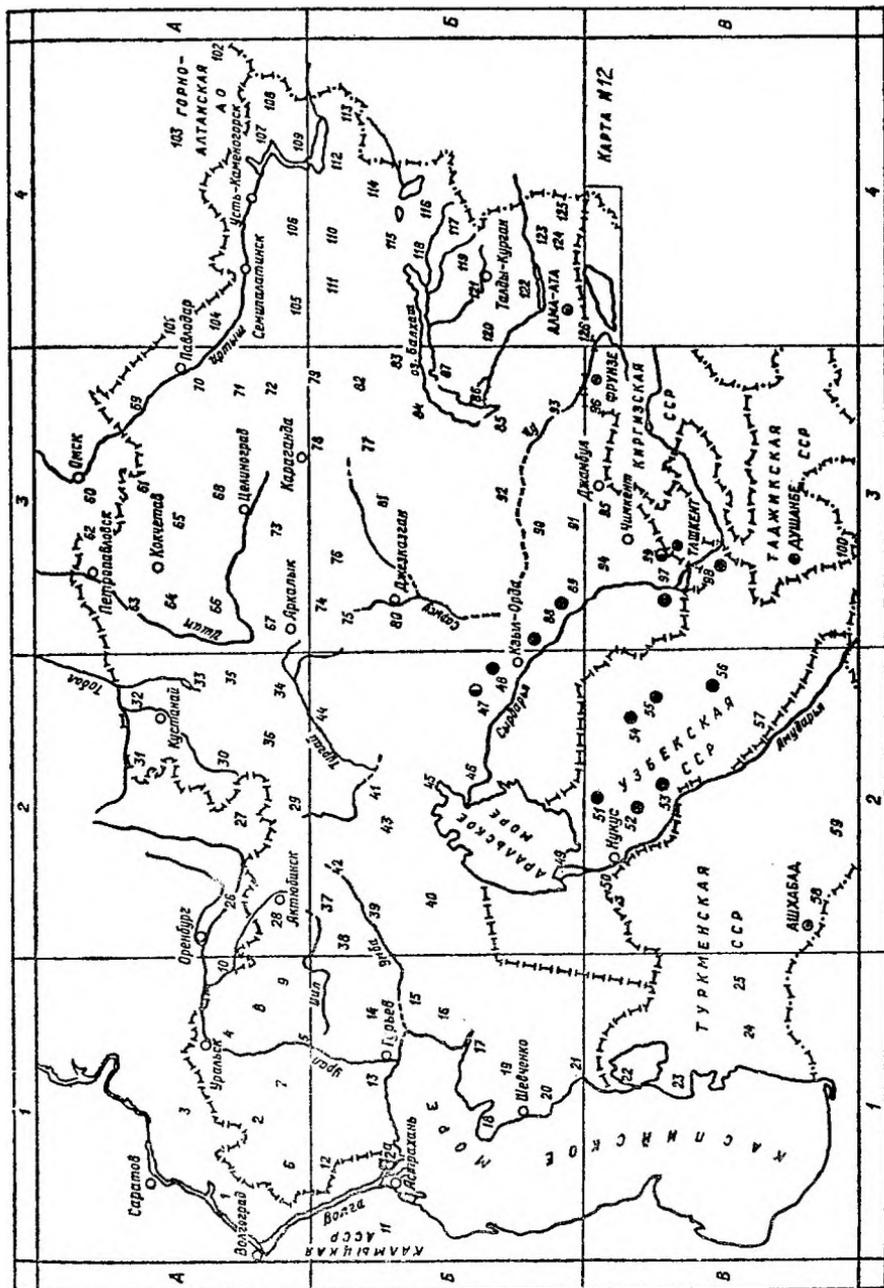
Карта 9. Фонетические параллели: гүбү «кадушка» ●, гүбү//күбү ⊙, күбү— против номеров индекса условный знак отсутствует.

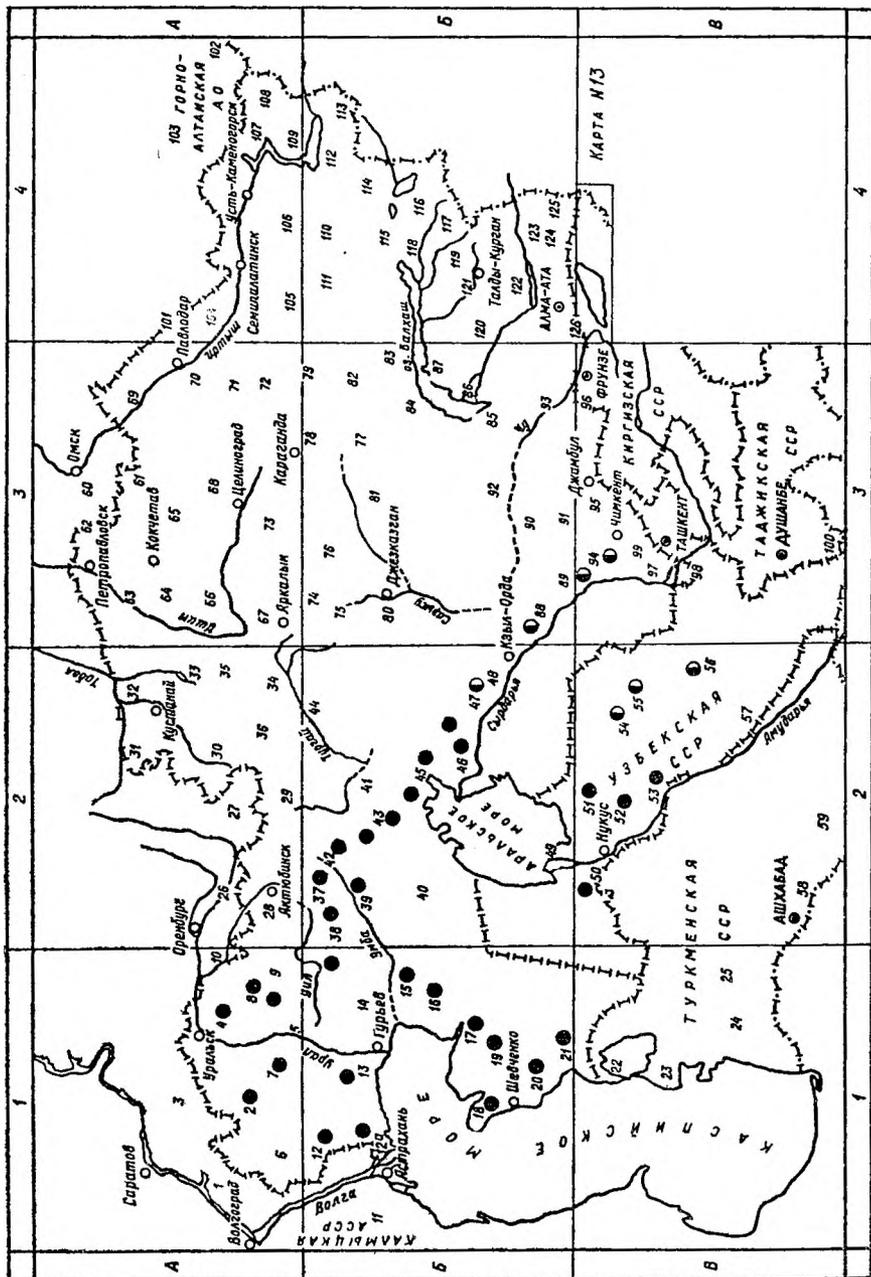
Карта 10. Фонетические параллели: газ «гусь» ●, газ/каз ⊙, каз — против номеров индекса условный знак отсутствует.

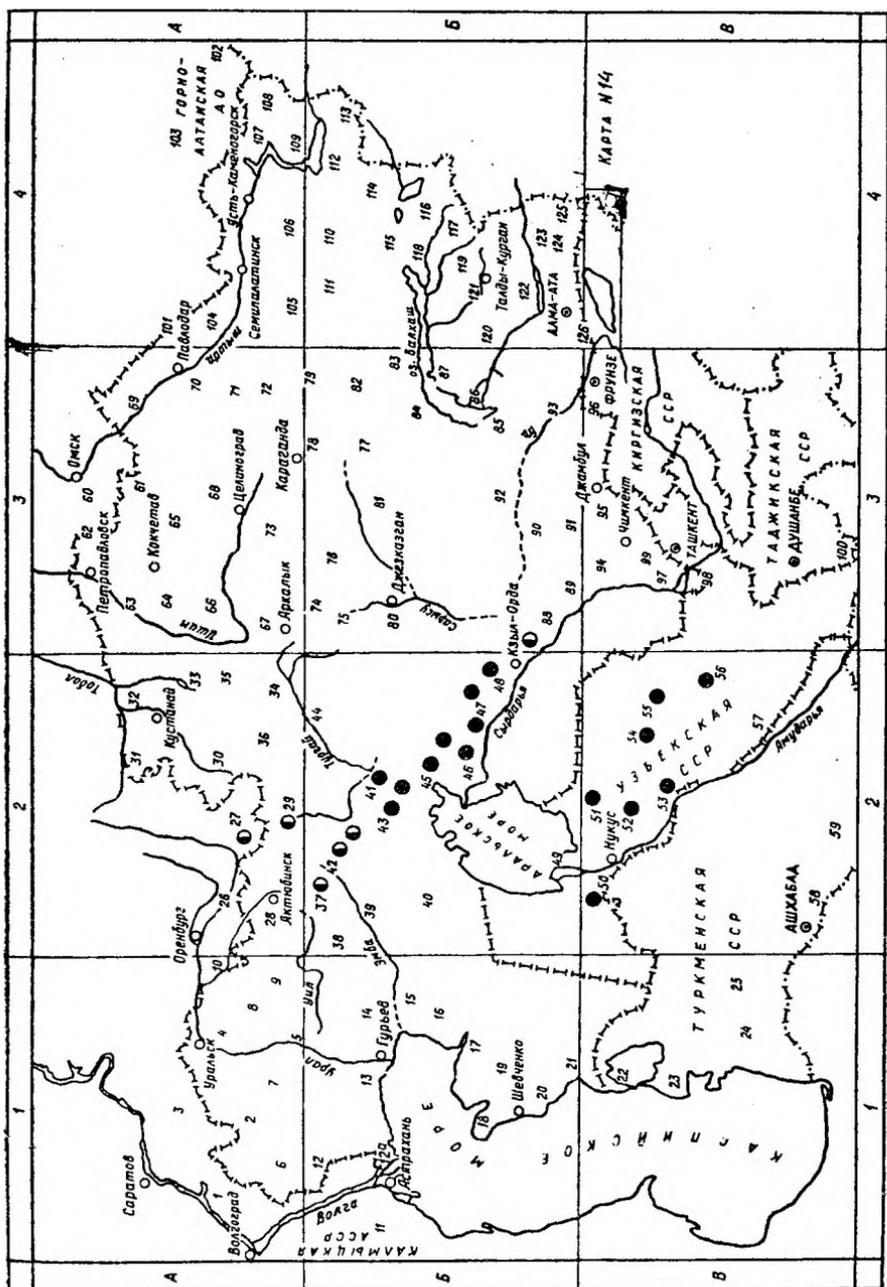
Карта 11. Фонетические параллели: дөрт «четыре» ●, дөрт ○, төрт — против номеров индекса условный знак отсутствует.

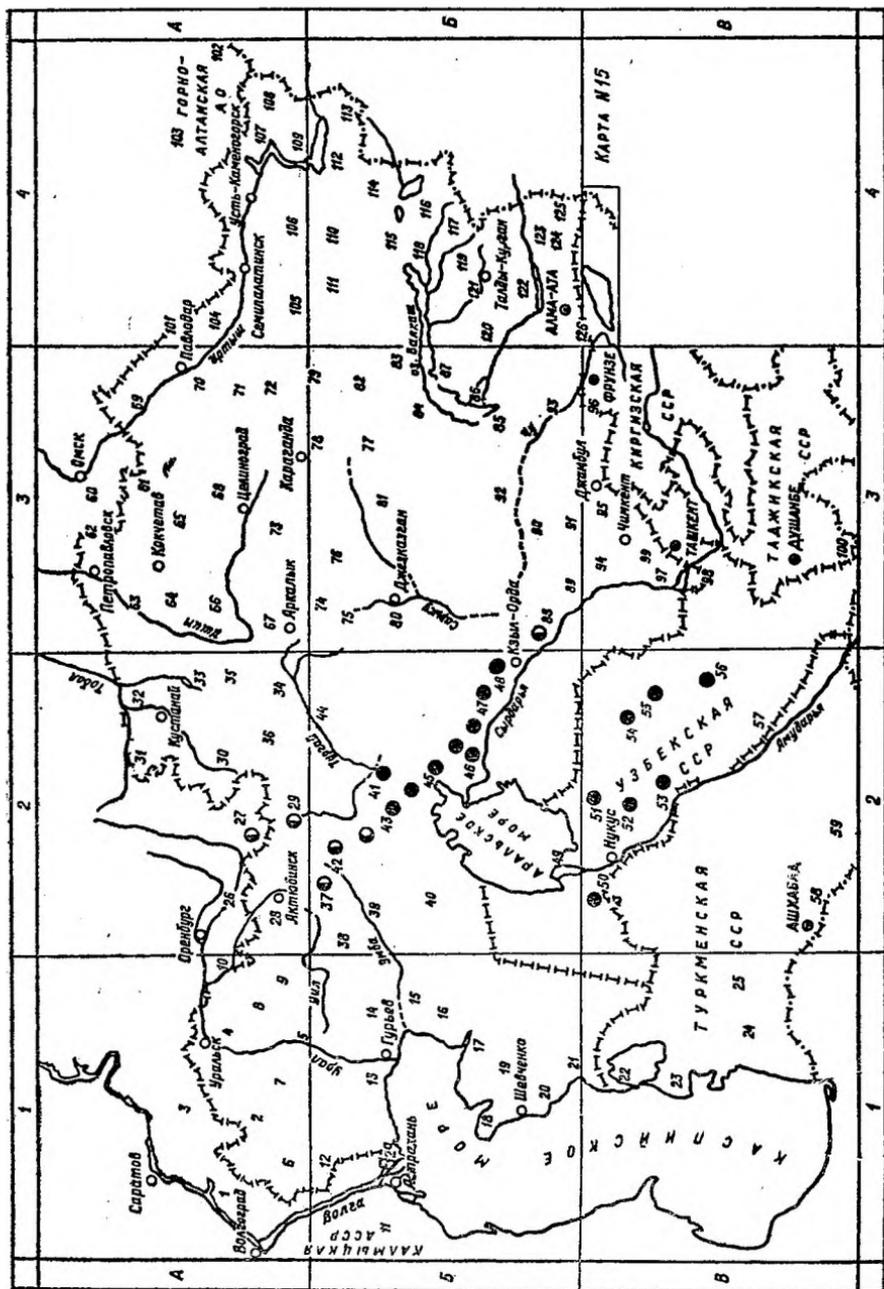
Карта 12. Фонстические параллели: дөңүрөк «окрестность» ●, дөңүрөк//төңүрөк ⊘, төңүрөк — против номеров индекса условный знак отсутствует.

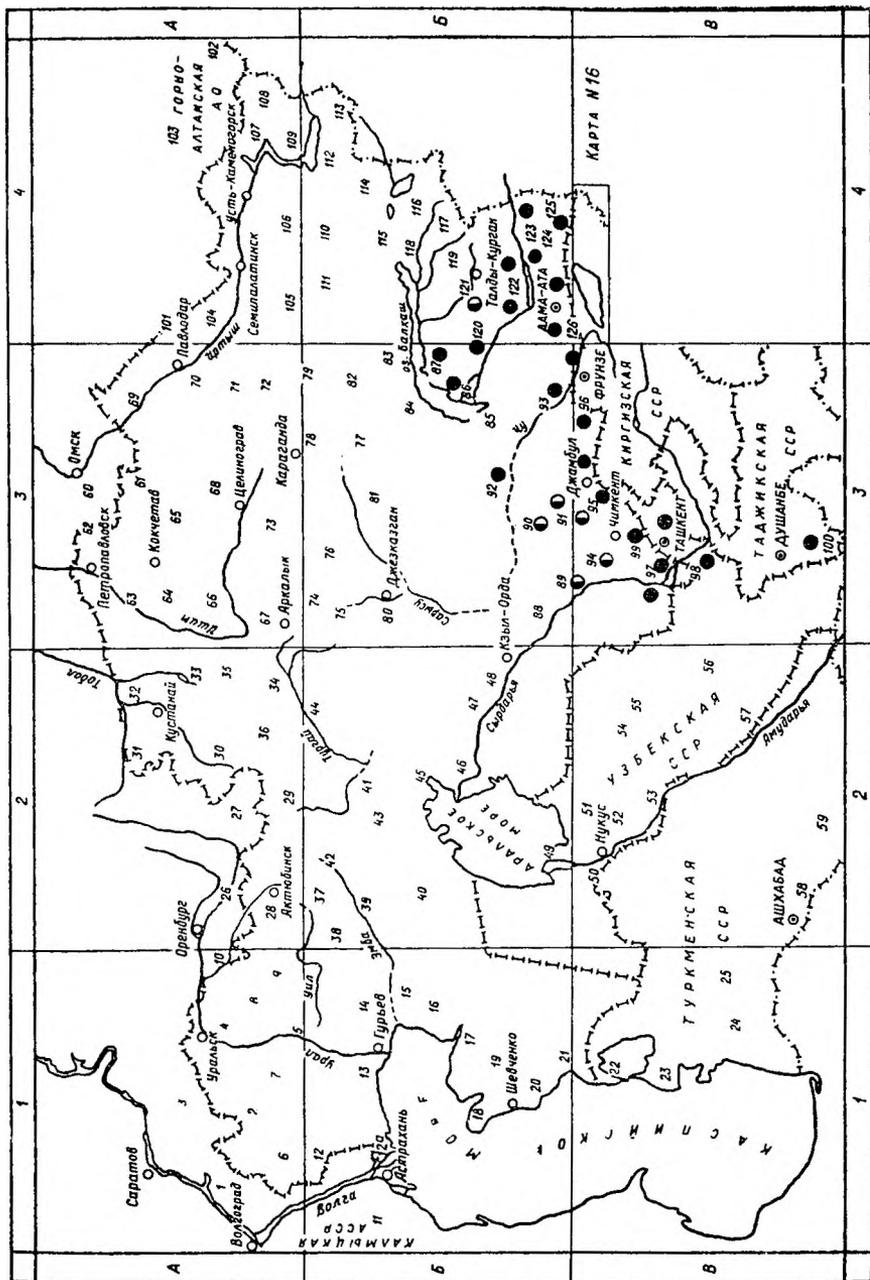
Карта 13. Фонетические параллели: тууар «распрятать» ●, тогар ⊖, догар— против номеров индекса условный знак отсутствует.

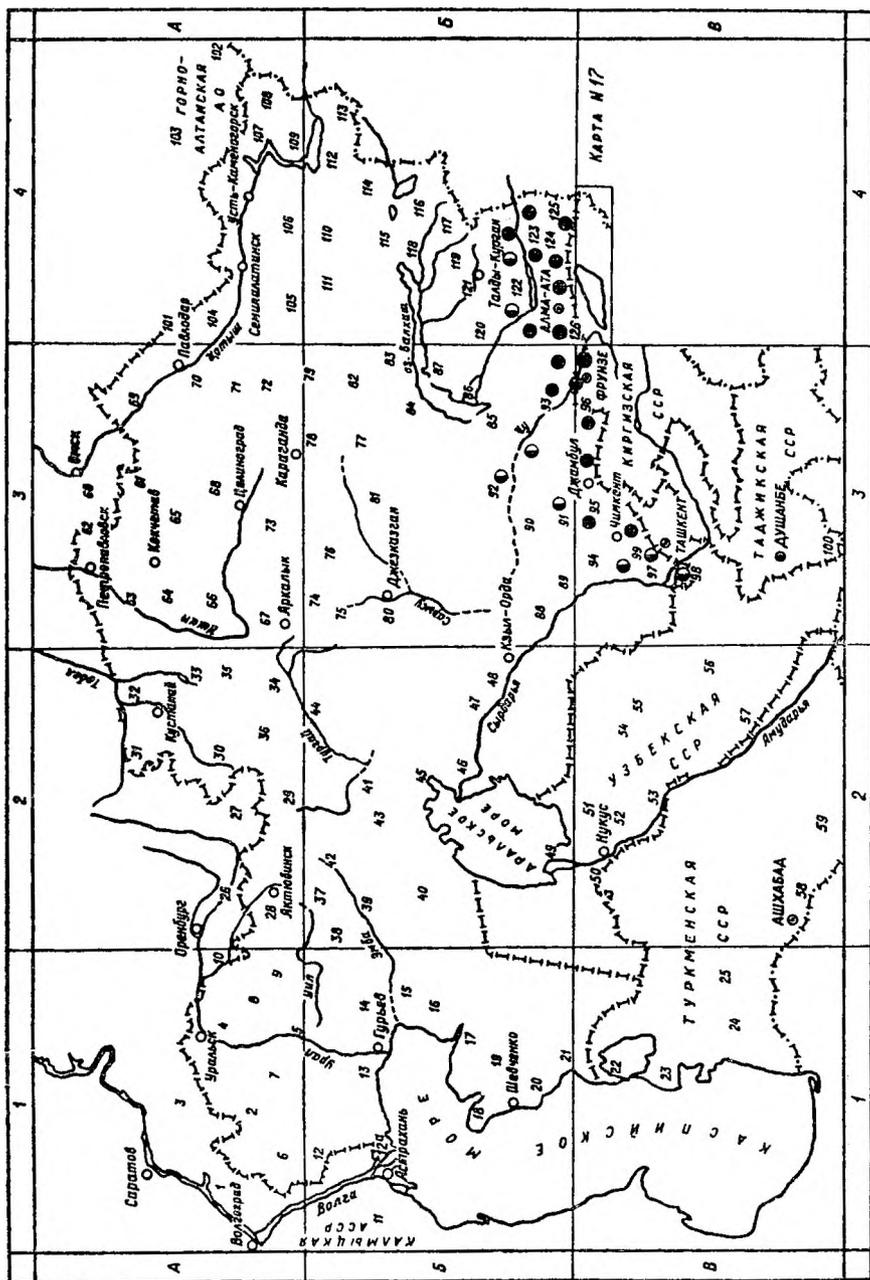
Карта 14. Фонетические параллели: бѳемис «знаем» ⊙, бѳемис//бѳемис ⊙.
 бѳемис — против номеров индекса условный знак отсутствует.

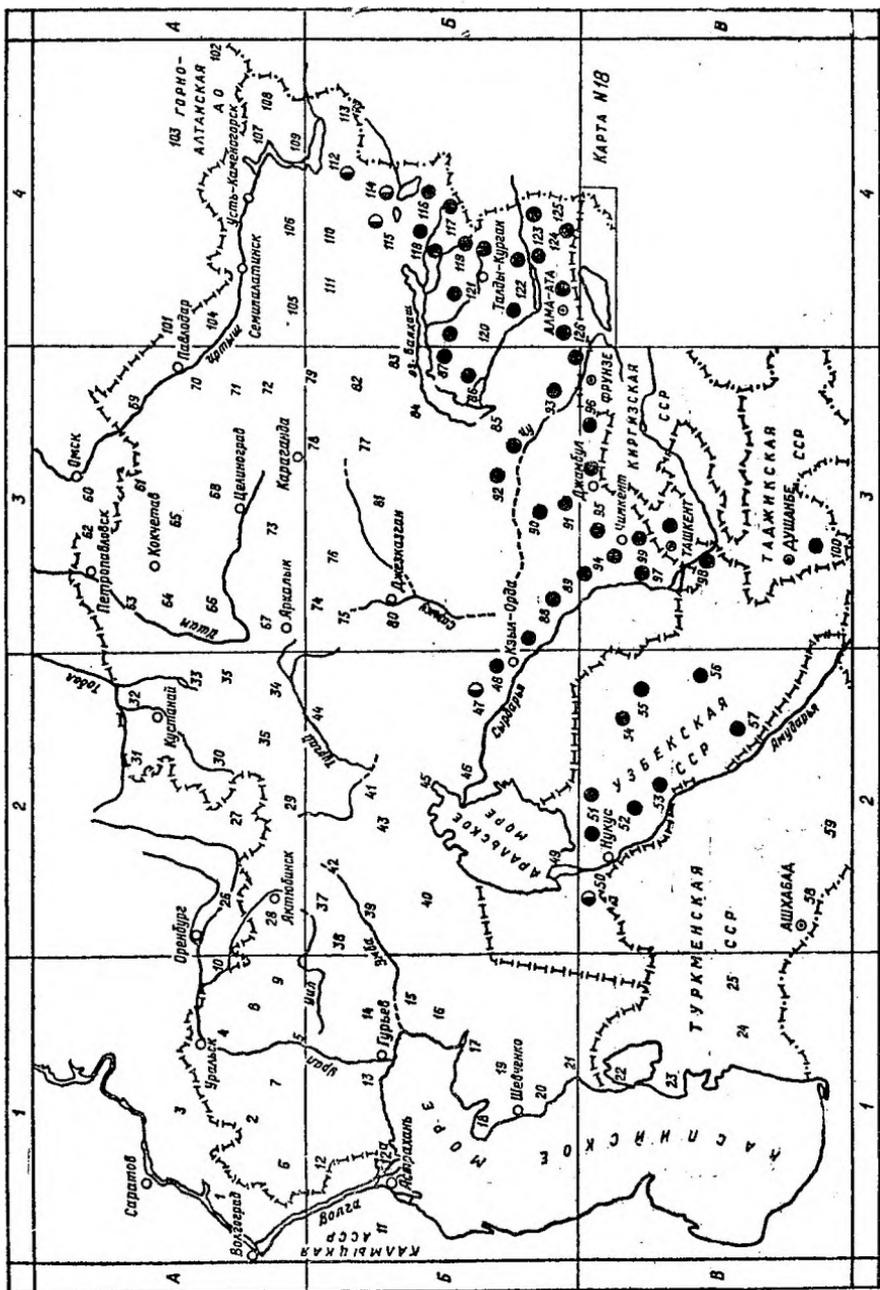
Карта 15. Фонетические параллели: \odot — эзүмүс «мы сами», \bullet — эзүмүс//эзүмүз, \circ — эзүмүс — против номеров индекса условный знак отсутствует.

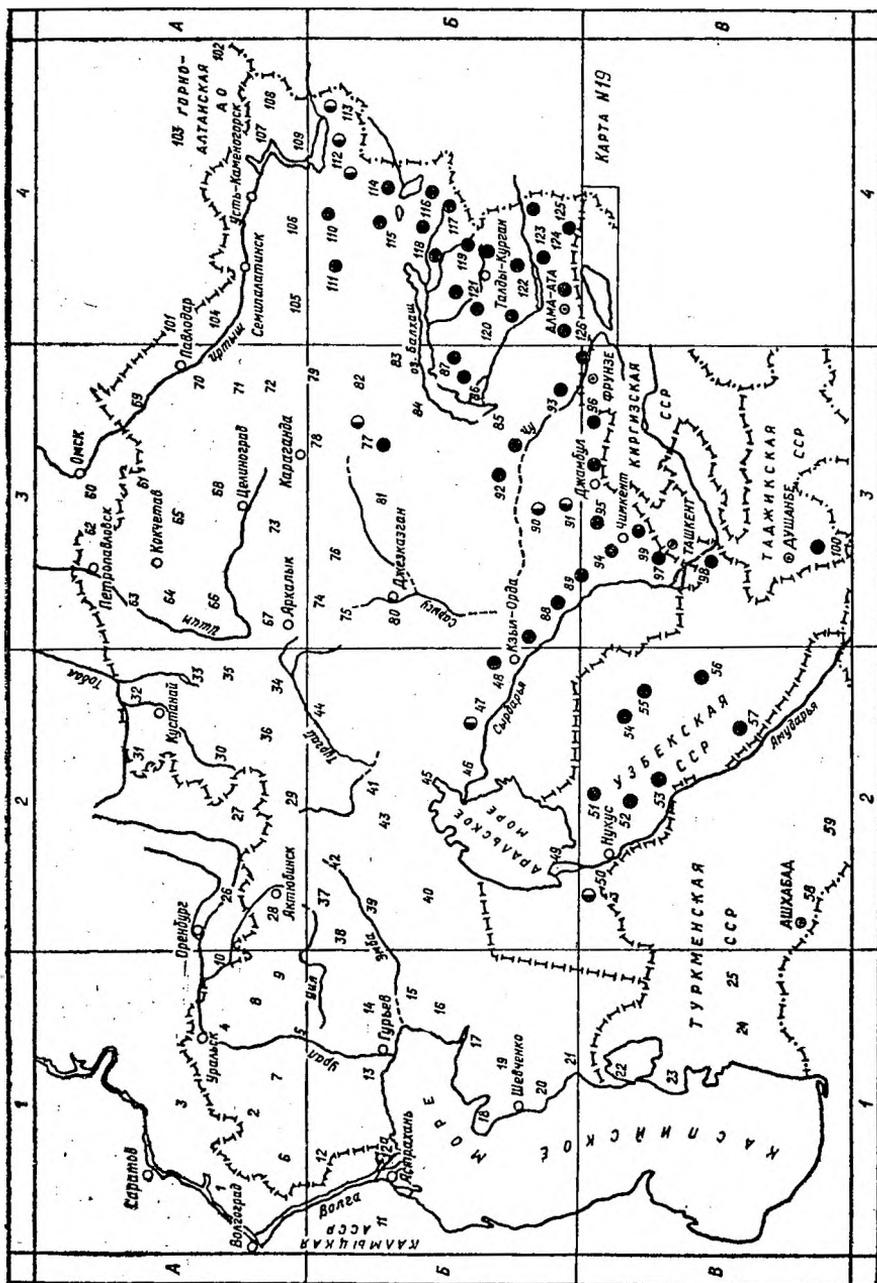
Карта 16. Фонетические параллели: калыны «толстый» ●, калыны/калыны ⊙, калыны — против номеров индекса условный знак отсутствует.

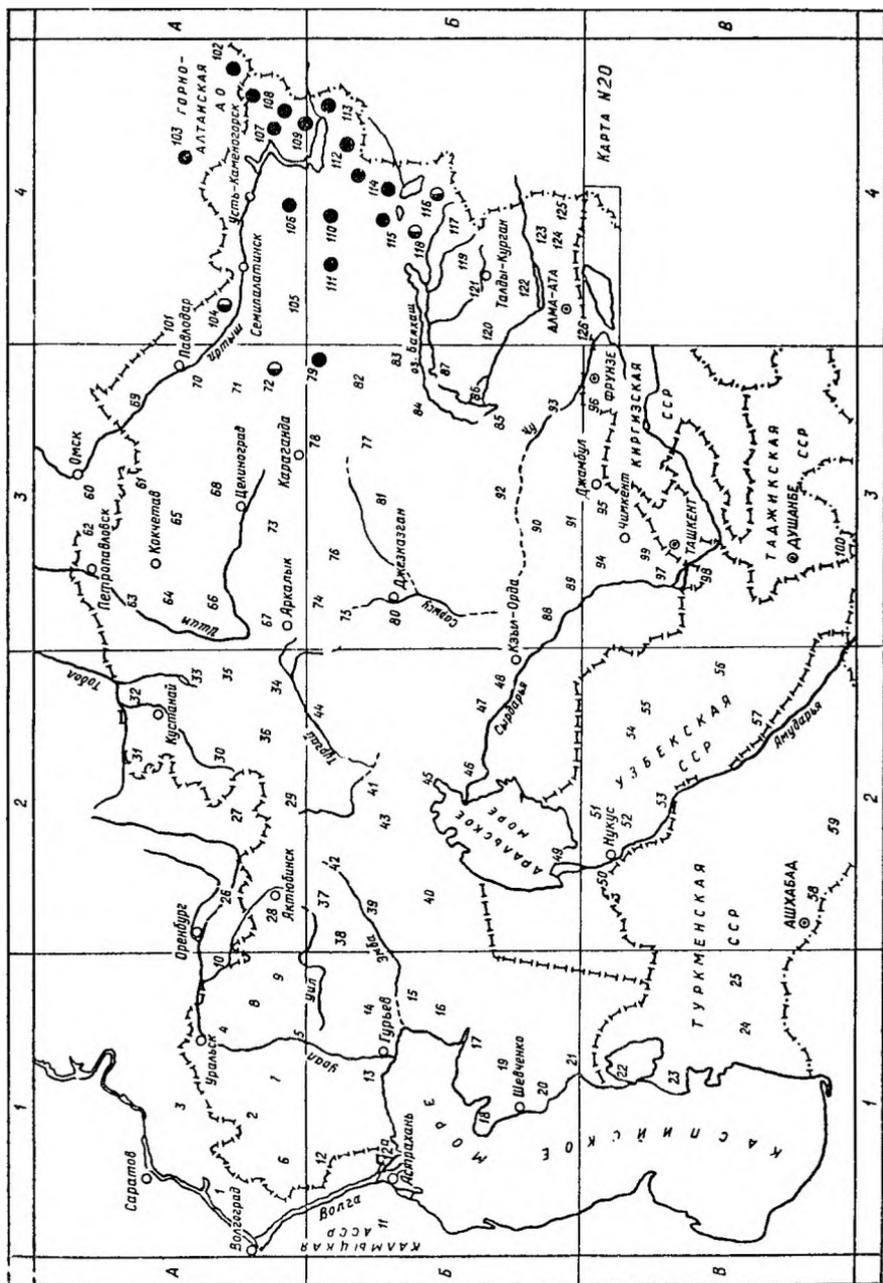
Карта 17. Фонетические параллели: үйдун «дома» ●, үйдун//үйдун ⊖, үйдун — против номеров индекса условный знак отсутствует.

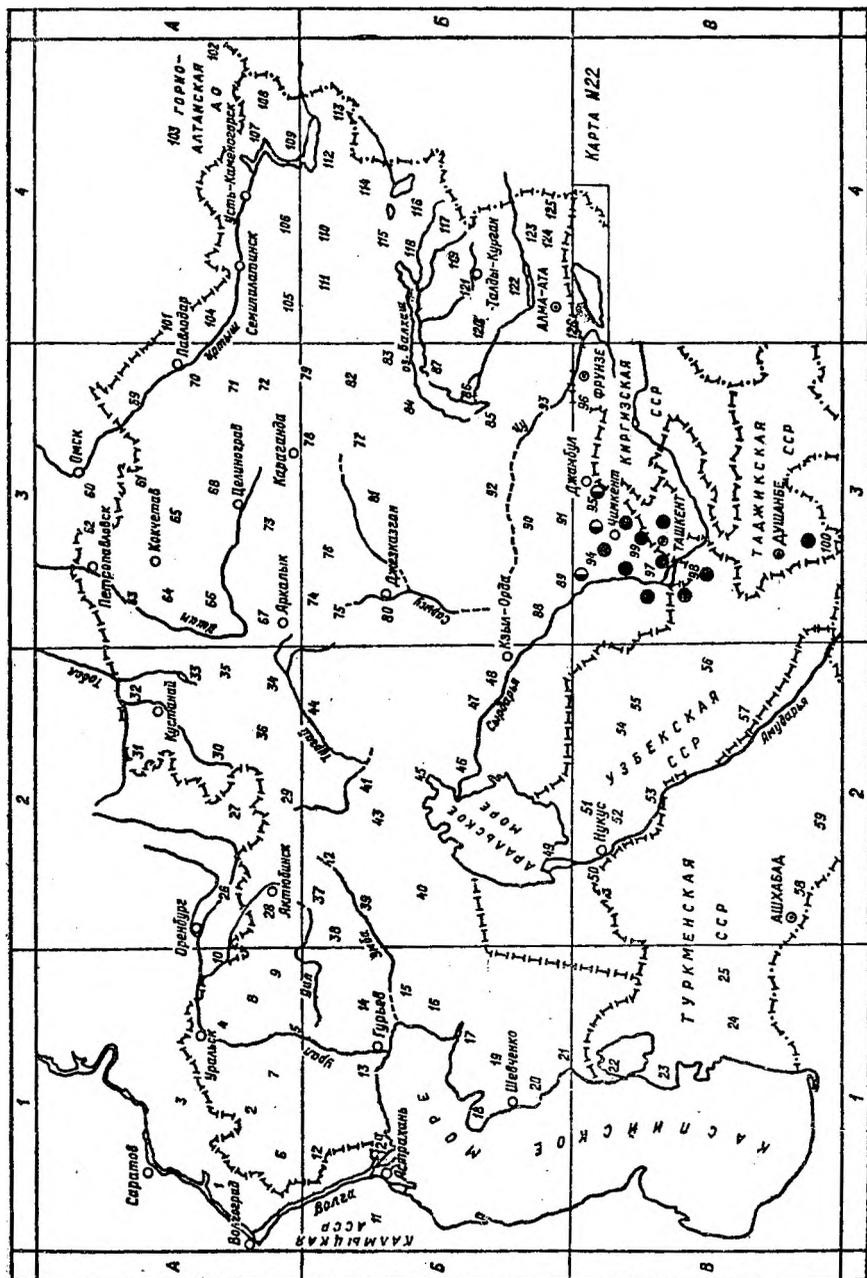
Карта 18. Фонетические параллели: тында «слушать» ●, тында//тында ⊙, тында — против номеров индекса условный знак отсутствует.

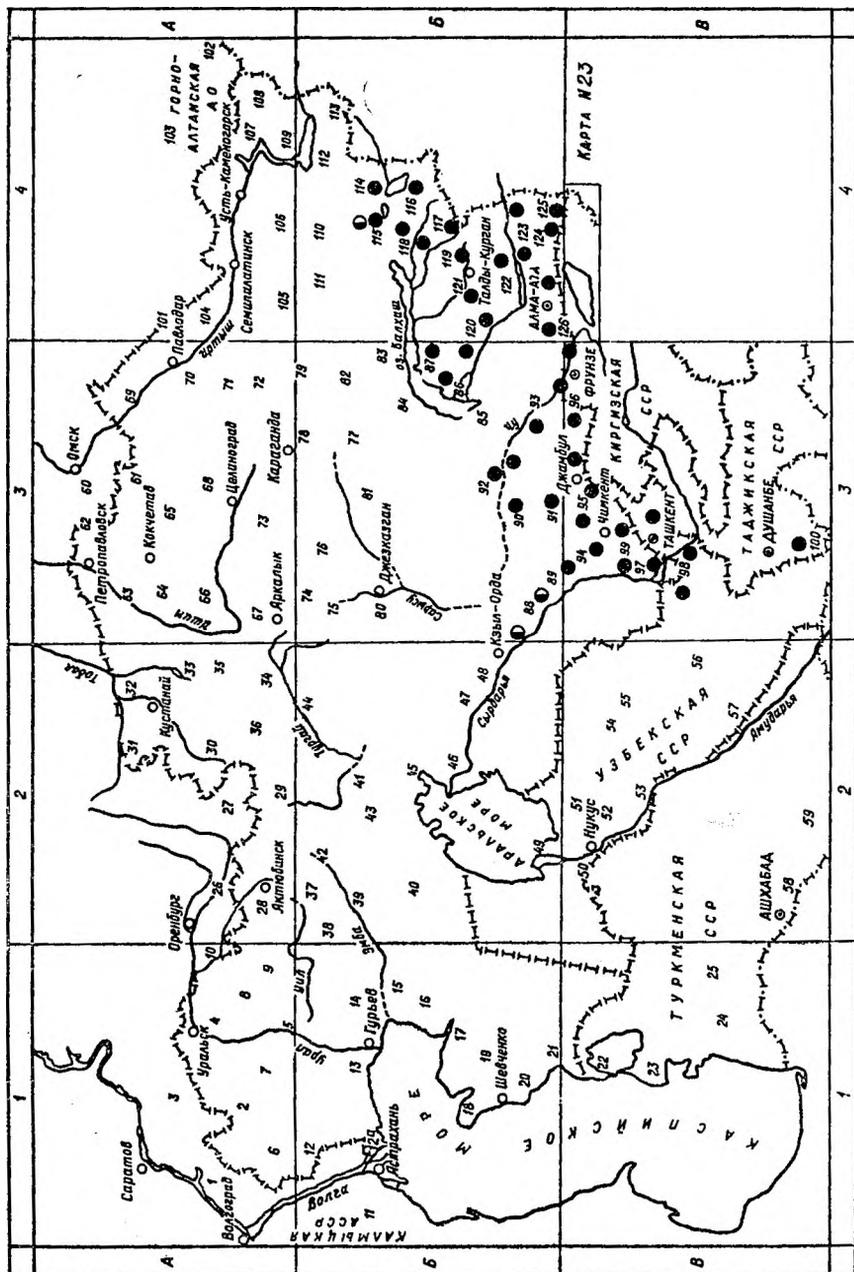
Карта 19. Фонетические параллели: тундук «войлочное покрытие купола юрты» ●, тундук//тундук ⊙, тундук — против номеров индекса условный знак отсутствует.

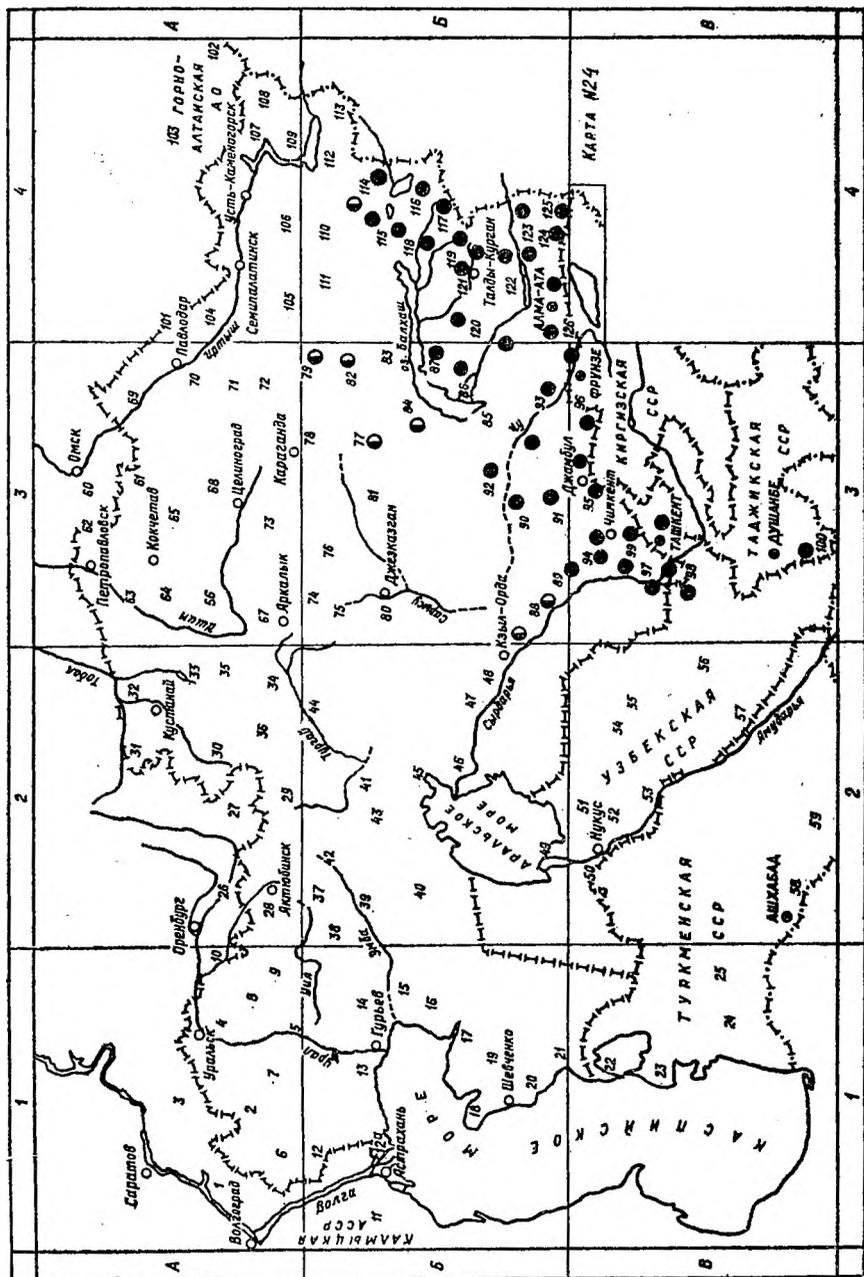
Карта 20. Фонетические параллели: урда «воровать» ● урда//урла ⊙, урла — против номеров индекса условный знак отсутствует.

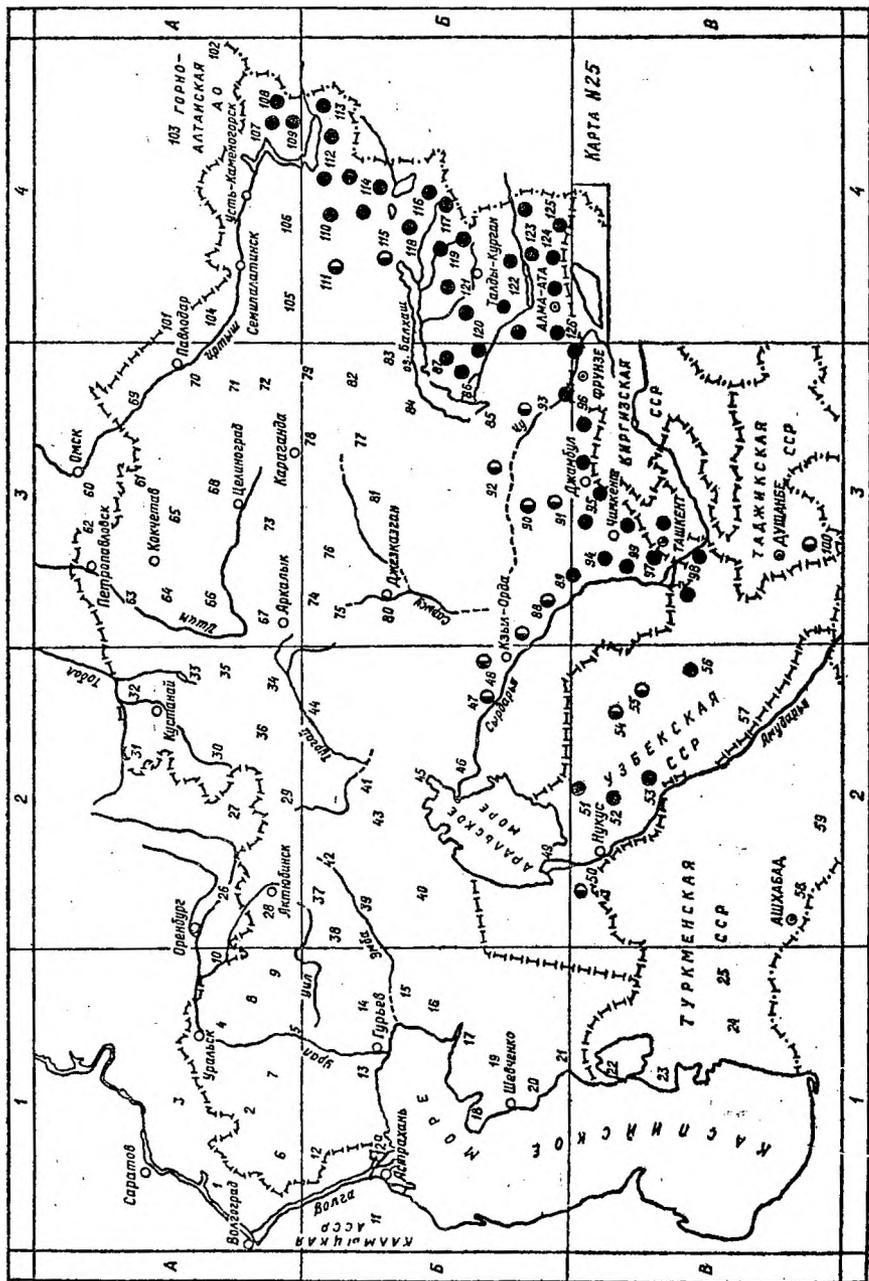
Карта 22. Фонетические параллели: үрүҥ//үрүк «род, племя» ●, үрүк//үрүк ⊙, үрүү — против номеров индекса условный знак отсутствует.

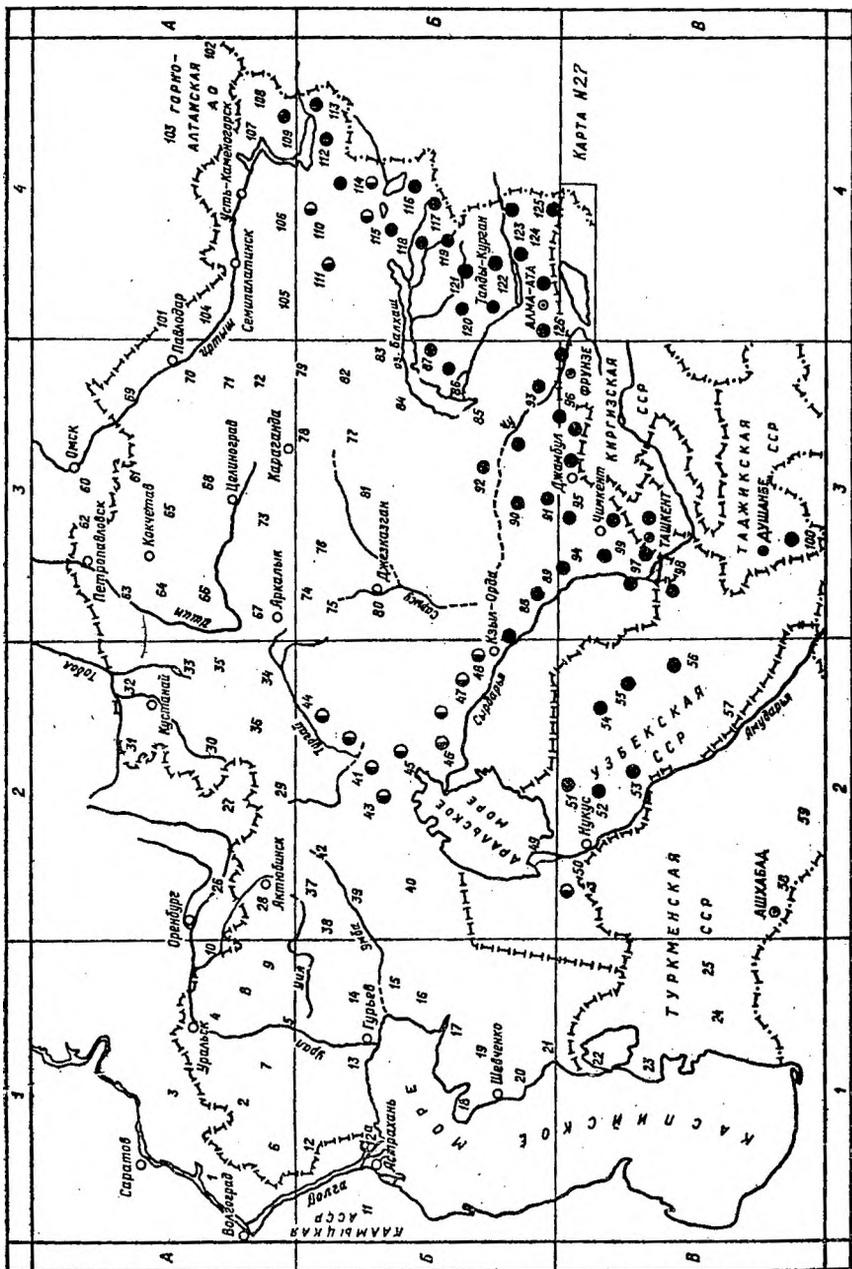
Карта 23. Фонетические параллели: тук камады «ничего не осталось» ●, тук камады//тук калмады ○, тук калмады — против номеров индекса условный знак отсутствует.

Карта 24. Фонстические параллели: кемеди «не пришел, не явился» ⊙⊔, кеме-
ди//келмеди ⊙, келмеди — против номеров индекса условный знак отсутствует.

Карта 25. Фонетические параллели: кумган «кувшиннообразный рукомойник» ●, кумган/куман ⊙, куман — против номеров индекса условный знак отсутствует.

Карта 27. Фонетические параллели: сууғар «полить, поить» ●, сууғар//сууар
 ○, сууар — против номеров индекс условный знак отсутствует.

Индекс населенных пунктов к картам

А—1 *	39. Жаркамыс	79. Қарқаралинск
1. Николаевск	40. Ақтүмсуқ	80. Джебзды
2. Қазталовка	41. Иргиз	81. Қаражал
3. Дергачи	42. Жұрын	82. Ақтоғай
4. Анкаты	43. Чөлқар	83. Жанаорталық
5. Қалмыково	44. Тұрғай	84. Гульшад
6. Урда	45. Саксаул	85. Мынарал
7. Джангала	46. Қазали	86. Қуйған
8. Джамбиты	47. Қармақчи	87. Томар
9. Қаратобе	48. Теренозек	88. Чиили
10. Чингірлау	49. Мойнақ	89. Сауран
Б—1	В—2	90. Жайлыуқоль
11. Яшкуль	50. Қунград	91. Жанатас
12. Азгир	51. Тахтақұпыр	92. Уланбель
12а. Володарский	52. Назархан	93. Мойнқум
13. Акқыстау	53. Тұртқуль	В—3
14. Доссор	54. Мынбулақ	94. Тимур
15. Қосчағыл	55. Тамды	95. Қаратау
16. Сарықамыс	56. Қанимех	96. Ойтал
17. Қызан	57. Қарақуль	97. Чардара
18. Ф-Шевченко	58. Аннау	98. Джебтысай
19. Шетпе	59. Теджен	99. Шарапхана
20. Ералиев	А—3	100. Қолхозабад
21. Ақсу	60. Москаленский	А—4
В—1	61. Қзылту	101. Шербакты
22. Бекдаш	62. Булаево	102. Қош-Ағач
23. Қуули	63. Сергеевка	103. Тұраты
24. Қум-Дағ	64. Володарское	104. Лебязье
25. Қызыл-Арват	65. Степняк	105. Қайнар
А—2	66. Қийма	106. Жангизтобе
26. Беляевка	67. Тасты-Талды	107. Большенарым
27. Адамовка	68. Жолымбет	108. Алексеевка
28. Талдысай	69. Иртышск	109. Қурчум
29. Қарабутак	70. Қалқаман	Б—4
30. Қамышное	71. Шоптықуль	110. Енрекей
31. Бурли	72. Баянаул	111. Баршатас
32. Боровской	73. Құргальджинский	112. Ақсуат
33. Қушмурун	Б—3	113. Зайсан
34. Саға	74. Терсакқан	114. Мақанчи
35. Наурызұм	75. Улығау	115. Ақтоғай
36. Шили	76. Талдысай	116. Учарал
Б—2	77. Ағадырь	117. Сарқанд
37. Шубарқудук	78. Абай	118. Лепсы
38. Сағыз		119. Мулалы

* Буквы обозначают квадраты на карте по горизонтали, а цифры — по вертикали.

120. Баканас
121. Кировский
122. Шенгельды

123. Қазақстан
124. Кеген
125. Нарынкол

126. Қара-Қастек

Реестр карт

№ карты	Фонетические параллели, подвергнутые картографированию	Составители региональных карт по южным говорам для ДАКЯ, привлеченных к уточнению изоглосс однотипных явлений
1	джыл — жыл «год»	Омарбеков С.
2	джоқ — жоқ «нет»	—
3	чет — шет «край»	—
4	чық — шық «выходи»	—
5	пітір — бітір «заканчивай»	Болатов Ж.
6	палдуан — балуан «борец»	—
7	гүмбөз — күмбөз «купол»	—
8	гуруш — куруш «рис»	—
9	гүбү — күбү «кадушка»	—
10	ғаз — қаз «гусь»	—
11	дөрт — дорт — төрт «четыре»	—
12	дөнүрөк — төнүрөк «окрестность»	—
13	тұуар — тоғар — доғар «распрягай»	Накисбеков О.
14	білеміс — білеміз «знаем»	—
15	өзүмүс — өзүмүз «мы сами»	—
16	қалын — қалың «толстый»	—
17	үйдун — үйдүн «дома»	—
18	тыңла — тыңда «слушай»	Накисбеков О.
19	түнлүк — түндүк «войлочное перекрытие купола юрты»	Накисбеков О.
20	ұрда — ұрла «кради»	—
21	беш — бес «пять»	—
22	ұрұқ — ұрұу «род, племя»	Болатов Ж., Омарбеков С.
23	түк қамады — түк қалмады «ничего не осталось»	—
24	кемеді — келмеді «не пришел»	—
25	құмған — құман «кувшинообразный ручнойник»	Сарыбаев Ш.
26	еге — ійе «хозяин, владелец»	Накисбеков О.
27	сұғар — сууар «полей, напон»	Сарыбаев Ш.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Название изданий

ВЯ	— Вопросы языкознания. М.
ДТС	— Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ИСГТЯ	— Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, ч. 1. Фонетика.
КД	— Қазақ диалектологиясы. Алматы, 1965, 1-шығ.
КТДМ	— Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері: В 5-и т., Алма-Ата, 1958, вып. 1; 1960, вып. 2; 1960, вып. 3; 1962, вып. 4; 1963, вып. 5.
МУД	— Материалы по узбекской диалектологии. В 2-х т. Ташкент, 1957, т. 1; 1961, т. 2.
СИГТЯ	— Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984. Фонетика.
СТ	— Советская тюркология. Баку.

Название языков

а.	— арабский	п.	— персидский
аз.	— азербайджанский	рус.	— русский
алт.	— алтайский	тадж.	— таджикский
баш.	— башкирский	тат.	— татарский
гаг.	— гагаузский	тув.	— тувинский
каз.	— казахский	тур.	— турецкий
кар.	— караимский	туркм.	— туркменский
кбал.	— карачаево-балкарский	узб.	— узбекский
кир.	— киргизский	уйг.	— уйгурский
ккалп.	— каракалпакский	хак.	— хакасский
кум.	— кумыкский	чув.	— чувашский
мон.	— монгольский	шор.	— шорский
ног.	— ногайский	якут.	— якутский

Прочие сокращения

букв.	— буквально
Вест.	— Вестник
вм.	— вместо
гов.	— говор
диал.	— диалект, диалектный
досл.	— дословно
Изв.	— Известия
кар.	— карта
лит.	— литературный
сер.	— серия
ср.	— сравни
табл.	— таблица
Тр.	— Труды
Уч. зап.	— Ученые записки
шығ.	— шығуы «выпуск»

Условные обозначения

- / — ставится между соответствующими звуками
// — ставится между параллельно употребляющимися явлениями
< — обозначает направление развития фонетического перехода и прочего звукового изменения

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Глава первая

Сравнительно-историческая и пространственная обусловленность диалектных явлений

1. Звуковая структура как один из определяющих диалектных уровней языка	7
2. Народные говоры в их взаимоотношении с литературным языком	11
3. Контактные черты в звуковой системе говоров	14
4. Ареальный аспект фонетического противопоставления и лингвистическое картографирование	18

Глава вторая

Изменение звуков, характеризующееся фонетическим соответствием

1. Аффрикаты и их замена в анлауте	24
а) Начальная звонкая аффриката (явление джеканыя)	24
б) Начальный неслоговой й (явление йеканыя)	42
в) Начальный дентальный д вместо ж, дж	47
г) Начальная глухая аффриката (явление чеканыя)	48
2. Звонкие и глухие согласные в анлауте и ауслауте	58
а) Начальные билабиальные парные	58
б) Начальные гуттуральные парные	76
в) Начальные смычные дентальные парные	90
г) Конечные парные сибиллянты	100
3. Назальные в ауслауте	111
4. Латеральный и смычные дентальные в инлауте	122
а) Латеральный л вместо смычных д, т	122
б) Смычные д, т вместо латерального л	132
5. Спиранты в различных позициях слова	143

Глава третья

Изменение звуков, характеризующееся явлениями опереднения, неустойчивости, оглушения, озвончения и удвоения

1. Конечные гуттуральные в производных основах	151
2. Неустойчивость согласных в инлауте (синкопа)	157
а) Синкопирование латерального	157
б) Синкопирование гуттуральных	163
3. Девокализация и соноризация гуттуральных	168
4. Геминация согласных	175
Заключение	184

Приложение

Лингвистические карты	194
Индекс населенных пунктов к картам	221
Реестр карт	222

